

ВЯЧЕСЛАВ АЗАРОВ

СТАРОВЕЛЬСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ

Вячеслав АЗАРОВ

СТАРОБЕЛЬСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

ДП «НАБАТ»
Одесса-2011

Спецвыпуск. Газета «Набат» №№ 16 — 18 за 2011г.
Свидетельство о регистрации КВ № 4304 выданное 13.06.2000г.

Вячеслав Валентинович Азаров
Старобельское соглашение —
Одесса: ДП «Набат». 2011. —228 с.

Книга председателя Политисполкома ПП «Союз анархистов Украины» В. Азарова — историко-политическое исследование махновского социального проекта «Вольный советский строй». Перед читателем разворачивается непривычная картина махновщины, впервые в истории пытавшейся реализовать систему безвластного общежития для многомиллионного населения Юго-Восточной Украины. Центральный объект исследования — события вокруг Старобельского соглашения — военно-политического договора правительства УССР с Повстанческой армией Махно. Разбор перспектив Соглашения дает понимание упущенных возможностей демократизации политических систем Украины и России, что сказалось бы и на мировом историческом процесс.

ВСТУПЛЕНИЕ

Описывая историю махновского движения осени 1920 г., большинство исследователей концентрирует свое внимание на военной кампании против Врангеля и вероломном нападении большевиков на повстанцев после взятия Крыма. Меньшая часть историков уделяют внимание беглому освещению социального строительства в Гуляйпольском районе периода красно-махновского Старобельского соглашения (октябрь-ноябрь 1920 г.). Но, за редким исключением¹, мне неизвестны работы, ставящие перед собой задачу разобраться в концепции махновских социальных преобразований того периода.

Совсем не изучен вопрос, какие преимущества для развития анархизма махновцы видели в данном соглашении. Не предпринимались попытки реконструкции того, как они представляли становление своей модели анархического общества — Вольного советского строя (далее, — ВСС) после разгрома Врангеля и окончания Гражданской войны. Да и сам проект ВСС в своем развитии и противостоянии большевистскому проекту Советской власти представлен обычно незначительным фоном для лихих сражений и партизанских рейдов махновцев. А должно быть наоборот.

На приоритетность такого угла рассмотрения махновщины указывал уже первый историк движения и его участник Петр Аршинов (Марин). Даже «говоря о военном характере движения, мы должны исходить не из того частного факта, что махновцы много времени отдали артиллерийским и кавалерийским боям, а из того, с чего *начали махновцы, какие цели они преследовали, какие средства выдвигали для их осуществления*»² (курсив мой — В.А.). Без такого рассмотрения, история махновского анархического эксперимента остается концептуально не выписанной и превратно понятой.

Хотя один из ведущих идеологов анархизма той эпохи Всеволод Волин (Эйхенбаум) в предисловии к Аршинову отмечал его заслугу в деле разъяснения этой стороны махновского движения. «В противовес многим, считавшим и до сих пор еще считаю-

щим махновщину лишь своеобразным военным эпизодом — уда-
лой партизанщиной, несущей в себе все минусы, все созидатель-
ное бесплодие военщины... — автор неопровержимыми данными
показывает всю ошибочность такого мнения. Точно, с фактами в
руках, развертывает он перед нами картину свободного, глубоко
идейного, — хотя и очень краткого, — творческого и организацион-
ного движения широких трудовых масс»³.

Но ни сам Аршинов, ни последующие историки движения не
исчерпали эту тему. И здесь, я думаю, есть что добавить...

29 сентября 1920 г., в результате телефонных переговоров сек-
ретаря Совета Революционных Повстанцев Украины (махновцев)
(далее, — СРПУ/м) Дмитрия Попова с начальником особого отде-
ла Южного фронта РККА В. Манцевым, между махновцами и боль-
шевиками было заключено перемирие. Вследствие чего догово-
ривающиеся стороны подписали Старобельское соглашение. В
случае полной реализации положений этого документа, Соглаше-
ние могло стать поворотным пунктом в истории махновского дви-
жения, развитии конструктивного анархизма, а также в преобра-
зовании политических систем Украины и России, и даже сказать-
ся на мировом историческом процессе.

Укажу лишь на наиболее существенные, с точки зрения новой мах-
новской тактики, пункты Старобельского соглашения, которое дого-
варивающиеся стороны подписали в Харькове 2 октября 1920 г.

Раздел 1 (политический), пункт 1: «Немедленное освобождение
и прекращение преследований в дальнейшем на территориях со-
ветских республик всех махновцев и анархистов, за исключением
вооруженно выступающих против советского правительства».

Раздел 1, пункт 2. «Полнейшая свобода агитации и пропаганды,
как устно, так и печатно, махновцами и анархистами своих идей и
пониманий без призыва к насильственному ниспровержению со-
ветского правительства и с соблюдением военной цензуры. В деле
издания махновцы и анархисты, как революционные организации,
признанные советской властью, пользуются техническим аппаратом
советского государства, подчиняясь правилам техники издания».

Раздел 1, пункт 3. «Свободное участие в выборах советов, право
махновцев и анархистов вхождения в таковые и свободное учас-
тие в подготовке созыва очередного 5-го всеукраинского съезда
советов, имеющего быть в декабре с. г.».

Раздел 2 (военный), пункт 3. «О состоявшемся соглашении ре-
волюционная повстанческая армия Украины (махновцев), в целях
уничтожения общего врага белогвардейщины, доводит до сведе-
ния идущей за ней трудовой массы путем соответствующих воз-

званий с призывом о прекращении военных действий против сов. власти, причем в целях достижения большего результата сов. правительство должно также немедленно опубликовать о состоявшемся соглашении».

Раздел 2, пункт 4. «Семьи революционной повстанческой армии махновцев, проживающие на территории советской республики, в льготах приравниваются к семействам красноармейцев и получают от совет. правительства Украины соответствующие документы».

Наконец, главным условием махновцев, которое они пытались продавить в течение всего периода действия Соглашения, было подписание пункта 4 политической части. «Ввиду того, что одной из главных сторон махновского движения является борьба за самоуправление трудящихся у себя на местах, повстанческая армия махновцев выдвигает четвертый пункт политического соглашения, а именно: организация в районе действий махновской армии местным рабоче-крестьянским населением вольных органов экономического и политического самоуправления, их автономия и федеративная (договорная) связь с государственными органами советских республик»⁴.

Для большинства современных анархистов, воспитанных в андеграундном духе бескомпромиссного отрицания государства, такое Соглашение может выглядеть чуть ли не поражением махновцев в борьбе с большевизмом.

Еще бы! Как они могут расценивать отказ от насильственного свержения советского правительства (р.1, п.2) и даже согласие махновцев на преследование тех анархистов, что будут выступать против Советской власти с оружием в руках (р.1, п.1)?! Да и прочие пункты Соглашения содержат свидетельства сознательного курса махновской политической организации на легализацию в рамках советского государства. Больше того, — курса на легализацию всех организаций анархистов, что захотят сменить вооруженную борьбу на политическую. Причем во всех советских республиках (р.1, п.1).

Кроме отказа махновцев от насильственного свержения Советской власти курс на легализацию подтверждают и другие пункты. Выдвигаемое СРПУ/м условие официального признания махновских и анархических организаций советским государством (р.1, п.2). Условие свободного участия махновцев и анархистов в выборах Советов всех уровней вплоть до 5-го Всеукраинского Съезда Советов (р.1, п.3), — по Конституции 1919 г., — высшего органа государственной власти в УССР. Создание в рамках советского государства анархического федерального субъекта (р.1, п.4). По-

ступление семей махновцев на собес (приравнивание в льготах) государства (р.2, п.4). А также обязательство махновцев агитировать идущие за ними трудовые массы на прекращение борьбы против Советской власти (р.2, п.3).

Сопоставив эти свидетельства с официальной версией большевиков о вынужденном для повстанцев характере Соглашения, можно заподозрить идейную капитуляцию махновского анархизма.

Причем, история махновского движения содержит прецедентный случай 15 февраля 1920 г. во время подпольного собрания остатков комсостава на Николаевских хуторах. Тогда, после распада Революционной Повстанческой армии Украины (махновцев) (далее, — РПАУ/м), измотанной полугодовой борьбой с денкинцами, подкошенной тифом и добитой предательскими ударами РККА, один из повстанческих командиров Иван Долженко выдвинул идею прекращения вооруженной борьбы и легализации махновщины. «Священной обязанностью теперь надо считать вопрос организации свободных коммун в советских условиях. В этом мы имеем достаточно опыта и должны показать деревне, насколько эффективно нужно устроить коллективную жизнь... Мы должны оружие сдать в музей революции и организовать хоть сколько-нибудь свободных коммун, повторяю, в советских условиях». И предложение Долженко было поддержано большинством присутствовавших командиров⁵.

Наконец, с осени 1918 г. в Стране Советов уже существовал соглашательский вариант анархизма — так называемый «советский анархизм». По словам набатовца Анатолия Горелика, многие анархисты «выступили резко в защиту «тактики» большевиков, считая их пребывание у власти неизбежным, и призывали рядовых анархистов к «творческой» работе с большевиками»⁶. В обмен на некоторую свободу агитации и печати, возможность проводить свои форумы, они признали большевистское государство, как необходимый этап перехода к социализму. Причем большевистские авторы прямо именовали «советских» анархистов сторонниками легальной тактики⁷. Но резолюция 1-го съезда анархической Конфедерации «Набат» заявляла, что «представители так называемого «советского анархизма», ставшие на платформу признания и поддержки «советской власти», тем самым автоматически перестали быть анархистами»⁸.

Однако политическая ситуация осени 1920 г. и стремление махновцев к легализации в тот период принципиально отличались от ситуации и стремления начала года. К февралю 1920 г. красные добились остатки Повстармии и охотились на скрывавшихся махновских коман-

диров. Когда казалось, что движение разгромлено окончательно, единственным способом сохранения его анархических наработок в области самоорганизации и социального строительства, как и его людского потенциала, действительно, могла стать «организация свободных коммун в советских условиях». Так сказать, до лучших времен.

И совсем другое положение складывалось в сентябре того же года. Возрожденная Повстармия разрослась до 35 тыс. бойцов. А в результате наступления Врангеля, перед большевиками встала новая угроза потери Украины. И, чтобы остановить белых, им, как воздух, нужна была помощь РПАУ/м. Махновцы ставили большевикам условия, а не наоборот. Какая уж тут капитуляция! К тому же, основные силы Конфедерации «Набат» поддержали Старобельское соглашение, значит, видели в нем нечто принципиально отличное от «советского анархизма».

Воспоминания лидеров движения говорят о том, что в основе Старобельского соглашения лежала четко продуманная концепция. А его подписание для махновцев не было каким-либо спонтанным и, тем более, вынужденным шагом. Курс на него был взят махновской армией еще в июне 1920 г. на специальном заседании комсостава по вопросу дальнейшего существования движения. По словам начштаба РПАУ/м Виктора Белаша, после рассказа прибывших в движение городских анархистов об их преследовании Советской властью, «Все сходились на том, что надо форсировать организацию армии, которая сможет поставить большевиков в такое положение, при котором они вынуждены будут признать за махновцами независимость Гуляйпольского района и свободную трибуну для пропаганды идей». Для достижения этой цели во все концы Украины были разосланы организаторы с поручением СРПУ/м собирать и объединять повстанческие силы⁹.

Насколько махновцы преуспели в этом деле, говорит вероломный разрыв большевиками Старобельского соглашения. Договор этот был так опасен для красных, что им понадобилось коварно в ночи напасть на вчерашнего союзника, перед этим униженно пытаясь усыпить его бдительность заверениями в дружбе.

Наконец, последним аргументом, опровергающим предположение о Соглашении, как капитуляции махновцев, является то обстоятельство, что сама по себе легализация анархических организаций не является неким подарком большевиков, их платой за покорность повстанцев. Старобельское соглашение было совсем не первой легализацией анархистов на территориях бывшей Российской империи. Впервые они стали легальными, то есть равно-

ВСТУПЛЕНИЕ

правными в свободе слова, печати, собраний и организации с другими политическими движениями, после Февральской революции 1917 г.

Нестор Махно так вспоминал свое настроение марта 1917 г.: «я верил, что легальная работа анархистов в захватывающий революционный момент неминуемо приведет их к сознанию необходимости создания своей анархической организации и разработке ее средств (курсив мой, — В.А.), которые помогли бы ей привести все наличные силы анархизма к своим позициям и создать цельное и законченное в своих действиях — в данной революции — анархическое движение»¹⁰.

Значит, Старобельское соглашение явилось лишь возвращением этого права, отобранного красными узурпаторами. Налицо признаки не капитуляции, а победы махновцев, которую большевики не могли нивелировать другим способом, кроме предательства.

¹ Например, Шубин А.В. Анархический социальный эксперимент. Украина и Испания. 1917 — 1939 годы. М. 1998

² Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.163

³ Аршинов. с.15-16

⁴ Нестор Иванович Махно. Воспоминания, документы и материалы. К. 1991., с.175-177

⁵ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.383

⁶ Горелик А. Анархисты в российской Революции. Аргентина. 1922 // цит. по <http://socialist.memo.ru/books/html/gorelik.html>

⁷ Ерте Д. Політична програма анархо-махновщини // Літопис революції № 1 (40), січень-лютий 1930., с.44

⁸ Анархисты. Документы и материалы. т.2. 1917-1935 гг. М. 1999.,с.340

⁹ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.406

¹⁰ Махно Н.И. Воспоминания. кн.1. К. 1991., с.8

БОРЬБА ЗА СОВЕТЫ

Логика Старобельского соглашения нельзя понять без обзора борьбы анархистов за безвластные Советы, развернувшейся в бывшей Российской империи после Февральской революции. В результате царской реакции, к началу революции в стране оставалось до 300 анархистов. После Февраля они стали возвращаться из тюрем и из-за границы¹. Росту численности их рядов способствовали также сильные антигосударственные настроения после свержения самодержавия. А степень влияния анархических идей на революционное общество показывает возвращение Петра Кропоткина из эмиграции в июне 1917 г.

На Финляндском вокзале Петрограда в 2:30 ночи его встречала 60-тысячная толпа, оркестр, исполнявший «Марсельезу», — гимн новой России, а также министры Временного правительства во главе с А. Керенским. Последний считал авторитет основателя анархо-коммунизма столь высоким, что позднее предложил Кропоткину войти в новый состав правительства. По П. Эвричу, стать министром образования². По В. Маркину, — вплоть до места председателя правительства³. Если верить последней версии, идеологу анархизма было предложено возглавить Российское демократическое государство. Случай небывалый в истории, показывающий общие настроения новой власти, которая приветствовала анархическую мысль в деле общественной реорганизации. Кропоткин решительно отказался.

С первых дней легализации анархисты взяли курс на развитие революции, в чем нашли естественных союзников в лице большевиков (радикальных социал-демократов). Больше того, только эти две силы проповедовали свободное общество без государства.

Подобно анархистам, последователи К. Маркса осуждали институт государства, как орудие господства правящего класса, машину подавления подвластных. Ф. Энгельс предвидел времена, когда свободное поколение «окажется в состоянии выкинуть вон весь этот хлам государственности»⁴. Когда общество «отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее

место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором»⁵. Но, в отличие от анархистов, марксисты стремились вначале захватить государство и использовать его аппарат для создания бесклассового общества. В. Ленин писал после февраля 1917 г.: «Нам нужна революционная *власть*, нам нужно (на известный переходный период) *государство*. Этим мы отличаемся от анархистов»⁶. И диктатура пролетариата, по Ленину, является переходом «от государства к негосударству»⁷. Причем, по его же словам, государство начнет отмирать сразу после установления диктатуры пролетариата⁸.

В отличие от большевиков, основная масса анархистов провозглашала «поступательный, но немедленный» переход от государства к анархии. Что предлагалось сделать через социализацию средств производства, их передачу в прямое управление трудящихся, при котором экономические организации рабочих и крестьян снизу будут создавать новое общество без власти и эксплуатации. Как резюмировал взгляды анархистов Волин, удачное решение поставленных революцией задач «может быть лишь свободным и сознательным, коллективным и солидарным делом миллионов людей»⁹. Таким образом, элитарной концепции революции большевизма, в которой трудящиеся подчинены правительству, проводящему социальные преобразования, анархисты противопоставляли эгалитарную массовую концепцию, где трудящиеся самостоятельно строят новую жизнь без указаний политической власти.

Уже тогда существовала и третья, отличная от общепринятой анархистами, концепция Кропоткина. К возвращению в Россию «апостол анархии» отошел от проекта немедленного воплощения идеала в пользу некой переходной стадии к анархическому обществу. Как следствие, Кропоткин принял участие в Государственном совещании августа 1917 г., — всероссийском политическом форуме. Там он выступил за созыв Учредительного собрания и создание на землях бывшей империи федеративной республики¹⁰. По мнению С. Ударцева, здесь политик-реалист в Кропоткине взял верх над утопистом-анархистом, а практик — над теоретиком¹¹. А объяснение его оборончеству в Первой Мировой войне дает призыв к форуму «стать дружной стеной на защиту нашей родины и нашей революции... Родина сделала революцию, она должна довести ее до конца». И, напротив, во время большевистского переворота в Москве, Кропоткин констатировал «Это хоронят русскую революцию»¹². Он понимал всю хрупкость обретенных свобод, и стремился к их укоренению в обществе, которому могли помешать как поражение в Мировой войне, так и Гражданская война внутри страны.

Но учитель не был понят своими учениками, по инерции находившимися в плену более ранних идей Кропоткина об одномоментном свержении государства. Он подвергся резкой критике со стороны практически всех видных деятелей анархического движения. Харьковские анархисты даже напечатали некролог по поводу его политической смерти, как анархиста¹³. Махно вспоминал, что при известии об участии Кропоткина в Государственном совещании его группа «остолбенела», подозревая в учителе старческую усталость. Но раньше Махно указывал на ожидания анархистов, что Кропоткин укажет конкретные пути организации движения и сформулирует положения анархизма, которыми необходимо им заняться в революции¹⁴. Осознал это батька или нет, но последующее развитие махновского движения привело его к выводам, близким Кропоткину в части постепенного укоренения свобод, и вылившимся в Старобельское соглашение.

Столкновение большевистской и анархической концепций революции еще в апреле 1917 г. предрекал Волин. По его прогнозу за Февралем последует второй этап революции в виде борьбы за власть между либерально-буржуазным правительством и Советом, которая закончится победой последнего. А вслед за этим начнется третий этап, — борьба между центральной социал-демократической властью и «непосредственно действующими на местах рабочими и крестьянскими организациями, переходящими к прямой экспроприации земли и всех средств потребления, производства и передвижения». Борьба между марксистской и анархической социальными идеями. Волин предрекал, что эта борьба закончится победой самостоятельных организаций трудящихся «в их творческом порыве к новой жизни — на началах полной децентрализации, полного безвластия: на началах организации союзов безвластных общин, городских и сельских, союзов «вольных городов» и «вольных деревень»; на началах анархического коммунизма»¹⁵.

Анархисты готовились к этой борьбе. В течение весны-лета 1917 г. их организации возникли в 28 городах: Петрограде, Москве, Харькове, Киеве, Ростове, Екатеринославе, Елисаветграде, Александровске, Одессе, Николаеве, Самаре, Саратове, Перми, Курске, Брянске, Бежице, Томске, Иркутске, Красноярске, Гельсингфорсе, Кронштадте, Казани, Нижнем Новгороде, Севастополе, Вятке, Выборге, Александрове Владимирской губернии, Каменске Екатеринославской губернии¹⁶. К октябрю этого года группы и федерации анархистов работали уже в 40 городах бывшей империи¹⁷.

Своего пика распространение анархизма достигло в 1918 г., когда анархистские организации существовали в 130 городах и поселках 56 губерний страны¹⁸.

И анархисты, и большевики видели Советы ведущей организационной формой для реализации своей программы. Как организации трудящихся, Советы противопоставлялись органам буржуазно-демократического парламентаризма. Их идею выводят из неполитической самоорганизации пролетариата для борьбы за экономические права. На что указывал еще Михаил Бакунин, как на форму организации анархичную по сути¹⁹. Бакунисты предлагали замену правительства и муниципальных управлений Советами делегатов от профсоюзов²⁰. В начале XX в. наследниками идей и практик бакунистов стали анархо-синдикалисты. В революцию 1905 г. забастовочные комитеты, — Советы уполномоченных, — были наиболее активной формой рабочих союзов. Волин, непосредственный участник создания одного из первых Советов в Петербурге января 1905 г., характеризовал его, как неполитический автономный орган взаимопомощи рабочих²¹.

Другие анархисты выводили Советы из традиций крестьянского самоуправления. По словам американской анархистки Эммы Голдман, независимый рабочий совет — «это тот же старый русский «мир», просто в более современной и более революционной форме. Он настолько глубоко укоренен в людях, что возник на русской почве столь же естественно, как появляются цветы на полях»²². С этой точки зрения, Советы стали продолжением общинной традиции и возникали без подсказки социалистов²³. Что объясняет повсеместное распространение крестьянских Советов (союзов). Самые мелкие Советы являли собой образец «прямой демократии», то есть были органами, состоявшими из всех граждан или, в случае с фабричными Советами, из всех рабочих фабрики²⁴.

Параллельно социал-демократы развивали идею «власти Советов», как политической формы пролетарской демократии. Волин писал, что в Петербурге РСДРП «в конце концов удалось проникнуть в Совет», а эсдек Л. Троцкий сначала стал его секретарем, а, после ареста первого неполитического председателя Совета, занял его место²⁵. Партии социал-демократов и эсеров стремились подчинить Советы своему влиянию. Позднее опыт этих органов 1905 г. использовал Ленин для разработки своей концепции Советов, как государственной формы диктатуры пролетариата²⁶.

После падения самодержавия, выпущенные из тюрем умеренные социал-демократы (меньшевики), по образцу его предшественника 1905 г., создали 27 февраля 1917 г. первый Петроградский Совет. За чем последовала цепная реакция создания Советов в провинциях. Причем возникшие в центре и на местах Советы представляли собой политические, а не экономические организации. Что позволило Ленину в апреле 1917 г. заявлять: «Анархией называется отрицание всякой государственной власти, а Совет рабочих и солдатских депутатов есть *также* государственная власть»²⁷.

Политический характер новых Советов толкал часть анархистов выступать против участия в этих выборных органах. Но другая их часть решила не игнорировать Советы, а бороться за них с целью возвращения им функций безвластных экономических органов трудящихся. Позднее, в сентябре 1918 г. газета московских анархо-синдикалистов «Вольный голос труда» указывала, что синдикалисты признают переходную стадию к анархии, которая состоит в распылении власти по Советам. Эти Советы подчиняются прямому контролю избирателей. Республика Советов — приемлемая для синдикалистов политическая форма организации общества в переходный период. При этом они отвергают депутатскую систему формирования Советов. Депутат — законодатель, делегат — исполнитель. Такие делегатские Советы должны объединяться на принципах федерализма без всякой центральной власти²⁸. Речь шла о тех органах, что позднее, в махновщине, получают название «Вольных Советов», — независимых от центральной власти и входящих в общую хозяйственную систему на основах равенства²⁹.

Такой подход объясняет утвердительный ответ лидера фракции анархистов ВЦИК Советов Аполлона Карелина на телеграмму Махно, которой тот запрашивал, может ли он, как анархист работать в Гуляйпольском Совете³⁰. Но даже в ноябре 1917 г., на 2-й конференции Петроградской федерации анархистов (далее, — ПФА) продолжалась полемика по вопросу участия анархистов в Советах. Делегаты сходились на том, что анархистам надо входить в Советы с целью информации и пропаганды, но не участвовать в их следственных комиссиях, выполняя тем самым функции судей. Как заметил т. Белый, «Советы из говорилен превращаются в ось, вокруг которой вращается вся Россия. К ним нельзя относиться отрицательно, это передовые и революционные организации, и входить в них анархисты должны, для внесения в них начала творческого и толкающего вперед»³¹. А в декабре один из лидеров федерации Иосиф Блейхман (Солнцев) призывал анархистов идти в Советы, чтобы противодействовать их превращению в органы власти³².

Анархисты имели свое представительство в Советах всех уровней. Так об участии в работе Совета своих делегатов ПФА заявила уже 7 марта 1917 г.³³ Декларация Московской федерации анархических групп (далее, — МФАГ) призывала массы участвовать только в своих классовых организациях, — профсоюзах и Советах³⁴. Накануне Октября анархисты работали, как минимум, в Советах Петрограда, Москвы, Харькова, Одессы, Александровска, Кронштадта, Выборга, Красноярска.³⁵ Так в Одесском Совете было 9 анархистов³⁶. В Кронштадтском Совете, — 7 анархистов.

Но определить общее число — депутатов Советов и делегатов съездов Советов, как и число самих Советов, где работали анархисты, почти невозможно. Анархисты, отрицавшие принцип партийности, часто записывались, как «беспартийные». Но они имели свою фракцию на Всероссийском съезде Советов и в Центральном исполнительном комитете, которую возглавляли Александр Ге и Карелин. Анархисты участвовали в работе губернских, областных, армейских и всероссийских съездов Советов³⁷.

Борьба за Советы сыграла решающую роль в судьбах революции. Уже 9 марта 1917 г. военный министр А. Гучков указывал, что «Временное правительство не располагает какой-либо реальной властью» и его приказы выполняются лишь в тех размерах, которые допускает Петроградский Совет³⁸. Сам Петросовет превратился в общегосударственный орган, в его компетенцию вошли вопросы административного строительства, он координировал сети местных Советов по всей стране.

В то же время, лозунг большевиков «Вся власть Советам!» имел для них лишь перспективный характер. Большинство мандатов в Советах удерживали умеренные социалисты — эсеры и меньшевики. И на 1-м Всероссийском съезде Советов в июне 1917 г. большевиков было менее 10% делегатов (105 из 1090), а эсеров и меньшевиков — подавляющее большинство. В таком контексте лозунг большевиков, прежде всего, был направлен против создания аппарата Временного правительства на местах, а значит, был союзным для анархистов в вопросе децентрализации.

Этот лозунг анархисты понимали дословно, в смысле «Вся власть Советам на местах!», как требование автономии Советов, средство распыления власти с ее последующим уничтожением. Ге указывал, что этот лозунг исключает любое централизованное правительство³⁹. Перед самым Октябрем газета питерских анархо-синдикалистов «Голос труда» писала, что победа под этим лозунгом только в одном случае станет началом социального пере-

устройства. Если под словом «власть» понимать передачу организации жизни всюду на местах в руки рабочих и крестьянских органов самоуправления⁴⁰.

Даже в ноябре 1917 г. газета Кронштадтской федерации анархистов «Вольный Кронштадт» писала: «Мы, анархисты, не считаем возможным отказываться от активного действия под этим лозунгом, вкладывая в него... наше толкование безвластия»⁴¹. А в конце марта 1918 г. газета московской федерации «Анархия» указывала, что Советы созданы исключительно творчеством масс и вопреки власти. Дело Советов «быть творцами революции, раскрепостителями, а не властителями и не урезывателями»⁴².

В этом плане позиции анархистов усиливались автономистскими настроениями в провинции. Еще 17 апреля в Шлиссельбурге ревком «Народная воля» объявил свой уезд автономией, на которую не распространяется власть ни Временного правительства, ни Петросовета. А через месяц Совет Кронштадта объявил о непризнании власти Временного правительства и, таким образом, стал первым советским городом в автономном анархическом смысле. В результате подобного «парада суверенитетов» в январе 1918 г. большевистская фракция 3-го Всероссийского съезда Советов была вынуждена осуждать уклон в децентрализацию, по которому Советы хотели видеть каждую губернию самостоятельной республикой. Но еще летом 1918 г. ленинская пресса критиковала самоуправство автономных волостных Советов в Нижегородской, Рязанской, Тульской, Новгородской губерниях. И вплоть до 5-го Всероссийского съезда Советов (июль 1918 г.) в РСФСР отмечалось существование губернских, уездных и даже волостных республик с собственными «совнаркомками»⁴³.

Анархисты первыми попытались свергнуть Временное правительство и реализовать свое видение лозунга «Вся власть Советам!». Именно с этой целью готовилась демонстрация 10 июня 1917 г. в Петрограде. В части полков и заводов столицы и Кронштадта анархисты увлекали за собой большевиков. По словам члена ПК РСДРП/б М. Харитонова, в те дни было трудно понять, где кончается большевик и начинается анархист. При штабе ПФА был создан анархо-большевистский центр восстания. Руководил им анархист Гаврилов⁴⁴. И после разгрома центра за анархический план восстания выступало радикальное крыло большевиков вплоть до членов ЦК И. Смилги и И. Сталина. В пик кризиса 4 июля массы пошли на Таврический дворец (ЦИК Советов) с требованием передачи всей власти Советам. Лидер анархической федерации Кронштадта Ефим Ярчук вспоминал, что план анархи-

стов был таков, что демонстрация перерастет в восстание, власти будет нанесен смертельный удар, а Советы на местах доведут ее до полного уничтожения⁴⁵.

Только заявление ЦК РСДРП/б о преждевременности восстания (ввиду неспособности большевиков удержать власть) внесла раскол в действия союзников. Движение захлебнулось, и было подавлено гвардейскими войсками, верными эсеро-меньшевистскому ЦИК Советов.

Но и позднее анархисты участвовали в Октябрьском перевороте для реализации своего видения лозунга «Вся власть Советам!». По прогнозу Волина от 20.10.1917 г., если революционные массы выступят под большевистским пониманием этого лозунга, с целью захвата власти, анархисты все равно будут участвовать в таком движении, чтобы внести в него свое содержание⁴⁶. А «Вольный голос труда» писал, что целью переворота было освобождение трудящихся от гнета государственной власти, через окончательное разрушение политической централизации⁴⁷.

С этой целью выступала ударная сила Октябрьского переворота — отряды моряков-анархистов Кронштадта, Гельсингфорса и флотских экипажей. Шлиссельбургский отряд анархиста Юстина Жука брал приступом Михайловское артиллерийское училище. Анархисты сражались в рядах Красной гвардии. Анатолий Железняков и Алексей Мокроусов командовали штурмовыми группами. Блейхман, Ярчук, Генрих Богацкий и Владимир Шатов стали членами штаба восстания — Военно-революционного комитета при Петроградском Совете⁴⁸. Ударной силой переворота в Москве был Двинский полк, солдаты которого считали себя анархистами. Их возглавили два ветерана анархического движения Грачев и Федотов⁴⁹. И позднее дружины анархистов сражались с войсками Керенского, П. Краснова, А. Дутова, А. Каледина⁵⁰.

Октябрьский переворот оправдал прогноз Волина о победе советской системы над либерально-буржуазной демократией. Последним актом этого этапа революции стал конфликт вокруг Учредительного Собрания, на выборах в которое подавляющее большинство получили умеренные социалисты. В своих тезисах по поводу Собрания вождь большевиков рассматривал его, как пройденный буржуазный этап, менее демократичный в сравнении с республикой Советов. А противостояние этих учреждений он представлял борьбой буржуазной и социалистической революций⁵¹.

И, по мнению Волина, нигде и никогда, ни одно Учредительное Собрание не удовлетворяло нужд, потребностей и задач трудящейся массы, а удовлетворяло лишь имущих⁵². Ему не был бли-

зок взгляд Кропоткина на необходимость этого института. Или в другой статье Волин указывал, что анархисты не хотят Собрания, так как выдвигают вместо такой организации власти сверху «организацию революции» снизу, то есть создание новой общественной системы самими трудящимися⁵³. В таком контексте, сопротивление «учредилке» было аналогично защите Советов от замещения их органами буржуазной демократии. Откуда видится вполне закономерным, что разгоном Учредительного Собрания 6 января 1918 г. руководил сторонник анархической концепции Советов матрос Железняков.

Такая поддержка со стороны анархистов могла иметь и те основания, что первые шаги ленинского режима внушали им уверенность в перспективах анархического федерализма Страны Советов. К примеру, уже после переворота Наркомат внутренних дел определял роль местных Советов так, что «каждая из этих организаций, вплоть до самой мелкой, вполне автономна в вопросах местного характера».

И первый проект Конституции Советской республики от января 1918 г., по мнению Э. Карра, «был чистейшим образцом синдикализма». По этому проекту республика опиралась на пять профессиональных федераций: земледельцев, рабочих, торговцев, чиновников, прислуги. Мало того, федерализм республики подразумевал не союз территориальных единиц, а совсем по-синдикалистски, — федерацию социально-хозяйственных организаций. Причем, давая замечания к проекту Конституции, никто иной, как Сталин, указал, что Конституция рассчитана на переходный период к социализму, поэтому в ней поднимаются вопросы об организации власти. В то же время, ее положения не могут распространяться на социалистический строй, «где не будет ни классов, ни аппарата власти»⁵⁴.

Между тем, результаты переворота, совершенного под знаменем Советов, носили, по сути, антисоветский характер. Так 2-й Всероссийский съезд Советов, объявивший 26 октября 1917 г. свержение Временного правительства и создание Советской власти не имел широкого представительства от Советов всей страны, а был сфабрикован большевиками. Их большинство на съезде стало результатом грязных манипуляций вроде отправки своих «делегатов» без выборов на местах и их двойной регистрации в мандатной комиссии⁵⁵. А последующий отказ ЦК РСДРП/б от создания правительства из всех социалистических партий, входивших в Советы, стал политическим объявлением Гражданской войны. Этим актом ленинцы вступили в конфликт с множеством местных Советов с эсе-

ро-меньшевистским большинством. И создание новой государственной власти, базирующейся на Советах — «Советской власти» — оказалось фикцией.

Здесь же следует учитывать социальный состав населения, показывающий реальный характер «пролетарской революции» — реализации элитарной концепции большевиков, прикрываемой интересами рабочего класса. Если к началу 1914 г. в городах проживало 26,8 млн. чел. из 175 млн. населения империи, то к началу 1918 г. это соотношение составляло 2 к 109,5 млн. И далеко не все из горожан были рабочим классом. Мало того, большая часть настоящего, кадрового пролетариата была рекрутирована и выбита еще в первый период мировой войны. На предприятия перекочевали мещане, прислуга, ремесленники, лавочники. А еще к 1917 г. число женщин и подростков на производстве достигло 48,4%. Наконец, основной приток рабочей силы на заводы составили крестьяне, у которых в деревнях остались земельные наделы, которые были пронизаны психологией мелкого собственника и не были пролетариатом, по сути. При этом на начало 1918 г. фабрично-заводская инспекция насчитала в России чуть более 1,140 тыс. рабочих. В Украине же на конец 1917 г. было около 893 тыс. рабочих⁵⁶.

Поэтому, когда идет речь о «пролетарской революции», надо помнить, что мы имеем дело с мифом политических путчиков. А когда мы упоминаем анархический лозунг «Вся власть Советам на местах!», — речь идет об автономном самоуправлении подавляющей массы революционного общества — крестьянских Советах.

Аршинов же указывал, что для большевиков после захвата власти «революция, как массовое движение трудящихся под лозунгами октября, закончилась» и далее «может идти теперь только через органы государства». Согласно их элитарной концепции, с этого момента ленинцы стали упорно противодействовать всяким массовым начинаниям трудящихся⁵⁷. Главный удар пришелся по многочисленным Советам крестьянских депутатов. Под лозунгом союза рабочего класса с трудовым крестьянством большевики провели их слияние с Советами рабочих и солдатских депутатов, тем самым, ликвидировав независимые крестьянские организации. В то же время ленинцы повели и принудительные перевыборы Советов. Там, где даже после этого им не удавалось получить большинство мандатов, Советы просто разгонялись, как это было в Ярославле, Новгороде, Сормово, Вятке⁵⁸. Выборные органы на местах подменялись властью назначенцев-комиссаров и самочинных ревкомов.

У имевших же большинство мандатов эсеров и меньшевиков не было собственных вооруженных сил для отпора произволу. Их недавняя опора, — полностью разложенная, по составу крестьянская, старая армия бежала в деревни и села для участия в переделе земли, и не стала защищать «свои» партии. Правда, после получения большинства в Советах, ленинцы декретом ВЦИК от 28.11.1918 г. «разрешили» легальное участие умеренных социалистов в их работе. Но эта вольность касалась в основном демократического фасада Советской власти, — столиц, — напоказ мировому социалистическому движению. В провинции же очень часто запрещалась деятельность социалистов произволом властей, имелись неоднократные случаи исключения фракций меньшевиков из Советов решением большинства РКП/б. Кроме того, была закрыта вся партийная пресса эсдеков⁵⁹.

Но и сама узурпация Советов была для большевиков лишь средством достижения своих идеологических и экономических целей. Не питая романтических иллюзий и надменно высмеивая «бездну тупоумия презренных пустомель анархизма»⁶⁰, Ленин после захвата власти не считал нужным искать компромиссы или окольные пути. Он напролом следовал избранным местам марксистской доктрины. Лидеры большевизма 1917 — 1920 гг. наметили прямой и короткий путь к своей цели, известный под названием политики военного коммунизма (далее, — ПВК). Это серия государственных мероприятий, обеспечивающих непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению⁶¹. Данная политика включала в себя тотальную национализацию средств производства и ликвидацию старых эксплуататорских классов, отмену частной собственности, установление государственного планового хозяйства и замену товарно-денежных отношений продуктообменом.

Правда, после 1920 г., когда политика эта потерпела крах и легла позорным пятном на первые годы «диктатуры пролетариата», советская историография пыталась выставить ПВК исключительно в вынужденном свете. Мол, все ее мероприятия были навязаны Советской власти иностранной интервенцией и Гражданской войной⁶². Однако в период проведения этой политики сами лидеры большевизма не стеснялись ПВК и видели в ней кратчайший путь к бесклассовому обществу. Никакое сопротивление и жертвы не могли отвернуть их от близкого достижения идеала.

Для политического обеспечения быстрого перехода к коммунизму и производилась большевизация Советов, — достижение монополии управления путем принудительного изгнания из них

других партий и отказа от свободных выборов. К тому же, заявленный темп социально-экономической трансформации стал диктовать и жесткую централизацию Советов, их низведение до роли исполнителя столичных решений. Что полностью ложилось в элитарную концепцию революции, но в результате чего и начала складываться советская административно-командная система бюрократического централизма.

Несмотря на ленинскую критику старорежимной бюрократии, сам большевистский проект социалистических преобразований диктовал создание еще большего госаппарата. Начиная с выхода 27 ноября 1917 г. Положения Совнаркома (далее, — СНК) о рабочем контроле, открывшего путь национализации промышленности, и кончая введением продовольственной диктатуры 13 мая 1918 г. огосударствление экономики прямо вело к невиданному росту бюрократии, призванной ею управлять. А самому красному чиновничеству давало головокружительные карьерные возможности и стабильный достаток на пике экономической разрухи. Так стали складываться сугубо материальные интересы нового госаппарата, в результате чего ПВК и достигла таких тотальных угрожаящих масштабов⁶³.

Новая бюрократия стала много крупнее и могущественнее старорежимной и при этом претендовала на контроль всех (!) экономических и общественных связей. Таким образом, не сталинский кадровый переворот, а ленинская ПВК была причиной бурного развития советской номенклатуры.

Следует отметить закономерность появления такой бюрократии, заложенную в марксизме. Начиная с Бакунина, анархисты критиковали утопию «диктатуры пролетариата»: сохранение государства — залог восстановления эксплуатации. Работники, ставшие правителями, «перестанут быть работниками и станут смотреть на весь черно-рабочий мир с высоты государственной; будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом»⁶⁴.

Дальше шел Ян-Вацлав Махайский, бывший социал-демократ, на рубеже XX в. развивший прогнозы Бакунина в своем возмущении против марксизма. По его доктрине, интеллигенция является особым эксплуататорским классом со своим специфическим средством производства — знаниями. «Научный социализм» является его выдумкой, направленной на обман трудящихся⁶⁵. Пролетарские лозунги интеллигенции он называл «фазой экономического маскарада», направленного на завоевание классового господства. При капитализме интеллигенция довольствуется крохами со стола буржуазии. Поэтому она поднимает пролетариат на

обобществление средств производства, чтобы затем стать монопольным эксплуататором трудящихся⁶⁶. Революцию 1917 г. Махайский объявил первым шагом интеллигенции на пути к власти⁶⁷. Примечательно, что многие махаевские группы начала века стали подосновой создания анархических групп.

В этом контексте, причинно-следственная связь ПВК и начала Гражданской войны видится следующим образом. Преследуя цели прямого перехода к социализму и тотального господства в обществе, большевики сразу после октября 1917 г. начали первые мероприятия военного коммунизма. Политически обеспечивала эту экономическую трансформацию монополизация власти в их руках. Но разгон Учредительного собрания и принудительная большевизация Советов толкали на сопротивление новому режиму партии умеренных социалистов, имевшие в них большинство мандатов.

В то же время, развал промышленности и голод среди рабочих вызвали вооруженный поход новой власти на деревню, который не решил продовольственную проблему режима, но обеспечил сначала чисто политическое сопротивление умеренных социалистов массовой поддержкой многомиллионного крестьянства. Что и стало началом реальной Гражданской войны и обозначило основные стороны ее противостояния, в сравнении с которыми монархическая и крупно-буржуазная контрреволюция играли явно второстепенную роль. Ведь ленинский режим держался на эксплуатации крестьянства и пролетариата, куда более жесткой, чем при самодержавии.

Соответственно, для анархистов ПВК не только не углубляла политические завоевания Февральской революции в части децентрализации власти и автономии Советов. Напротив, с началом военного коммунизма большевики стали главными оппонентами анархистов в вопросах социального строительства. Как следствие, уже в ноябре 1917 г. питерский «Голос анархиста» критиковал ленинцев, что с приходом к власти они «превратились в новых чиновников, с полицейскими навыками и крайним презрением к массе». Поэтому Октябрьский переворот является лишь эпизодом Великой русской революции и борьба предстоит еще долгая. А единственный выход — путь социальной революции⁶⁸. О том же писал и орган ПФА «Буревестник» в марте 1918 г.: «Жесточе те господа ошибаются, думая, что настоящая революция уже закончена, что теперь осталось только закрепить те паскудные завоевания, что достались трудовому народу. Нет! Настоящая революция, социальная революция, освободительница трудящихся всех стран, только начинается»⁶⁹.

По свидетельству Волина, именно после октября 1917 г. окончательно оформилась идея 3-й анархической Социальной революции⁷⁰. А, согласно его апрельскому прогнозу, эта революция и должна была стать заключительным этапом освобождения трудящихся. Причем, к примеру, красноярские анархисты считали, что ее осуществление, то есть передачу земли крестьянам, а заводов — рабочим, может совершить только союз Советов⁷¹. Идея 3-й революции стала главным фактором консолидации анархических сил.

Еще 13 октября 1917 г. на общегородской конференции анархистов Москвы рассматривался вопрос об определении общей тактики анархизма⁷². А уже 3 марта 1918 г. в газете «Анархия» МФАГ вышла программная статья М. Вольного о единой платформе анархизма. Автор отмечал, что каждое анархическое течение предлагает взамен государства свою систему организации социальных отношений. И это приводит к разъединению анархических сил. По мысли же автора, в будущей анархии каждое течение должно параллельно создавать свои формы отношений, как удовлетворяющие запросам разных личностей. Поэтому уже сейчас он предлагал исключить из отношений между группами посягательства на авторитетность и преимущества своих учений и объединиться для работы на единой платформе⁷³.

Анархисты правильно восприняли урок эсеро-меньшевистской беззащитности, позволившей ленинцам оккупировать Советы, и пришли к идее создания собственной гвардии. После февраля 1917 г. они опирались на революционных матросов и солдат. В Севастополе, Кронштадте и Гельсингфорсе анархизм во влиянии соперничал с большевизмом. Боевым центром анархистов Петрограда был 2-й Балтийский флотский экипаж⁷⁴. Анархическая организация была создана в 12-й армии Северного фронта⁷⁵.

Ударной силой «июльского кризиса» были анархисты 1-го запасного пулеметного полка. Тогда же проявил себя предтеча Красной гвардии, — рабочая милиция, которой руководили анархисты и большевики⁷⁶. И даже в период подготовки Октября, анархисты не создавали своих вооруженных сил, а участвовали в организации Красной гвардии. Изначально она была беспартийной рабочей организацией, подчиненной исполкому Совета. Так отдельная сотня анархистов из Союза моряков входила в состав Красной гвардии Одессы⁷⁷. В Октябрьском перевороте участвовал отряд красногвардейцев-анархистов Жука из Шлиссельбурга.

Но уже с декабря 1917 г. в печати и на митингах анархистов стали звучать призывы к созданию своих боевых дружин⁷⁸. Причем их организация виделась труднейшей задачей. В отличие от

государственников, им предстояло создать именно анархические силы, где без принудительной дисциплины, боевая структура должна быть сильна «живой инициативой и сознанием боевой целесообразности каждого в отдельности»⁷⁹.

И такие дружины под названием «Черная гвардия» постепенно стали возникать при всех федерациях анархистов. Уже в конце января 1918 г. существовала Саратовская федерация Вольных революционных отрядов «Черной гвардии». Местная Свободная ассоциация анархических групп в своей листовке заявляла, что с организацией гвардии анархисты вступают в новую фазу русской революции — фазу самодеятельности, где только своими руками они добьются полной свободы личности⁸⁰. Об организации нескольких боевых отрядов сообщалось 23 февраля на собрании Петроградской федерации⁸¹. С февраля шла запись и в Боевую дружину анархистов Одессы⁸².

Московская федерация приступила к созданию своих дружин лишь к марту 1918 г.⁸³ Но сразу же 5 марта на заседании Совета МФАГ пошла речь об организации целой «черной армии». Она «должна быть организована на федеративных началах, причем, первоначальными ячейками являются заводские группы, на местах объединенные в районные группы, сообщающиеся через посредство центрального штаба». В задачи армии ставилась борьба не только с контрреволюцией, но и с германскими войсками⁸⁴.

Анархистские «партизанские» отряды в феврале 1918 г. сыграли заметную роль в обороне Петрограда. Но их автономное поведение на фронте привело к тому, что Комитет обороны города запретил Советам вооружать анархистов, как отдельные формирования⁸⁵. Большевики пытались возродить практику растворения анархистов в общей массе революционных сил. Но Совет МФАГ указывал, что Черная гвардия не должна подменять собой задачи Красной гвардии, а формирующиеся черногвардейские отряды должны немедленно отправляться на фронт⁸⁶.

Тем не менее, было ясно, что большевики не потерпят на территории республики вооруженных формирований другой политической силы. Это ясно обозначилось уже в ноябре 1917 г., когда был принудительно разоружен Двинский полк, перед чем его командир анархист Грачев был убит большевистским наемником⁸⁷. Позднее, в декабре был зачищен питерский центр матросов-анархистов — 2-й флотский экипаж. Тогда «Буревестник» писал, что «большевики уже теперь подготавливают поход против нас, анархистов»⁸⁸. Судя по хронологии, можно допустить, что разоружение анархически настроенных частей старой армии, а также отрядов

Красной гвардии, состоявших из анархистов, и привело федерации к созданию самостоятельной «Черной гвардии». А, когда в марте 1918 г. был заключен Брестский мир, и отпала необходимость в помощи анархистских дружин, большевики начали готовить их ликвидацию.

К апрелю 1918 г. центром вооруженных сил анархистов стала Москва. В городе действовало около 50 анархических групп и отрядов Черной гвардии. Что стало одной из первых проблем переехавшего сюда Совнаркома. По словам зам. председателя ВЧК Я. Петерса, «по приезде ВЧК в Москву здесь существовали две власти: с одной стороны, Московский Совет, а с другой — штаб «Черной гвардии»... Этот штаб «Черной гвардии» действовал и распоряжался, как власть, устраивая на улицах облавы, отбирая оружие и ценности, захватывал буржуазные особняки»⁸⁹.

Мало изучен вопрос о возможной подготовке МФАГ переворота с целью свержения ленинского режима. С одной стороны, Ф. Дзержинский указывал, что анархические группы для захватов выбирали особняки с выгодным стратегическим положением, — напротив всех важных советских учреждений города. Что во время арестов у них найдены инструкции по выбору особняков. А в ночь на 12 апреля, при захвате последнего особняка, анархисты сообщили хозяевам, что «Советская власть еле дышит». Кроме того, на помощь МФАГ прибыл Самарский «партизанский» отряд⁹⁰. Позднее советские историки даже приводили свидетельства, что в ряды Черной гвардии внедряли своих офицеров белогвардейские организации, и анархистский мятеж в Москве контрреволюция якобы готовила на середину апреля⁹¹.

С другой стороны, сам председатель ВЧК не считал возможным обвинить федерацию в подготовке переворота. Он лишь обосновал необходимость операции против анархистов наличием сведений, что «вожди контрреволюции хотят воспользоваться преступными элементами, сгруппировавшимися вокруг групп Федерации, для выступлений против Советской власти»⁹². Откуда можно заключить, что Совет МФАГ не готовил свержения ленинского режима, а его концепция 3-й революции вела к мирному избавлению от Советской власти. Узурпация власти большевиками и репрессии Совнаркома не столько против представителей старого режима, сколько против широких масс трудящихся и их выборных организаций, дают понимание того, что большинство тружеников видело развитие революции иначе, чем большевистская ПВК. И такое понимание делало для анархистов бессмысленными вся-

кие политические перевороты в рамках уже победившей советской системы. Напротив, анархисты рассчитывали свалить Совнарком массовым протестом трудящихся, их переходом в ряды сторонников 3-й революции.

Поэтому большевики и стремились опорочить анархистов в глазах широких масс засильем уголовщины в рядах Черной гвардии, которая, прикрываясь знаменем идейного анархизма, якобы готовит переворот. Перед нами явная пропагандистская ложь, оправдывающая устранение вооруженных сил конкурента.

Показательно сравнить эти обвинения с составом Красной гвардии самих большевиков полугодовой давности. В период кризиса и разрухи лета-осени 1917 г. основную массу «рабочей» Красной гвардии составляли бывшие рабочие, — безработные, сокращенные с предприятий и привлеченные в гвардию хорошим пайком. Во время подготовки Октябрьского переворота и захвата власти на местах после него Красная гвардия спешно пополнялась самым разнородным элементом. В нее вербовали австро-германских военнопленных, бывших черносотенцев и агентов охраны, авантюристов и уголовников, которые даже руководили отдельными отрядами. Так дружиной питерского завода «Старый Лесснер» командовал бывший грабитель Силоенков. Как следствие, — после штурма Зимнего, красногвардейцы растаскивали его ценности и вино, вершили в городах самочинные обыски и аресты, устраивали погромы⁹³. Естественно, что такая по составу большевистская гвардия уже 6 января 1918 г. спокойно расстреливала рабочие демонстрации в поддержку Учредительного собрания.

Учитывая этот опыт Красной гвардии, анархисты в своих дружинах старались избежать его повторения. Организационная комиссия Московской федерации по созданию Черной гвардии предупреждала, что, не желает допускать в ее ряды, не то что уголовников, но даже «неискренних и темных работников». Поэтому новые гвардейцы будут приниматься только по одной из рекомендаций: местной анархической группы, 3-х членов МФАГ, фабрично-заводского комитета или районного Совета. Так и по объявлению штаба Черной гвардии, «Товарищи, желающие записаться в ЧЕРНЫЕ БОЕВЫЕ ДРУЖИНЫ, должны озаботиться получением рекомендаций»⁹⁴.

Что же касается пресловутых особняков, то еще 5 марта Совет МФАГ постановил произвести учет свободных из них и подготовить их для передачи под жилье беднейшему населению города. Особо указывалось на необходимость охраны находившихся в особняках культурно-исторических ценностей до передачи их в музей⁹⁵.

Но уже 8-9 апреля Дзержинский направлял на разведку 26 анархических особняков, располагавшихся в центре города, коменданта Кремля П. Малькова⁹⁶. Потом Совнарком Москвы потребовал введения черногвардейцев в состав Красной армии на общих основаниях⁹⁷. А после отказа федерации, в ночь на 12 апреля 1918 г. войска ВЧК и латышские стрелки из 4-го Видземского полка при поддержке 1-го автоброневоего отряда ВЦИК начали разоружение Черной гвардии. Причем, днем перед операцией были закрыты газеты «Анархия» и «Голос труда», чтобы лишить анархистов возможности осветить конфликт со своей стороны⁹⁸.

«Операция разоружения» на деле представляла собой уличные бои с использованием бронетехники и артиллерии. Так неназванный представитель анархо-синдикалистов охарактеризовал Я. Свердлову эту операцию, как «артиллерийский разгром»⁹⁹. Правда, в большинстве случаев сопротивление было незначительным. Но несколько опорных пункта анархистов — «Дом анархии» (штаб Черной гвардии) на Малой Дмитровке, особняки Цейтлина и Грачева на Поварской улице, а так же особняк на Донской улице — оказали упорное сопротивление. Защитники «Дома анархии» знали о предстоящей операции и создали целый укрепленный район — расставили пулеметы в окнах и на крышах соседних домов. Тем не менее, вся операция в Москве закончилась к 2 часам дня¹⁰⁰.

При этом Моссовет и лично Свердлов продолжали заявлять, что они не борются против самой организации анархистов. А закрытие газет, — акт временный, вызванный остротой момента¹⁰¹. И Дзержинский уверял, что ЧК не ведет борьбу с идейными анархистами. Даже те из них, кто арестован в ночь на 12 апреля, уже освобождены¹⁰². Между тем, на заседании ВЦИК 15 апреля Ге заявил, что под видом борьбы с бандитизмом в Москве разгромлены все политические организации анархистов¹⁰³. К тому же большевики сумели так заморочить своих бывших союзников, что резолюцию ВЦИК по поводу разоружения подписал и представитель фракции анархистов Ге¹⁰⁴. На деле же, эта резолюция санкционировала пресечение активности анархистов по всей Центральной России.

Одновременно с московскими событиями началось разоружение анархистов в Воронеже, перешедшее в открытые бои Черной и Красной гвардии, длившиеся 2 суток. Анархисты даже предприняли попытку лишить власти местный Совет и взять город под свой контроль. Но в ночь на 14 апреля «анархическое выступление было ликвидировано»¹⁰⁵. Затем начались бои в Смоленске. В результате операции местного Совета по очистке штаба анархистов в гостинице «Франция» произошли столкновения в ночь на 18 апреля¹⁰⁶. Пос-

ле чего Смоленская федерация вообще покинула город¹⁰⁷. В Курске мятеж анархистов продолжался с 10 по 29 апреля. К восстанию примкнул полевой штаб оборонительного района. На подавление мятежа были выдвинуты части РККА во главе с военным наркомом Н. Подвойским¹⁰⁸. Параллельно велись операции по разоружению анархических отрядов, отступавших с украинского фронта. Так было в Крыму, Царицине и Саратове, где местные чекисты пытались разоружить отряд из 250 одесских анархистов. В ответ отряд захватил город и удерживал его 17-19 мая¹⁰⁹.

Но стремительность ликвидации Черной гвардии в Москве деморализовала большинство анархических объединений в других городах. В Петрограде ходили слухи о предстоящем выступлении анархистов в связи с московскими событиями, но оно так и не последовало. Большинство федераций Центральной России сдалось без сопротивления. Например, утром 23 апреля практически бесшумно разоружили питерских анархистов. А 26-го в Вологде анархисты без боя очистили свой штаб — гостиницу «Европа» — и сдали оружие¹¹⁰. И 29 апреля в Нижнем Новгороде посланный для разоружения красный отряд встретили в помещении федерации только 3 безоружных анархиста¹¹¹. К концу весны почти все федерации Центральной России были разогнаны или разоружены, то есть оставлены совершенно беззубыми.

А, главное, разгром анархистов не вызвал особых протестов пролетариата, который по мысли идеологов движения служил основным кадром для создания Черной гвардии. Если в октябре 1917 г. на выборах фабзавкомов в Петрограде за анархистов отдали голоса 18 тыс. рабочих¹¹², то 15 апреля 1918 г. Известия ВЦИК сообщали, что разгром Черной гвардии в Москве вызвал в рабочих кругах не более чем «оживленные толки». Причем большинство пролетариев сочувствовало действиям Советской власти. Та же пассивность рабочих наблюдалась и в Петрограде¹¹³. Упреждающий удар ленинцев достиг своей цели — до массового исхода трудящихся в лагерь сторонников 3-й революции ее опорные пункты в городах Центральной России были разгромлены. Таким образом, борьбу за симпатии пролетариата анархисты проиграли.

И в то же время большевики соблюли видимость плюрализма, — сохранили в городах немощную говорильню безоружных федераций. Но, к примеру, в Москве власть ее унизительно поселила в подсобной пристройке к Комиссариату внутренних дел. В результате, при посещении столицы в мае 1918 г., Махно с горечью констатировал, «что анархизму пора отказаться от раздробленной на сотни и тысячи групп и группок формы организации; что анар-

хизм, благодаря этой своей бессодержательной форме организации, выявил себя в революции беспомощным овладеть трудовыми массами, пойти с ними в бой с капиталом и государством и вывести из этого боя труженников победителями»¹¹⁴.

Черная гвардия России показала себя в массе небоеспособной. Третья революция была ей не под силу. Ошибочной оказалась ставка анархистов на малочисленный пролетариат, к тому же находившийся под влиянием большевиков и эсдеков. В борьбе за Вольные Советы идеологам анархизма надо было искать другую, более массовую опору. И искать ее вне захваченных большевиками городов. Подавляющая часть населения страны — многомиллионное крестьянство — находилось гораздо ближе к реализации анархического идеала, чем пролетариат. Социализация земли и организация безвластных Советов на селе были проще и результативнее, чем рабочее самоуправление в промышленности. Опять же, именно земельный вопрос определял судьбы революции. Проволочка с его решением стала приговором Временному правительству. И, напротив, даже пустое провозглашение Декретом СНК передела земли обеспечило поддержку большевикам в провинции, которая вылилась в триумфальное шествие Советской власти.

Но власть эта была номинальной. Пока в городах шла политическая революция, село было предоставлено самому себе, то есть «черному переделу» и возможности самому обустроить свою жизнь. Поэтому совершенно справедливо еще в мае 1917 г. Волин указывал, что начало социальной революции положит аграрная область. А после она неизбежно перейдет в революцию промышленную и общехозяйственную¹¹⁵. Чем он ясно предрек пути и своей будущей Конфедерации, и махновского движения.

Все ниже описанные события, приведшие к Старобельскому соглашению, и сам этот договор, были прямым продолжением борьбы за безвластные Советы, начатой в Петрограде и Москве. Больше того, между ними существовала живая связь через непосредственных участников обоих движений. Они делали выводы из прошлых поражений и продолжали борьбу с государством.

Так будущая соратница батьки Мария Никифорова во время июльского кризиса поднимала матросов Кронштадта на анархическую революцию. Волин, выпускавший в Питере газету «Голос труда» и создававший Союз анархо-синдикалистской пропаганды, стал впоследствии председателем махновского Совета и гла-

вой Культпросвета армии. «Заведующий боевыми силами» московской Черной гвардии Михаил Уралов с весны 1919 г. стал махновским командиром. Один из секретарей МФАГ Казимир Ковалевич стал сотрудником махновской контрразведки и руководителем ее диверсионной группы, развернувшейся в России в организацию «анархистов подполья». Подобных примеров прямого наследования можно привести множество.

¹ Политические партии России. М. 1996., с.33

² Эврич П. Русские анархисты. 1905 — 1917. М. 2006., с.143

³ Маркин В.А. Неизвестный Кропоткин. М. 2002., с.349-350

⁴ Маркс, Энгельс. Сочинения. т.22. М.1962., с.201

⁵ Маркс, Энгельс. т.21., с.173

⁶ Ленин. ПСС. т.31., с.39

⁷ Ленин. ПСС. т.33., с.56

⁸ Цитаты данного абзаца подобраны по: Карр Э. История Советской России. Большевицкая революция. 1917-1923. т.1-2. М. 1990., с.193-196

⁹ Волин В.М. Неизвестная революция, 1917-1921. М. 2005., с.115-117

¹⁰ Шубин А.В. Социализм. «Золотой век» теории. М. 2007., с.493

¹¹ Ударцев С.Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России. М. 1994., с.197

¹² Маркин В.А. Неизвестный Кропоткин. М. 2002., с.354, 357

¹³ Ударцев С.Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России. М. 1994., с.197

¹⁴ Махно Н.И. Воспоминания. кн.1. К. 1991., с.51, 57-58

¹⁵ Волин. Революция и анархизм. Набат. 1919., с.14

¹⁶ Корноухов Е.М. Деятельность партии большевиков по разоблачению мелкобуржуазной революционности анархистов в период подготовки и победы Октября // Из истории борьбы ленинской партии против оппортунизма. М. 1966., с.272

¹⁷ Политические партии России. М. 1996., с.34

¹⁸ Канев С.Н. Октябрьская революция и крах анархизма. М. 1974., с.418

¹⁹ напр. Бакунин М. Избранные произведения. т.IV. П-М. 1920., с.259

²⁰ Дамье В. Забытый Интернационал. т.1. М. 2006., с.22

²¹ Волин В.М. Неизвестная революция, 1917-1921. М. 2005., с.67-68

²² цит. по Эврич П. Русские анархисты. М. 2006., с.265

²³ Шубин А.В. Социализм. «Золотой век» теории. М. 2007., с.578

²⁴ Карр Э. История Советской России. Большевицкая революция. 1917-1923. т.1-2. М. 1990., с.120

²⁵ Волин В.М. Неизвестная революция, 1917-1921. М. 2005., с.70

²⁶ Ленин. ПСС. т.12., с.XV

²⁷ Ленин. ПСС. т.31., с.196

²⁸ Комин В.В. Анархизм в России. Калинин. 1969., с.160-161

БОРЬБА ЗА СОВЕТЫ

- ²⁹ Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.54
- ³⁰ Тепер И. Махно. От «единого анархизма» к стопам румынского короля. Харьков. 1924., с.23
- ³¹ Анархисты. Документы и материалы. т.2. 1917-1935 гг. М. 1999., с.82
- ³² Канев С.Н. Октябрьская революция и крах анархизма. М. 1974., с.105
- ³³ Анархисты. Документы и материалы. т.2. 1917-1935 гг. М. 1999., с.17
- ³⁴ Анархисты. с.69
- ³⁵ Канев С.Н. Октябрьская революция и крах анархизма. М. 1974., с.107, 100
- ³⁶ Трилисский А. Организация Советской власти на Одещине // Октябрь на Одещине. Одесса. 1927., с.159
- ³⁷ Худайкулов М. Большевики в борьбе с анархизмом в первые годы Советской власти. Ташкент. 1974., с.22-23, 48
- ³⁸ Френкин М. Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии. Иерусалим. 1982., с.89
- ³⁹ Канев С.Н. Октябрьская революция и крах анархизма. М. 1974., с.124, 126
- ⁴⁰ Волин В.М. Неизвестная революция, 1917-1921. М. 2005., с.144
- ⁴¹ Корноухов Е.М. Деятельность партии большевиков по разоблачению мелкобуржуазной революционности анархистов в период подготовки и победы Октября // Из истории борьбы ленинской партии против оппортунизма. М. 1966., с.307
- ⁴² Анархисты. Документы и материалы. т.2. 1917-1935 гг. М. 1999., с.148
- ⁴³ Канев С.Н. Октябрьская революция и крах анархизма. М. 1974., с.126, 128-129
- ⁴⁴ Рабинович А. Кровавые дни. М. 1992., с.129, 72-73, 80
- ⁴⁵ Ярчук Е. Кронштадт в русской революции. Нью-Йорк. 1923., с.11
- ⁴⁶ Волин. Революция и анархизм. Набат. 1919., с.36
- ⁴⁷ Комин В.В. Анархизм в России. Калинин. 1969., с.157
- ⁴⁸ Канев С.Н. Октябрьская революция и крах анархизма. М. 1974., с.84
- ⁴⁹ Волин В.М. Неизвестная революция, 1917-1921. М. 2005., с.179
- ⁵⁰ Корноухов Е.М. Деятельность партии большевиков по разоблачению мелкобуржуазной революционности анархистов в период подготовки и победы Октября // Из истории борьбы ленинской партии против оппортунизма. М. 1966., с.308
- ⁵¹ Ленин. ПСС. т.35., с.162-164
- ⁵² Волин. Революция и анархизм. Набат. 1919., с.20
- ⁵³ Волин В.М. Неизвестная революция, 1917-1921. М. 2005., с.158
- ⁵⁴ Карр Э. История Советской России. Большевицкая революция. 1917-1923. т.1-2. М. 1990., с.118-120
- ⁵⁵ Френкин М. Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии. Иерусалим. 1982., с.321
- ⁵⁶ Френкин. с.6-9, 222
- ⁵⁷ Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.26-27

- ⁵⁸ Френкин М. *Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии. Иерусалим. 1982., с.317, 335-336, 347*
- ⁵⁹ *Меньшевики в 1919 — 1920 гг. Документальное наследие. М. 2000., с.582-584*
- ⁶⁰ Ленин. ПСС. т.36., с.358
- ⁶¹ напр. Ленин. ПСС. т.44., с.157
- ⁶² Павлюченков С.А. *Военный коммунизм в России: власть и массы. М. 1997., с.17*
- ⁶³ Павлюченков. с.31
- ⁶⁴ Бакунин М.А. *Избранные сочинения. т.1. Петербург. 1919., с.295*
- ⁶⁵ Канев С.Н. *Революция и анархизм. М. 1987., с.235*
- ⁶⁶ Иванов-Разумник. *Что такое махаевщина? СПб. 1908., с.26, 35*
- ⁶⁷ *Политические партии России. М. 1996., с.349*
- ⁶⁸ *Анархисты. Документы и материалы. т.2. 1917-1935 гг. М. 1999., с.76-77*
- ⁶⁹ Худайкулов М. *Из истории борьбы большевистской партии с анархизмом. Ташкент. 1984., с.65*
- ⁷⁰ Волин В.М. *Неизвестная революция, 1917-1921. М. 2005., с.112*
- ⁷¹ Худайкулов М. *Из истории борьбы большевистской партии с анархизмом. Ташкент. 1984., с.60*
- ⁷² *Анархисты. Документы и материалы. т.2. 1917-1935 гг. М. 1999., с.61*
- ⁷³ *Анархисты. с.106-107*
- ⁷⁴ Канев С.Н. *Октябрьская революция и крах анархизма. М. 1974., с.95*
- ⁷⁵ Корноухов Е.М. *Деятельность партии большевиков по разоблачению мелкобуржуазной революционности анархистов в период подготовки и победы Октября // Из истории борьбы ленинской партии против оппортунизма. М. 1966., с.272*
- ⁷⁶ Рабинович А. *Кровавые дни. М. 1992., с.161*
- ⁷⁷ Ковбасюк. *Очерк истории одесской Красной гвардии // Октябрь на Одешине. Одесса. 1927., с.222*
- ⁷⁸ Канев С.Н. *Октябрьская революция и крах анархизма. М. 1974., с.294*
- ⁷⁹ *Анархисты. Документы и материалы. т.2. 1917-1935 гг. М. 1999. с.216*
- ⁸⁰ *Анархисты. с.121*
- ⁸¹ Канев С.Н. *Октябрьская революция и крах анархизма. М. 1974., с.294*
- ⁸² *Анархисты. Документы и материалы. т.2. 1917-1935 гг. М. 1999., с.122*
- ⁸³ *Анархисты. с.216*
- ⁸⁴ *Анархисты. с.215*
- ⁸⁵ Канев С.Н. *Октябрьская революция и крах анархизма. М. 1974., с.297*
- ⁸⁶ *Анархисты. Документы и материалы. т.2. 1917-1935 гг. М. 1999., с.122*
- ⁸⁷ Волин В.М. *Неизвестная революция, 1917-1921. М. 2005., с.209*
- ⁸⁸ Канев С.Н. *Октябрьская революция и крах анархизма. М. 1974., с.96*
- ⁸⁹ Петерс Я. *Воспоминания о работе в ВЧК в первый год революции // Пролетарская революция № 10, 1924., с.7-8*
- ⁹⁰ *Из истории ВЧК 1917-1921. Сборник документов. М. 1958., с.106, 108-109*
- ⁹¹ Канев С.Н. *Октябрьская революция и крах анархизма. М. 1974.,*

с. 319, 321

- ⁹² Из истории ВЧК 1917-1921. Сборник документов. М. 1958., с.108
- ⁹³ Френкин М. Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии. Иерусалим. 1982., с.253, 275-278
- ⁹⁴ Анархисты. Документы и материалы. т.2. 1917-1935 гг. М. 1999., с.218
- ⁹⁵ Анархисты. с.216
- ⁹⁶ Мальков П.Д. Записки коменданта Кремля. М. 1967., с.307
- ⁹⁷ Канев С.Н. Октябрьская революция и крах анархизма. М. 1974., с.321
- ⁹⁸ Анархисты. Документы и материалы. т.2. 1917-1935 гг. М. 1999., с.229
- ⁹⁹ Анархисты. с.236
- ¹⁰⁰ Из истории ВЧК 1917-1921. Сборник документов. М. 1958., с.105-106
- ¹⁰¹ Анархисты. Документы и материалы. т.2. 1917-1935 гг. М. 1999., с.225
- ¹⁰² Анархисты. с.231
- ¹⁰³ Анархисты. с.235
- ¹⁰⁴ Анархисты. с.239
- ¹⁰⁵ Комин В.В. Анархизм в России. Калинин. 1969., с.204
- ¹⁰⁶ Анархисты. Документы и материалы. т.2. 1917-1935 гг. М. 1999., с.239
- ¹⁰⁷ Комин В.В. Анархизм в России. Калинин. 1969., с.204
- ¹⁰⁸ Канев С.Н. Октябрьская революция и крах анархизма. М. 1974., с.308
- ¹⁰⁹ Махно Н.И. Воспоминания. кн.2. К. 1991., с.78-79; Комин В.В. Анархизм в России. Калинин. 1969., с.211
- ¹¹⁰ Анархисты. Документы и материалы. т.2. 1917-1935 гг. М. 1999., с.238, 242, 241
- ¹¹¹ Анархисты. с.251
- ¹¹² Канев С.Н. Октябрьская революция и крах анархизма. М. 1974., с.54-55
- ¹¹³ Анархисты. Документы и материалы. т.2. 1917-1935 гг. М. 1999., с.234
- ¹¹⁴ Махно Н.И. Воспоминания. кн.2. К. 1991., с.95-96
- ¹¹⁵ Волин. Революция и анархизм. Набат. 1919., с.18

НЕЗАВИСИМОСТЬ РАЙОНА

После разгрома Черной гвардии в Центральной России, — центр активного анархизма сместился на Украину. Тут большевики еще не взяли власть, а черногвардейские отряды были важной составляющей левых сил в борьбе с австро-германскими оккупантами. Например, Украинское советское правительство, сформированное в Курске, впервые переехало в Харьков после его освобождения анархистским отрядом Макса Чередняка¹.

В местной либертарной среде тогда снова всплыла идея создания Конфедерации, которая объединила бы движение под знаменем «единого анархизма», — некоего синкретического кодекса принципов, приемлемых для представителей его основных течений: коммунизма, синдикализма и индивидуализма. По словам бывшего набатовца Исаака Тепера, такое сближение было необходимым условием для начала первых в истории экспериментов анархического социального строительства. Теорию «единого анархизма» набросал Волин². А другой активист будущей Конфедерации Аршинов был выходцем из МФАГ. В чем можно проследить преемственность идеи единой платформы анархизма.

Для созыва учредительной конференции нового объединения была создана инициативная группа «Набат». Конференция прошла в Курске 12-16 ноября 1918 г. В ней участвовали делегаты от анархических групп Киева, Одессы, Харькова, Александровска, Николаева, Конотопа, Каменец-Подольского и Зернова³. Конференция провозгласила создание Конфедерации анархистских организаций Украины «Набат» (далее, — КАОУ) и избрала ее Секретариат в составе: Волин, Марк Мрачный (Клаванский), Арон Барон (Канторович, Полевой), Иосиф Эмигрант (Гутман), Яков Алый (Суховольский).

Важнейшим документом конференции стала Декларация «единого анархизма», указавшая идеологические принципы объединения анархических групп. КАОУ стала первой попыткой объединения анархического движения, чего ранее в истории ни русского, ни мирового анархизма не было. «Набат» вел активную пропагандистскую и печатную деятельность, в результате чего смог объе-

динить почти все анархические группы Украины и несколько групп в России. В планах набатовцев было создание «Всероссийской анархистской конфедерации»⁴.

1-й съезд КАОУ прошел 2-7 апреля 1919 г. в Елисаветграде. Он высказался против вхождения анархистов в Советы, окончательно ставшие политическими органами власти и государственности. В то же время «Набат» констатировал неопределенность и глубокую ненормальность положения анархистских организаций в Украине, «вследствие отсутствия у правительства ясного и определенного отношения» к анархистам. Съезд выразил нетерпимость к полуправовому положению Конфедерации, при котором судьба и жизнь ее работников, организаций и органов печати зависит от произвола представителей власти. В данной реакции съезда звучит стремление к легальной деятельности «Набата» и анархического движения в Украине. Отчего резолюция предупреждает: «вынужденный уход анархистов в подполье, — неизбежно вызовет ответ насилем же со стороны анархистов»⁵. Налицо ставка КАОУ на открытую идейную конкуренцию с большевиками за влияние в массах. Анархисты не стремились в подполье, туда их загоняла власть.

Одним из знаковых вопросов съезда стало рассмотрение «положительной работы анархистов» — созидательных путей социальной революции. Для ее реализации съезд рекомендовал набатовцам входить в профсоюзы, фабрично-заводские комитеты (ФЗК) и крестьянские организации, активно участвовать в их работе, развивать их анархическое сознание и навыки. В то же время резолюция отмечала, что профсоюзы устарели и могут брать на себя лишь подсобные задачи в новом революционно-экономическом строительстве. Его основными ячейками признавались ФЗК, которые, соединяясь между собой и с низовыми крестьянскими органами, должны были сплести «истинную ткань» будущей организации трудящихся, способной осуществить задачи социального переустройства. В целях создания такой организации съезд предлагал набатовцам работать в направлении налаживания непосредственной и живой связи крестьянских артелей с рабочими организациями города, с прицелом на объединение их в рамках общих федераций сельских и городских коммун⁶.

При этом, еще на учредительной конференции набатовцы отказались от создания отдельных анархических вооруженных сил. И предложили участие анархистов в повстанчестве, — рабочих и крестьянских партизанских отрядах⁷. Но, практически потеряв возможность создания своих вооруженных формирований в городах,

анархисты «Набата» сделали перспективные выводы о смещении работы на восставшее село. После 1-го съезда КАОУ городские анархисты начали свою переориентацию с рабочего класса на крестьянство, которое они считали единственно способным противостоять «последней, социалистической власти»⁸. К тому времени на селе, действительно, накопился огромный анархический потенциал.

Освобожденное реформой 1861 г., многомиллионное крестьянство могло решающим образом повлиять на политическую жизнь империи. Поэтому уже с 80-х гг. XIX в. государство всячески пыталось изолировать его от политики. Ответом стало усиление автономистского движения на селе⁹. Взаимная вражда между крестьянином и государством явилась естественной основой стихийного крестьянского антиэтатизма. Он получил первые идейные инъекции от народников, а в революцию 1905 г. нашел оформление в самородных анархических группах на селе.

Падение экономики и натурализация сельского хозяйства вследствие Первой Мировой войны окончательно сделали государство бесполезной обузой для крестьян. А мобилизации и ужесточение налогов на военные нужды, — превратили власть в агрессивного врага сельских тружеников. Наметившаяся возможность их политического самовыражения через Советы крестьянских депутатов, массово возникшие в стране после Февральской революции, была пресечена большевиками путем слияния их с Советами рабочих депутатов. Село снова лишилось органов защиты своих интересов. Репрессивное государство большевиков лишь утвердило крестьян во мнении о враждебности власти и склонило их к борьбе не с конкретным режимом, а с институтом в целом. Подобное стечение обстоятельств убеждает людей в ненужности государства и толкает их к перестройке социума на новых началах. Откуда одной из главных черт крестьянского повстанчества была борьба за автономное самоуправление.

С ноября 1918 г. Украина была практически сплошной зоной повстанчества. Агитация на этой близкой по настроениям, но идейно неоформленной почве, могла дать в деле анархического социального строительства крепкие и, главное, повсеместные всходы. Позднее 3-я конференция «Набата» указывала, что надо вести работу «даже в повстанческих отрядах явно петлюровского толка, ибо бунтарское украинское крестьянство в целом по существу анархично и оно способно, при активной поддержке анархистов, стать на путь безвластного строительства»¹⁰.

И все же Аршинов отмечал закономерность опоры анархизма на конкретный очаг повстанчества. «Государственники-большевики прекрасно учли смысл махновского движения и положение анархизма в России. Для них являлось несомненным то, что в настоящий момент анархизм в России, вне связи с таким массовым движением, каковым была махновщина, не будет иметь под собою почвы, будет безопасным и безобидным для них явлением. И наоборот, анархизм являлся единственным мировоззрением, на которое махновщина могла опереться в своей непримиримой борьбе с большевизмом»¹¹.

Собственный центр самородного анархизма сложился в Нижнем Приднепровье задолго до появления «Набата». Здесь, в Гуляйпольском районе его традиция восходила к ветеранам анархо-террористической группы «Союз бедных хлеборобов» (далее, — СБХ), действовавшей с 1906-1908 гг. Возобновление своей работы в СБХ было первой мыслью Махно после его выхода в марте 1917 г. из Бутырской тюрьмы. Причем, по его данным, СБХ продолжал действовать весь период царской реакции¹². Из ветеранов группы и был создан новый союз анархистов-коммунистов.

Симбиоз идей анархизма и крестьянского антиэтатизма, вошедший в резонанс с местной культурой общинного взаимодействия, дал в этих краях наиболее живучие всходы. Исследователи отмечают исторические связи махновского движения с «запорожской вольницей». Причем, связи эти прослеживались не только в военной области, но и в социальной структуре и общественной жизни¹³. Таким образом, автономистское движение крестьянства в этом районе приняло характер подпитанного анархизмом возврата к традициям сечевого самоуправления.

В конце марта 1917 г. Махно был избран председателем Гуляйпольского крестьянского союза, позднее преобразованного в Совет, который он стремился превратить в орган анархического самоуправления. В октябре местные анархисты создали первое боевое подразделение, — Черную гвардию¹⁴. Потом был Брестский мир, оккупация Украины австро-германскими войсками и установление гетманского режима, отступление анархических отрядов в Поволжье, возвращение Махно на родину и организация повстанческого движения против оккупантов.

Тем временем, Совнарком довольно быстро национализировал промышленность в РСФСР. Но, вот, ликвидация частной собственности многомиллионного крестьянства потребовала той многолетней кровавой борьбы, что и стала стержнем Гражданской войны.

Весной 1918 г. Ленин увидел основную угрозу «пролетарскому» государству в неконтролируемой крестьянской анархической стихии, к борьбе с которой он решил пригласить организаторские силы буржуазии¹⁵.

Свой план борьбы с крестьянством Ленин выдвинул на знаковом заседании ВЦИК 29 апреля. Там же он обрисовал и свою тактику борьбы: вместе с крестьянством против крупного капитала, а, после, — против самого крестьянства. «Да, мелкие хозяйчики, мелкие собственники готовы нам, пролетариям, помочь скинуть помещиков и капиталистов. Но дальше пути у нас с ними разные. Они не любят организации, дисциплины, они — враги ее. И тут нам с этими собственниками, с этими хозяйчиками придется вести самую решительную, беспощадную борьбу. Ибо здесь, в области организации, и начинается для нас социалистическое строительство»¹⁶. Под «хозяйчиками» вождь понимал крестьян, а под «организацией» и «дисциплиной» — политику военного коммунизма.

Так на весну 1918 г., сквозь пропагандистский угар и политическую эквилибристику большевизма, начала вырисовываться линия фронта 3-й анархической революции. С одной стороны вставал новый господствующий класс, — социалистическая интеллигенция, сгруппированная в РКП/б, и приглашенные ею в союзники «старорежимные специалисты», от бывших промышленников и «белых воротничков» до военспецов, — офицеров старой армии. С другой, им противостояла основная масса населения бывшей империи — крестьянство. Запутанное, раздробленное, растасканное по разным политическим движениям, оно в массе своей представляло все же грозную непокорную силу, главную угрозу для класса социалистических господ.

Основная же масса пролетариата, напомним, представлявшего собой небольшой процент населения, — в основном, вчерашних крестьян, — занимала пограничное положение между двумя лагерями 3-й революции. С одной стороны, — оно бунтовало против коммунистов и составляло основу рабочего повстанчества. С другой, — даже не нашедшие себе место на нижних этажах иерархии ленинской бюрократии, пролетарии умело направлялись ею в вооруженный поход на село, против тех самых «мелких хозяйчиков».

На указанном заседании ВЦИК Ленин обратился к понятию государственного капитализма, представляя его, как орудие борьбы с «чистым» капитализмом, частной собственностью и спекулятивной торговлей¹⁷. Государственный капитализм СНК должен был противостоять вольному рыночному капитализму

крестьянства, а государственная собственность, — трудовой частной собственности.

Но в начале 1919 г. украинское крестьянство, практически самостоятельно освободившееся от австро-германских оккупантов и гетманского режима, не чувствовало этого давления. Восстановление Советской власти в Украине совпало с новым курсом большевиков на союз со средним крестьянином, который был закреплен в марте 1919 г. резолюцией VIII съезда РКП/б. Жесткость военного коммунизма в России вытолкнула большую часть трудящихся в лагерь противников большевизма. Казачество Дона выступило за А. Деникина, крестьянство Сибири — за А. Колчака, даже рабочие Поволжья поддержали самарский Комуч. Большевикам пришлось временно притормозить ПВК, что и вылилось в союз с середняком. Он-то и ввел в заблуждение украинских повстанцев, не знавших об экономическом терроре, который ощутила на себе российская деревня.

Кроме того, сам большевизм в Украине того периода был малоизвестным явлением. От Февральской революции 1917 г. и вплоть до конца 1918 г. большевики были здесь крайне слабы: не имели даже всеукраинской организации, авторитета и поддержки трудящихся, не только на селе, но и в малых городах. Они концентрировались в промышленных центрах, но и там подавлялись сильной конкуренцией социал-демократов. Лишь весной 1918 г., с началом австро-германской оккупации и бегством основной их массы из Украины, остатки большевиков в подполье стали создавать единую КП(б)У. Но еще в мае на всю оккупированную страну была ничтожная тысяча большевиков-подпольщиков. Существенный рост партии украинских ленинцев стал возможен лишь после слияния с ней в марте 1920 г. У КП (боротьбистов). Как отмечал Сталин, в результате этого объединения КП(б)У «приобрела большое богатство», до которого большевики не имели связи с деревней и на 9/10 вели работу в городах¹⁸.

Однако земельная политика Советской власти не оставляла шансов для наивного неведения села относительно ее перспективных планов. А если учесть, какой процент населения ею был обманут, налицо образцовый характер земельной политики, выказывающий лживую сущность режима. Так, декрет «О земле» первого дня после Октябрьского переворота провозглашал ее переход в пользование трудящимся на ней, при наличии полной свободы форм землепользования. Крестьяне наделялись правом выбирать частные, общинные, артельные формы земледелия. Декрет ВЦИК «О социализации земли» от 19.02.1918 г. уже объявлял

землю «общенародным достоянием», отменял свободный выбор форм землепользования, а распределение земли передавал госорганам. А Постановление ВЦИК от 14.02.1919 г. «О социалистическом землеустройстве и о методах перехода к социалистическому земледелию» вообще объявляло всю землю единым государственным фондом.

В первую очередь ее отводили совхозам и коммунам, во вторую, — трудовым артелям и товариществам, и в последнюю, — единоличным хозяйствам. При этом распределению единоличникам не подлежали земли помещиков и кулаков, на которых собирались организовывать совхозы¹⁹. Последние были призваны решать и продвольственные проблемы режима, и стратегические вопросы социалистического строительства на селе. Мелкое земледелие считалось опасным врагом коммунизма. С начала 1919 г. развернулась кампания изъятия у крестьян поделенной помещичьей земли и создания на ее базе совхозов. Причем, их управляющими нередко назначались бывшие помещики, что давало крестьянам основания считать создание совхозов восстановлением поместий. Да еще с возвратом крепостной барщины, — в порядке трудовой мобилизации на совхозные поля сгонялись окрестные мужики²⁰.

В результате, село чувствовало себя нагло обманутым. Кровью отвоюванную землю теперь отбирали те, кто во время падения гетманщины призывал отбирать ее у помещиков²¹. Как в промышленности большевики уничтожили буржуазию, чтобы стать монопольным капиталистом, — в сельском хозяйстве они взяли курс на утверждение партии-государства монопольным помещиком. А по образцу неимущего и потому несамостоятельного пролетария РКП/б стремилась переделать всех трудящихся. Таким образом, на селе ленинский переворот под ворованными лозунгами земли и самоуправления вел к абсолютной противоположности тому, за чем пошла основная масса трудящихся. К созданию зависимого сельского пролетариата.

Как альтернативу, следует указать, насколько иными видели завоевания революции махновцы. Со времен Бакунина анархисты вели речь не о классовой борьбе, их целью было «уравнение классов» (сословий) — состояний и прав всех граждан²², а не ущемление в правах всех сословий, включая пролетариев, как это делали большевики. Соответственно, фундаментом экономической политики махновцев стал уравнительный передел средств производства на селе. После чего у них отпал вопрос о классовой борьбе среди крестьянства. Как ответил на воп-

рос Тепера о делегатах-кулаках председатель двух съездов Гуляйпольского района (вероятно, Иван Чернокужний — В.А.): «Когда уж наконец перестанете говорить о кулаках. У нас кулаков сейчас нет, всякий обрабатывает земли сколько он хочет и сколько может»²³.

По словам Белаша, повстанцам были близки и понятны утверждения Кропоткина, что в основе развития мира лежит не классовая борьба, а противостояние власти и народа²⁴. И в течение всей истории движения крестьяне массово шли в ряды махновцев для защиты своей собственности на средства производства и продукта труда от конфискации властью. Да, параллельно с частными хозяйствами в махновском Вольном районе существовали и образцовые анархические коммуны. Но в отличие от Советской власти, анархическое повстанчество считало гибельным навязывать крестьянам коммунистические отношения. На таком фоне и развивался первый союз махновцев с большевиками.

В конце января 1919 г. Белаш, в качестве начштаба южного участка фронта, который держали повстанцы Махно, прибыл в Харьков для подписания военного договора с командованием РККА против Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) Деникина. Политической стороны договор не затрагивал. По его результатам повстанческое соединение Махно в качестве 3-й бригады вошло в состав Заднепровской дивизии РККА под командованием П. Дыбенко. Кроме подписания договора, Белаш посетил в Харькове Секретариат «Набата», где рассказал о махновщине. Сразу же в Гуляй-Поле, «захватив четверть вагона литературы и конфедеративную газету», выехала группа набатовцев в составе Гутмана, Черняка, Уралова и Венгерова²⁵.

С этого времени в махновском районе существовала своя ячейка КАОУ. Она вместе с исполкомом Военно-Революционного Совета Гуляйпольского района (далее, — ВРСвета) писала воззвание относительно еврейского населения²⁶. Ее делегат Черняк участвовал в работе 2-го Гуляйпольского районного съезда 12-16 февраля²⁷. Однако, анархистская группа Махно и местная ячейка «Набата» были формально разными организациями и отношения между ними вначале не ладилась. В феврале 1919 г. на встрече представителя КАОУ Алого с Махно, батька прохладно отнесся к общим задачам и политической позиции «Набата». С другой стороны, сами набатовцы сомневались в последовательности анархизма батьки. Поэтому в резолюции 1-го съезда Конфедерации, возглавлявшего надежды на повстанчество, Махно совсем не упомянут²⁸.

Между тем, на 2-м Гуляйпольском съезде был заслушан доклад махновской делегации к большевистскому Временному правительству Украины (далее, — ВПУ), где она встретила все ту же демагогию ленинцев. По вопросу о выборах в Советы на местах ей ответили, что только партия большевиков будет посылать своих людей в Советы, «так как все другие партии выступают против освобождения народа». В этой связи Махно напомнил делегатам, как после свержения Керенского большевики начали «чистки» свободно избранных Советов. А протест анархистов против этого привел к гонениям на анархизм. Черняк заметил, что, даже оставаясь левыми эсерами и большевиками, надо создавать только такие Советы, где без диктатуры партий можно самим решать свою судьбу. В итоге, резолюция съезда указывала, что ВПУ пытается отнять у местных Советов их свободу самодеятельности и действия правительства являются опасностью для революции. Съезд призвал украинских рабочих и крестьян сплотиться вокруг своих вольных Советов на местах²⁹.

А 7 марта на съезде ВРСовета повстанцев, вообще, прозвучало предложение блокировать доступ органам любой государственной власти в районы махновского влияния³⁰. Подход повстанцев был прост и логичен. Они сами боролись с оккупантами и режимом гетмана, пока большевики отсиживались в нейтральной зоне за границей Украины. Махновцы сами освобождали свой район, а потому считали себя вправе строить свою жизнь по своему усмотрению. Даже помогая Советской власти в борьбе против общего противника, — белогвардейцев, но никак не позволяя ей диктовать условия построения нового общества. Как позднее писал Махно, «По-крестьянски «власть Советов на местах» значило превратить Советы местные в территориально-автономные единицы революционного группирования и хозяйственно-общественного самоуправления»³¹. Не имея сил оградить от государственной власти всю Украину, махновцы пытались не пустить ее хотя бы в свой район.

Тем временем, 10 марта в Харькове 3-й Всеукраинский съезд Советов подтвердил создание Украинской социалистической советской республики, приняв Конституцию УССР. Этот съезд пошел по пути 2-го Всероссийского съезда, — не опираясь на широкое представительство местных Советов, присвоил себе право решать судьбу всей Украины. С этих пор Совнарком УССР считал все ее земли, отвоеванные у белых и петлюровцев, подвластными себе автоматически. В том числе, и махновский район.

А 21 марта в штабе махновской бригады слушался доклад ее представителей на 3-м съезде Советов. В результате заседание заключило, что коммунисты не потерпят многопартийную систему. И пока бригада будет на фронте, в ее тылу большевики станут травить махновщину, а при удобном случае попытаются ее ликвидировать. И член ВРСовета Борис Веретельников высказал мнение, что дружба с коммунистами возможна лишь в случае, если они откажутся от махновского района. Если они не будут навязывать ему своих комиссаров, а район будет состоять с ними в федеративных отношениях³². Так впервые было высказано предложение независимости махновского Вольного района и его вхождения в состав УССР на началах федерации.

Однако со стороны махновцев эти требования не влекли за собой вооруженной борьбы против Советской власти. Несмотря на всю красную пропаганду о грабежах, погромах и заговорах повстанцев Махно, ни один из трех союзов с большевиками 1919-1920 гг. не был разорван по инициативе махновцев, ни разу анархисты-повстанцы не угрожали мятежом. Лидеры махновщины предпочитали легальную борьбу с коммунистами за симпатии масс, за возможность построения своей концепции советского строя. Но при этом они наращивали свои вооруженные силы, в первую очередь, для борьбы с белогвардейщиной, но и как фактор сдерживания красных. Чтобы, по выражению Белаша, «можно было бы говорить о сосуществовании с большевиками»³³.

И, напротив, именно красные, ввиду роста популярности и военной силы махновцев, постоянно вели против них грязную пропаганду, которая, по сути, калькировала отработанную на Черной гвардии схему дискредитации и травли анархистов. А когда это не работало, большевики прибегали и к провокациям, как, например, в конце марта 1919 г. с отрядом батьки Правды. Будучи отправлен штабом бригады с фронта на отдых, отряд прибыл в г. Орехов. А красные тыловые штабы и исполкомы раздули панику, что бригадой Махно поднят мятеж, и срочно требовали войска на его подавление³⁴.

И все же весной 1919 г. военная необходимость вынуждала большевиков и махновцев к сотрудничеству, и они продолжали использовать друг друга. Основным материалом для строительства украинской РККА были местные повстанцы. Из них были созданы 2 первые дивизии в нейтральной полосе перед границей Украины. И, когда в связи с выводом австро-германцев и отречением гетмана в декабре 1918 г. эти дивизии перешли границу, с ними на соединение поспешило множество повстанческих отрядов.

Украинские крестьяне еще не попробовали аграрной политики коммунистов и дословно воспринимали их советские лозунги. Большевики же, продвигаясь на плечах повстанцев по Украине, применяли разную тактику для привлечения их отрядов в ряды РККА. При встрече со слабо организованной массой, они сразу проводили чистки комсостава и насаждали свои порядки. С организациями посильнее они вели себя осторожнее, вводили комиссаров, заменяли выборных командиров назначенцами, «постепенно превращая их в более регулярные и более пропитанные духом коммунизма»³⁵. Махновцы были сильным повстанческим соединением, сохранившим в составе Заднепровской дивизии свою внутреннюю организацию и комсостав.

Для самих же махновцев главной причиной такого союза была острая нехватка оружия и боеприпасов. Так на 27 января 1919 г. в их отрядах насчитывалось 29 тыс. бойцов, плюс безоружный резерв еще в 20 тыс. Но и после их вхождения в состав РККА, командование постоянно душило махновскую бригаду недопоставками оружия. А сам статус бригады РККА ограничивал махновцам все виды довольствия штатным расписанием на 7075 чел.³⁶

В то же время в тылу бригады большевики упорно насаждали свою власть, — создавали ЧК, продкомиссии, парткомы, военкоматы, начавшие притеснять население. Это стало причиной конфликта 22 марта между Махно и комиссаром бригады Петровым. Батька требовал, чтобы в зоне действия махновцев были распущены все эти организации и предоставлена свобода анархо-коммунистического строительства. Комиссар возражал, что политической составляющей в красно-махновском договоре нет, занятые территории принадлежат обеим силам, а рабочие не хотят жить без власти и сами формируют советские органы и ЧК для защиты от махновцев. Махно же настаивал на разграничении сфер влияния: районы, освобожденные красными войсками, принадлежат большевикам, а махновцами, — анархистам. Батька требовал прекратить коммунистическую агитацию в его бригаде и убрать комиссаров. В противном случае, он угрожал их разогнать³⁷.

Махновцы верили, что определяющим фактором будущего строя в Гуляйпольском районе станет сознательный выбор населения. В связи с чем, они развернули интенсивную пропаганду и организацию. В район прибывало много анархистов из России. Привозя с собой массу литературы и идей, они создавали общественные организации и вели агитацию, выпускали листовки и газеты. В частности, местный вариант газеты КАОУ «Гуляйпольский Набат».

Еще 24 февраля на совместном заседании анархистской груп-

пы Махно и местной ячейки набатовцев был составлен широкий план работ. Проведение лекций и спектаклей, «разъезды по провинциям» ораторов-пропагандистов для создания крестьянских групп и производственных кооперативов. К тому же, махновская бригада использовала свое наступление для распространения анархических идей и подготовки населения к безвластному социальному строительству. А наступление частей 3-й бригады охватывало едва ли не все юго-восточное Левобережье. Так 17 марта к Бердянску и Мариуполю были отправлены 2 вагона с литературой и агитаторами, но их задержала ЧК на ст. Синельниково. Параллельно с этим, на огромной территории, контролируемой махновцами, штаб приступил к формированию особой резервной бригады, а махновские командиры провели «самомобилизацию» в своих селах³⁸.

В первой декаде апреля, сразу после Елисаветградского съезда «Набата», к Махно была послана делегация КАОУ с целью привлечь батьку на свою сторону и возложить на Конфедерацию идейное руководство махновским движением. Душой переговоров был Аршинов, которому батька бесконечно доверял. По Теперу, именно влияние Аршинова склонило Махно на сторону «Набата» и его новой тактики. Но еще в начале мая батька отличал свою группу (тогда уже Союз) от Конфедерации и категорически выступал против того, чтобы гуляйпольская группа анархистов именовалась набатовской. Сменил он свое отношение лишь в конце мая, когда узнал, что весь Секретариат «Набата» собирается переехать в Гуляй-Поле³⁹.

В апреле же другая делегация КАОУ в составе Барона и Алого была направлена в Москву для создания благоприятного общественного отношения к идее нового течения «единого анархизма». Она планировала подключить к своей работе таких видных московских анархистов, как Павлов, Стоянов и др. Но это посольство провалилось из-за сопротивления групп Карелина, Аббы Гордина, Иуды Рощина. Каждый из них считал, что сам уже создал новое анархическое течение⁴⁰. Следует отметить, что эти последние, некогда авторитетные деятели движения к тому времени перешли в ряды «советских анархистов» и активно работали на приобщение анархического движения к работе большевистского государства. Рощин даже пытался разработать «анархистскую теорию диктатуры пролетариата»⁴¹. Разумеется, у них не могло возникнуть общих интересов с новым течением, явно оппозиционным большевизму.

Тем временем, складывалась красная блокада махновского района. Снабжение боеприпасами сократилось в 5-6 раз. Власти хватили всех «революционных работников», направлявшихся в

Гуляй-Поле⁴². На совместном заседании комсостава бригады с набатовцами, — делегатами съезда КАОУ, начальник разведки Лев Голик сделал выводы из действий красного командования. По его мнению, оставив бригаду без снабжения и пополнений под угрозой деникинского наступления, махновцев хотят обессилить потерями в боях, а затем бросить на них красные части и расправиться с движением. В ответ участники заседания поддержали предложение ВРСовета о созыве 3-го районного съезда в Гуляй-Поле. Однако 5 апреля военный нарком Подвойский издал приказ о запрете митингов и собраний в войсках без разрешения военных властей⁴³. И когда прошла информация о созыве 3-го Гуляйпольского съезда, начдив Заднепровской Дыбенко приказал распустить ВРСовет, а съезд объявил контрреволюционным⁴⁴.

Тем не менее, на махновский съезд 10 апреля собрались делегаты от 72 волостей, представлявшие более 2 млн. трудящихся района, начавших революционную борьбу, когда большевики еще отсиживались за границей⁴⁵. Поэтому съезд выразил решительный протест против объявления себя «контрреволюционным». Перед нами очередное столкновение большевистской элитарной и анархистской массовой концепций революции. Ленинцы считали революционными лишь те мероприятия, которые санкционированы «революционной» властью, а махновцы продолжали поддерживать инициативу масс, начавших социальную революцию. Как следствие, резолюция 3-го Гуляйпольского съезда отказала 3-му Всеукраинскому съезду Советов в праве быть свободным выразителем воли трудящихся из-за насилия над изъявлением депутатов⁴⁶. Другими словами, махновский съезд признал недействительным создание УССР и, следовательно, опротестовал вхождение района под ее юрисдикцию.

Кроме того, съезд выразил протест против системы назначения в районе, требуя проведения свободного выборного начала. Он также заявил, что не признает диктатуры, какой бы то ни было партии. А его делегаты видели левые политические силы лишь в качестве проповедников разных путей к социализму, но право выбора этих путей оставляли за собой⁴⁷. Таким образом, съезд настаивал на сохранении низового выборного самоуправления и сведении функций политических партий к пропаганде идей, при запрете их власти.

Между тем, пробиравшиеся в район анархисты рассказывали о повсеместном усилении красного террора. Так, 27 апреля прибыли 36 анархистов из Иваново-Вознесенска. Их лидер Александр Черняк рассказывал, что «Набат» всюду загнан в подполье, а за

выступления на митингах ЧК расстреливает анархистов прямо на улице⁴⁸. В ответ на подобные репрессии вышло постановление Гуляйпольского союза анархистов (далее, — ГСА) и местной группы «Набата», согласно которому Махно приказал своей контрразведке арестовать всех полковых комиссаров. Их рассматривали в качестве заложников для обмена на членов махновской делегации, арестованной большевиками в Екатеринославе. Делегация должна была 24 апреля встретиться там с представителями Григорьева, до мятежа которого тогда оставались две недели. Комиссары были освобождены лишь по личной просьбе командующего Украинским фронтом В. Антонова-Освеенко и под его гарантии освобождения махновцев⁴⁹.

Кроме того, по имевшейся у батьки информации, в конце апреля в Москве состоялось специальное заседание ЦК РКП/б, которое приняло решение о ликвидации махновского комсостава и анархического движения в районе⁵⁰. То же звучит в предложениях Высшей военной инспекции Украины на имя председателя Совнаркома УССР Х. Раковского. Отстранить от должности Махно, распустить его штаб и отдать их под следствие, а также заменить значительную часть комсостава бригады⁵¹.

Ответом стал созыв 12 мая войскового съезда комсостава махновских частей в Мариуполе. Одним из его вопросов было «перезаключение с Совправительством договора». Ораторы высказались за расширение военных прав махновщины, а также за предоставление полной автономии Мариупольскому, Бердянскому, Мелитопольскому, Александровскому, Павлоградскому и Бухмутскому уездам⁵², то есть, — огромной территории юго-востока Украины.

По военному вопросу съезд указывал, что теперь силы махновцев вместе с безоружным резервом достигают 50 тыс. бойцов и по штатному расписанию РККА они имеют право на формирование своей армии, а не бригады. Поэтому необходимо, как минимум, разворачиваться в дивизию, что согласовано с военным командованием Украины⁵³. В итоге, резолюция съезда постановила развернуть махновскую бригаду в 1-ю Украинскую повстанческую дивизию. А ВРСовету было поручено начать переговоры с Советским правительством о полной автономии указанных уездов⁵⁴.

Этот политический пункт входил в противоречие с проектом КП(б)У о государственном устройстве Украины, после ее освобождения от деникинцев. Проект планировал вхождение Украины в состав РСФСР. Другими словами, судьба договора с махновцами должна была решаться не в Харькове, а в Москве. К тому же, по этому проекту, в задачи украинской Красной армии

входила борьба не только с деникинцами и петлюровцами, но и с партизанами, то есть и с махновским анархическим повстанчеством⁵⁵.

Несмотря на такие планы, — усиление блокады махновского Вольного района и массовые аресты анархистов, — ситуация по новому договору ВРСовета с Совнаркомом УССР складывалась в эти дни наиболее удачно. С 6 мая бушевал мятеж Н. Григорьева, войска которого заняли Екатеринослав, Черкассы, Кременчуг и другие города. Большевики дрожали за свою власть и, чтобы не допустить соединения Григорьева с Махно, могли пойти на существенные уступки.

В этой связи, успокаивая красное командование, батька писал Л. Каменеву, что он, как анархист, не может поддержать захват власти Григорьевым. Он будет держать фронт против деникинцев, «стараясь в то же время, чтобы освобожденный нами тыл покрывался свободными рабоче-крестьянскими объединениями, имеющими всю полноту власти у самих себя»⁵⁶. Таким образом, Махно указывал условия, на которых он продолжит оборону республики и не пойдет на соединение с Григорьевым. В то же время разведка Украинского фронта докладывала, что Махно видит серьезные основания для григорьевского движения, лозунги которого аналогичны махновским в части недовольства Советской властью, которая изменила принципам Октября и насаждает «однобокие Советы»⁵⁷.

Тем временем махновцы всерьез готовились к социальному строительству в будущей анархической автономии, для чего велось организационное оформление Гуляйпольского союза анархистов. Шел процесс усиления местной группы анархистов, уже некоторое время существовавшей под этим именем. Как утверждал Долженко, «Что касается «Союза», то мы в нем давно, под тем же названием, но сейчас это должна быть более совершенная организация с более обширными задачами и полномочиями». Так и статья о ГСА в махновской газете «Путь к свободе» от 17.05.1919 г. указывала на «глубоко анархический характер» повстанческого движения в районе. Однако, лишь в отдельных местах наблюдались попытки анархической пропаганды, не связанные единством плана и действий. А планомерная организационная работа анархистов в районе вообще не велась. В результате — эти попытки не оставили после себя заметных следов⁵⁸.

По словам Белаша, относительно планомерная работа началась только с приездом нескольких товарищей из «Набата», которые создали местную группу КАОУ. Однако из-за недостатка сил они

не могли удовлетворить даже части потребностей района. Поэтому была создана самобытная местная организация ГСА, которая объединяла «на практической почве широкие круги работников идейного анархизма». Таким образом, основой создания ГСА были местные силы анархистов-практиков. Союз взялся объединить все «здоровые» анархические силы района, создать органы широкой пропаганды идей безвластного социального строительства, создать ряд анархических клубов для систематических занятий с трудящимися по этим вопросам. Впоследствии ГСА изъявил желание вступить в Конфедерацию на правах самостоятельной организации. А 23 мая совместное заседание ГСА и местной ячейки «Набата» постановило слияние групп на основе целей и задач КАОУ⁵⁹.

Вызывают особый интерес «Общие основания организации Гуляйпольского Союза Анархистов», раскрывающие нам механизмы анархического строительства, которые пытались использовать махновцы в районе даже в условиях большевистской травли движения. Основания указывали, что, если на территориях господства буржуазии ГСА признает закрытые и открытые методы ее свержения, в зоне Советского строя Союз будет использовать исключительно легальные методы борьбы. Как сказано в документе, он будет «применять критический, в партийном смысле слова, способ развития революции». В таком контексте ГСА отказывался от любых выступлений с целью свержения и захвата власти, и декларировал, что «путем вскрытия мелких и основных недостатков современного строя, внедряет в массы идею анархического строительства жизни». Своей целью и задачами Союз видел пропаганду анархизма, организацию свободных крестьянских коммун и экономических рабочих союзов. А также установление связей между городом и деревней, с прицелом на создание в будущем безвластной трудовой коммуны рабочих и крестьян⁶⁰.

Таким образом, курс на легальную политическую борьбу, нашедший свое главное отражение в Старобельском соглашении, был заложен в самом начале идейно-политического оформления махновщины.

Однако, набатовцы пессимистично оценивали перспективы перезаключения договора с большевиками, очевидно, понимая, что те в любом случае не пойдут на такие условия. КАОУ стала готовиться к открытой борьбе. Ввиду восстания Григорьева, гуляйпольская группа «Набата» настаивала на разрыве махновщины с Советской властью. Секретариат собирался перебраться из харьковского подполья в Гуляй-Поле. По выраже-

нию Аршинова, туда, где бьется «основной пульс революционной жизни масс»⁶¹. Согласно директиве Секретариата в район были переброшены из-под Харькова и Екатеринослава анархистские отряды Чередняка и Шубы. Они имели приказ силы не растрчивать и на фронт не выступать, а ждать приезда Секретариата. Даже прорыв фронта казачьим корпусом Шкуро и личное разрешение секретаря «Набата» Мрачного не заставило эти отряды выступить на позиции. Лишь после того, как они были разоружены махновскими частями, отряды согласились вступить в бой. У Волновахи они отбили наступление шкуровского корпуса, заставили его 25 мая прекратить рейд и уйти на Юзово⁶².

Развитие событий показало правоту «Набата» в отношении красных. Так уже 22 мая телеграмма Троцкого Реввоенсовету Южфронта запрещала признавать дивизию Махно и предлагала возложить на соседнюю 13-ю армию задачу расформирования 2-й Украинской армии⁶³, состоявшей тогда только из махновских частей. Аршинов отмечал, что для Троцкого лучше было отдать Украину белым, чем допустить развитие махновщины. Деникинщину, как открытую контрреволюцию, можно потом разложить классовой агитацией в низах. А махновцы сами поднимают эти низы против большевизма⁶⁴.

Подозрения в том, что красное командование сознательно оголяло махновский участок фронта для подавления анархического повстанчества руками белых можно найти и у Белаша. По его данным командование РККА знало о подготовке деникинского прорыва здесь еще 8 мая. И, тем не менее, фронт был ослаблен переброской махновских частей на подавление григорьевщины⁶⁵.

Несмотря на это, основной опасностью для революции махновцы продолжали считать не интриги большевиков, а деникинский фронт. И, чтобы снять напряжение в отношениях с красными, избавить махновцев от репрессий и сохранить их формирование в качестве дивизии, батька 28 мая подал в отставку с поста начдива и объявил, что уходит работать в низы. При этом он предоставил каждой бригаде дивизии право выбора: перейти под командование Южфронта или «разбиться на самостоятельные отряды и работать в интересах народа»⁶⁶.

Разумеется, заявление Махно не могло привести к прекращению репрессий. И ранее с Черной гвардией, и в этот раз, и впоследствии, в январе 1920 г. большевикам нужен был лишь повод для расправы с анархистами. Когда его не было, анархистов провоцировали или просто брали повод из воздуха. Как несколько позже Троцкий пи-

сал К. Ворошилову, «Капитуляцию Махно нужно записать на приход, а дальше действовать со всей энергией в борьбе с Махновщиной»⁶⁷. В прифронтовой же зоне известие об уходе Махно вызвало отчаянную панику. И красным приходилось усиливать блокаду заградительных отрядов, чтобы удержать части на фронте.

В то же время удар деникинцев на Донбасс перерос в общее наступление белых по всему фронту. Соседняя с махновцами 13-я армия была разбита и начала бегство на север. В связи с этим 29 мая в Гуляй-Поле прошло экстренное заседание комсостава и штаба Повстанческой дивизии, на котором было решено реорганизовать все махновские силы в самостоятельную Повстанческую армию. Таким образом, махновцы выходили из состава РККА. Но их армия сохраняла с ней союзнические отношения, и заявляла о своем оперативном подчинении Южному фронту. Тогда же батшкой были разосланы телеграммы по всей донецкой части Екатеринославской губернии с предложением всем партизанам, а так же сторонникам выборного начала в частях РККА, со всем имуществом переходить в Повстармию. В результате, Донецкое бюро РКП/б сообщало, что Махно является опасным центром притяжения для неустойчивых частей 8-й и 13-й армий⁶⁸.

В эти дни окончательно выяснилась невозможность перезаключения договора с УССР, и был сделан выбор в пользу независимости Гуляйпольского района. Он стал военизироваться, превращаться в анархическую крепость. Заводы Гуляй-Поля начали перестраиваться под выпуск оружия и боеприпасов. Продукция и сырье больше не отдавались в центр, а аккумулировались в районе⁶⁹. Наконец, 30 мая исполком ВРСовета принял решение о созыве на 15 июня 4-го экстренного, теперь уже окружного, съезда из представителей от Екатеринославской, Харьковской, Таврической, Херсонской и Донецкой губерний. Судя по охвату территорий, съезд планировался, как форум всего юго-востока Украины и подавляющей части территории УССР. Съезд должен был обсудить текущий момент, вопросы финансов, продовольствия, организацию правопорядка в районе⁷⁰.

Теперь же указывал, что 4-й съезд, в котором планировали участвовать делегаты от 90 волостей, имел своей целью провозглашение автономной «Махновской республики»⁷¹. Если речь шла об автономии губерний, чьи представители ожидались на съезде, такая независимость стала бы смертным приговором УССР.

Причем, по Теперу, само решение о провозглашении автономии не было спонтанным и экстренным. Подготовка к съезду началась еще по прибытии Иваново-Вознесенской группы анархис-

тов Чернякова и части Харьковской группы КАОУ вместе с членом Секретариата Мрачным. Параллельно Секретариат завалил Гуляй-Поле «целыми вагонами» анархической литературы и собирался перевести туда свой издательский центр⁷². По Аршинову, после съезда предполагалось перевести туда и сам Секретариат Конфедерации⁷³. А во время споров между эсерами и анархистами по поводу созыва съезда звучали аргументы, что большевики по своему усмотрению объявляли Донецко-Криворожскую и Крымскую республики, вообще, в формате отдельных государств⁷⁴. Так что народные делегаты тем более имеют право провозгласить автономию Вольного района. В преддверие съезда на Волина была возложена задача идеологического обоснования понятия «Вольного Советского строя»⁷⁵.

Между тем, после объявления о созыве 4-го съезда, большевики начали масштабную карательную операцию в Вольном районе. Пока махновские полки сдерживали напор казачьих атак, красные каратели вторглись в их села с тыла, казнили повстанческих работников, разрушали махновские коммуны⁷⁶. По распоряжению Троцкого № 96/с от 03.06.1919 г. совершенно прекращалась выдача штабу Махно денег, боеприпасов и военного имущества⁷⁷. А приказ РВСР № 1824 от 04.06.1919 г. вообще объявлял о разрыве отношений с Махно. 4-й съезд был назван незаконным, направленным против Советской власти, готовящим мятеж по типу григорьевского и открытие фронта белогвардейцам. Приказ предписывал арестовать и придать трибуналу всех участников съезда. Аресту подлежали также все члены исполкома ВРСвета⁷⁸.

Кроме того, Южфронт продолжал блокаду махновцев перед лицом деникинского наступления. Чтобы безоружная дивизия была растерта между жерновами белых корпусов и красных заградительных войск в махновском тылу. По словам командарма 2 А. Скачко, приказ Троцкого об объявлении Махно вне закона был настолько выгоден белым, что они листовками разбрасывали его среди махновских войск⁷⁹. Мало того, при полном прекращении поставок оружия и боеприпасов, Троцкий приказал Махно занять соседний участок фронта бежавшей 13-й армии РККА, то есть растянуть безоружные повстанческие части еще на 100 верст. На что получил грубый отказ⁸⁰.

Но совсем оставить фронт и уйти в красный тыл махновцы не могли. Тем самым они бросили бы на растерзание шкуровцам свою сеть Советов, создававшуюся со времен падения гетманщины. Полгода с декабря 1918 г. население района жило без

всякой политической власти и создало новые формы общественной организации. По оценкам Волина, за этот период влияние махновских идей распространилось на значительную часть Украины с населением до 7 млн. человек⁸¹. Как было бросить такую массу вольных тружеников, фундамент Вольного советского строя? В 20-х числах мая, во время прорыва в район конницы А. Шкуро, казаки громили махновские Советы и уничтожали родню повстанцев⁸². Поэтому ни прекращение снабжения, ни тыловые удары красных карателей не могли сдвинуть Повстармию с фронта. Только неукротимый напор деникинских войск заставлял махновские полки, огрызаясь, пятиться на запад.

При этом даже объявленная Советской властью незаконность предстоящего съезда уже не могла его остановить. В своем повторном отказе от командования Махно 8 июня указал, что считает «неотъемлемым, Революцией завоеванным правом рабочих и крестьян созывать самим съезды для обсуждения вопросов, как общего, так и частного характера. Поэтому объявление свыше таких съездов незаконными я считаю нарушением революционных прав народа»⁸³. Съезд был отменен лишь прорывом белой конницы к Гуляй-Полю. Когда деникинцы подступали уже к самому сердцу района, 8 июня там состоялось экстренное заседание штаба дивизии, ВРСовета и ГСА, на котором решался вопрос о дальнейших действиях армии. Часть выступавших твердо стояла на удержании фронта даже под угрозой террора ЧК. Белаш предлагал сдать части дивизии красному командованию, а ядром армии уйти партизанить в деникинский тыл. Но большинство настаивало свернуть свои полки и уйти за Днепр на соединение с Григорьевым. Прямо во время заседания шкуровская бригада начала атаку на Гуляй-Поле⁸⁴.

В результате, Махно все-таки покинул пост начдива и с отрядом в 100 добровольцев⁸⁵ ушел за Днепр. Командование РККА приняло полки дивизии и посредством судилища расправилось с махновским штабом. Но фронт это не спасло и началось паническое бегство большевиков с Украины.

Соответственно, не смог перебраться в Гуляй-Поле и Секретариат «Набата». Но перед уходом в подполье, ввиду наступления Деникина, местные организации КАОУ развернули широкую агитацию в поддержку махновского движения. Массово шло издание «Правды о Махно» в Одессе под руководством Барона, в Елисаветграде, — под началом Волина, в Киеве и Екатеринославе, — под контролем Алого. Общую координацию взял на себя Аршинов⁸⁶. Волин и другие набатовцы добрались в отступающую Повстанческую армию лишь в августе 1919 г.

под Одессой⁸⁷. В то же время произошло махновское восстание в частях 58-й дивизии РККА (бывших полках махновской дивизии) в Новом Буге. В результате чего местная группа «Набата» вышла из подполья и фактически стала политической организацией в восставших частях. Секретарем группы был избран Белаш⁸⁸.

Во время восстания махновские агитаторы объявили, что коммунисты изменили революции и бросают Украину на произвол судьбы. Как указал батька пленным красным командирам, «Вы узурпаторы, душители воли народной... Вы бежите от Деникина. Я же его разобью в пух и в прах...»⁸⁹. 1 сентября 1919 г. в с. Добровеличковке состоялось махновское общевойсковое собрание, на котором был избран новый состав ВРСовета, новое командование армии во главе с командармом Махно и начштаба Белашом, а сама армия получила официальное название «Революционная Повстанческая Армия Украины (махновцев)». Был брошен клич «Все, кому дорога свобода и независимость, должны остаться на Украине и вести борьбу с деникинцами», привлекая в ряды Повстармии множество добровольцев⁹⁰. Численность РПАУ/м достигла 55 тыс. бойцов. Махновцы наголову разбили части ВСЮР в районе Ново-Украинки и полторы недели держали здесь фронт, пока остатки РККА бежали на север.

¹ Аршинов П. *История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории.* М. 1996., с.53

² Тепер И. *Махно. От «единого анархизма» к стопам румынского короля.* Харьков. 1924., с.10

³ Боровик М.А. *Анархістський рух в Україні у 1917-1921 рр. // Український історичний журнал.* № 1. 1999., с.10

⁴ Волин В.М. *Неизвестная революция, 1917-1921.* М. 2005., с.182

⁵ *Анархисты. Документы и материалы.* т.2. 1917-1935 г. М. 1999., с.349-350

⁶ *Анархисты.* с.344-346

⁷ Яковлев Я. *Русский анархизм и Великая русская революция.* Харьков. 1921., с.19

⁸ Тепер И. *Махно. От «единого анархизма» к стопам румынского короля.* Харьков. 1924., с.30

⁹ Грациози А. *Великая крестьянская война в СССР.* М. 2008., с.10-11

¹⁰ Тепер И. *Махно. От «единого анархизма» к стопам румынского короля.* Харьков. 1924., с.101

¹¹ Аршинов П. *История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории.* М. 1996., с.161

¹² Махно Н.И. *Воспоминания.* кн.1. К. 1991., с.8

¹³ Чоп В.М. *Проблема існування Запорізьких козацьких традицій в історії*

- махновського руху // Записки історичного факультету ОНУ. вип. 17. Оdesa. 2006., с.198
- ¹⁴ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.22. Інформація о том, что это было формирование именно Черной гвардии, достаточное спорна, т.к. ее создание в Центре относится лишь к декабрю 1917 г. Вероятно, В. Белаш использовал его в нарицательном смысле анархической боевой дружины.
- ¹⁵ Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М. 1997., с.63
- ¹⁶ Ленин. ПСС. т.36., с.265
- ¹⁷ Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М. 1997., с.63
- ¹⁸ Фролов М.О. Компарти́но-радянська еліта в УСРР (1917-1922 рр.): становлення і функціонування. Запоріжжя. 2003., с.29-30, 62
- ¹⁹ Никольский С.А. Власть и земля. Хроника утверждения бюрократии в деревне после Октября. М. 1990. с.62-66
- ²⁰ Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М. 1997., с.114-115
- ²¹ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.69
- ²² напр. Бакунин М.А. Избранные сочинения. т.1. Петербург. 1919., с.80, 306
- ²³ Тепер И. Махно. От «единого анархизма» к стопам румынского короля. Харьков. 1924., с.63
- ²⁴ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.385
- ²⁵ Белаш. с.58
- ²⁶ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.63
- ²⁷ Нестор Махно. с.71
- ²⁸ Тепер И. Махно. От «единого анархизма» к стопам румынского короля. Харьков. 1924., с.26-27
- ²⁹ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.73-86
- ³⁰ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.104
- ³¹ Махно Н.И. На чужбине. Записки и статьи 1923-1934 гг. Париж. 2004., с.84-85 // здесь и далее страницы указаны по <http://www.makhno.ru/lit/book7.php>
- ³² Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.110-111
- ³³ Белаш. с.112
- ³⁴ Белаш. с.116-117
- ³⁵ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.144
- ³⁶ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.56, 90
- ³⁷ Белаш. с.112
- ³⁸ Белаш. с.94, 109, 112
- ³⁹ Тепер И. Махно. От «единого анархизма» к стопам румынского короля. Харьков. 1924., с.38, 16
- ⁴⁰ Тепер. с.32

- ⁴¹ Эврич П. Русские анархисты. 1905 — 1917. м. 2006., с.211-212
- ⁴² Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.66
- ⁴³ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.129-130
- ⁴⁴ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.111
- ⁴⁵ Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.66, 69
- ⁴⁶ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.111
- ⁴⁷ Нестор Махно. с.112
- ⁴⁸ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.158
- ⁴⁹ Белаш. с.160, 163
- ⁵⁰ Белаш. с.175
- ⁵¹ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.131
- ⁵² Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.180, 185
- ⁵³ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.144
- ⁵⁴ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.186
- ⁵⁵ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.112-113
- ⁵⁶ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.183
- ⁵⁷ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.150
- ⁵⁸ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.203, 201
- ⁵⁹ Белаш. с.202, 212
- ⁶⁰ Белаш. с.202-203
- ⁶¹ Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.160
- ⁶² Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.195, 212
- ⁶³ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.149
- ⁶⁴ Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.85
- ⁶⁵ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.206
- ⁶⁶ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.155-156
- ⁶⁷ Нестор Махно. с.169
- ⁶⁸ Нестор Махно. с.154, 157, 166
- ⁶⁹ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.233-234
- ⁷⁰ Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.80-81
- ⁷¹ Тепер И. Махно. От «единого анархизма» к стопам румынского короля. Харьков. 1924., с.30
- ⁷² Тепер. с.38

НЕЗАВИСИМОСТЬ РАЙОНА

- ⁷³ Аршинов П. *История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.160*
- ⁷⁴ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.235*
- ⁷⁵ Тепер И. *Махно. От «единого анархизма» к стопам румынского короля. Харьков. 1924., с.39*
- ⁷⁶ Аршинов П. *История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.81*
- ⁷⁷ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.238*
- ⁷⁸ Аршинов П. *История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.82*
- ⁷⁹ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.252*
- ⁸⁰ Белаш. с.239
- ⁸¹ Волин В.М. *Неизвестная революция, 1917-1921. М. 2005., с.408*
- ⁸² Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.207*
- ⁸³ Нестор Махно. *Крестьянское движение на Украине 1918 – 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.170*
- ⁸⁴ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.245-246*
- ⁸⁵ Махно Н.И. *На чужбине. Записки и статьи 1923-1934 гг. Париж. 2004., с.51*
- ⁸⁶ Тепер И. *Махно. От «единого анархизма» к стопам румынского короля. Харьков. 1924., с.44*
- ⁸⁷ Аршинов П. *История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.160-161*
- ⁸⁸ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.291*
- ⁸⁹ Нестор Иванович Махно. *Воспоминания, документы и материалы. К. 1991., с.69, 72*
- ⁹⁰ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.300-301*

УРОКИ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Эта работа посвящена социальному строительству в Вольном районе и борьбе двух советских концепций: анархической и большевистской. Поэтому героические страницы махновской эпопеи, — отступление Повстанческой армии с беженцами на запад, решающая битва у Перегоновки (Умань) и подробности разгрома деникинского тыла, — остаются за ее рамками.

Махновцы спасали народную революцию. А по Аршинову, ее спасение идентично становлению Вольного советского строя. «Для этого следовало бы лишь раскрепостить революционный дух масс, опереться на самодеятельность рабочих и крестьянских организаций, дать им свободный ход»¹. Разумеется, в рамках деникинской диктатуры, душившей даже ограниченную самостоятельность масс, разрешенную Советской властью, такое раскрепощение произойти не могло. Но, защищая народную (3-ю анархическую) революцию, махновцы спасали и бюрократическую революцию большевиков.

Осенью 1919 г. максимально возросло представительство и влияние набатовцев в махновском движении. 1 сентября Волин был избран членом ВРСовета махновской армии и заведующим его культурно-просветительским отделом (Культпросветом). 20 сентября он — полномочный представитель ВРСовета на переговорах с делегацией Украинской Народной республики. Военное соглашение с Петлюрой с махновской стороны подписали Волин и Алексей Чубенко.

После победы под Перегоновкой, РПАУ/м совершила глубокий рейд в Левобережную Украину. По ходу следования Волин поддерживал идею Белаша о выделении маневровых групп. Они должны были поднимать повстанческое движение в соседних губерниях и в дальнейшем развернуться в Херсонский, Киевский, Черниговский и Полтавский корпуса махновцев. Сам батька протестовал против этого решения, упрекая начштаба в распылении армии. На что Волин ответил «Пойми же, эти группы станут набатом, будирующим фактором третьей анархической Революции на Украине»². Такое пробуждение самодеятельности трудящихся стало основой махновской политики осени 1919 г.

За 7 дней Повстармия прошла 350 верст от Умани в глубокий тыл наступающих на Москву армий ВСЮР Деникина. Как вспоминал белогвардеец Н. Герасименко: «Нужно было видеть, что творилось в эти «махновские дни» в тылу добровольческой армии... Это был небывалый, не имеющий примера в истории разгром тыла»³.

Махновцы освободили громадный район, охватывающий части Херсонской, Киевской, Таврической, Екатеринославской губерний, с населением в несколько миллионов человек. Силами Культпросвета на всем пространстве возвращения Повстармии шла массовая агитация крестьян, призывающая к восстанию против белых. Масштабы разгрома белого тыла вселяли в крестьянство уверенность, что дни Деникина сочтены. И, к примеру, на станции Чаплино, где еще стоял белый воинский эшелон, крестьяне уже открыто угрожали деникинцам: «скоро явится батько Махно и всех перережет»⁴.

Первые дни махновского триумфа вызвали всеобщее ликование и энтузиазм. Как вспоминал Белаш, «Профсоюзы устраивали нам обеды, после которых на руках выносили к автомобилям»⁵. В Бердянске инициативная группа безработных учителей созывала 26 октября собрание в Культпросвете, имевшее целью восстановление учебного процесса в городе и уезде. Группа призывала своих коллег участвовать в собрании, которое распределит безработных преподавателей по школам, взамен ушедших «с кадетской армией». Массовая самоорганизация охватила все возрастные группы. Даже юношеские организации Вольного района объединялись в Дом юношества, который был призван давать рабоче-крестьянской молодежи знания, развивать у нее самостоятельность и индивидуальное творчество. Что в дальнейшем позволит ей обеспечить «естественное развитие свободной общественно-социальной жизни»⁶.

Самодеятельность народных организаций немыслима без политических и гражданских свобод. Поэтому для махновцев их введение не было чем-то желаемым, но отдаленным в ожидании «лучших времен». По свидетельству Волина, как только махновцы вступали в какой-либо населенный пункт, немедленно провозглашалась полная свобода слова, печати, собраний и объединений — для всех⁷. Белаш подтверждает, что из подполья вышли нелегальные при деникинщине большевики и левые эсеры. В то же время, легальные при белых меньшевики и правые эсеры продолжили свою деятельность⁸. И Р. Курган указывал, что первый раз махновцы были в Екатеринославе только 8 дней, но при них сразу же расцвели политические свободы. В городе стали выходить газеты разных партий, начавшие полемику между собой⁹. М. Гутман уточнял, что

свобода печати была провозглашена махновцами при условии, что она не будет призывать к вооруженному восстанию. Наряду с официальным органом ВРСовета «Путь к свободе» и «Набатом» КАОУ, выходили газеты «Знамя восстания» левых эсеров, «Звезда» большевиков и даже «Народовластие» правых эсеров¹⁰.

Как объясняла такой плюрализм секретарь Культпросвета и одна из организаторов КАОУ Елена Келлер, — повстанцам-махновцам незачем запрещать разным партиям говорить и работать открыто. Ибо «Никакая пропаганда, какой бы то ни было партии, не сможет отвлечь внимание трудового люда от идеи безвластного естественно-объединенного рабоче-крестьянского общежития на началах экономического строительства, раз только это строительство начинается». И, наоборот, чем больше партии будут трубить о своей власти, конкурируя друг с другом, тем скорее широким массам станет ясно, насколько политическая власть несправедлива. Таким образом, партии сами изживут себя¹¹.

Кроме того, решающим шагом к высвобождению самодеятельности масс махновцы видели принципиальный отказ от любых органов власти, как институтов, ограничивающих свободу трудящихся. Аршинов указывал, что «Свобода крестьян и рабочих находится у них самих и поэтому не может быть ограничена». В каждом городе махновцы первым делом предупреджали, чтобы их не принимали за новую власть. Они предлагали себя лишь в качестве советчиков, культурных работников и, главное, защитников свободы трудящихся от посягательств властей и партий¹².

Наиболее характерным примером такой защиты стала даже не оборона Вольного района от деникинских войск, а эпизод с большевистскими ревкомками. Освобожденные махновцами из тюрем большевики тут же бросились организовывать ревкомы в Екатеринославе и Александровске для насаждения политической власти и управления народом. Причем, александровские ленинцы не понимали анархической концепции самоуправления настолько, что предложили Махно «разграничить сферы деятельности»: передать ревкому политическую и гражданскую власть, а за батькой оставить власть военную. В ответ Махно пригрозил расстрелять всех членов ревкома за малейшую попытку ограничить свободы и посоветовал им «заняться каким-нибудь честным ремеслом»¹³. Аналогично ревком был разогнан и в Екатеринославе. По воспоминаниям члена губкома КП(б)У В. Мирошевского, — он с двумя товарищами

явились для переговоров к занявшему город махновскому командиру Лашкевичу. Тот заявил, что не потерпит никаких попыток организации власти, и пригрозил расстрелом за опубликованный ревкомом «приказ по населению»¹⁴.

Идею социальной самодеятельности образцово разъясняла августовская 1919 г. листовка «К чему стремятся повстанцы-махновцы. О власти и советском строе». Примечательно, что в пример ростков безвластия набатовцы Культпросвета ставили плоды Февральской революции. «Ведь вы же сами ответили миру на этот вопрос еще в марте 1917 г. Вы выдвинули тогда громадную сеть ваших трудовых организаций: профессиональные союзы, фабричные и заводские комитеты, сельские организации, армейские организации и, наконец, самое главное — Советы. Вы выдвинули эти организации, конечно, как беспартийные трудовые органы для дела устройства справедливой, разумной и свободной жизни. Политическая партия коммунистов-большевиков своей борьбой за власть совлекла эти организации на ложный путь, исказила, испортила и, в конце концов, убила их в корне». Откуда культурники заключали: «Организация хозяйственной, общественной и культурной жизни без партий и без государственной политической власти, а лишь при помощи естественно объединяющихся снизу рабоче-крестьянских организаций и Советов — таков, товарищи, первый и главный пункт махновской программы»¹⁵.

Не строительство идеальной анархии, а реализация этого первого пункта махновской программы и стояла на повестке дня «Южно-украинской Безвластной Трудовой Федерации», как именовала Вольный район одна из повстанческих листовок осени 1919 г. «Отрицая государство и власть, махновцы выдвигают новые формы общественной жизни, а именно: безвластные федерации экономических организаций». По словам другой листовки «За что борются махновцы?», — эти федерации являются вольными объединениями рабочих, крестьянских и интеллигентских союзов, не несут никакой политической окраски, а являются экономическими регулирующими органами¹⁶.

«Повстанцы-махновцы борются за полную самостоятельность и свободу Украины. Их ближайшей целью является уничтожение Деникинской армии для установления Украинской Безвластной Трудовой Федерации», — указывала та же листовка¹⁷. Таким образом, в отличие от требований автономии района весны 1919 г., уже осенью в планах ВРСовета было распространение Вольного Советского строя на всю Украину.

В течение 1919 г. советская концепция окончательно утвердилась у крестьянства, как система управления, предпочтительная институтам буржуазной демократии. В ней привлекала возможность самостоятельного принятия решений. Причем, в итоге этот выбор крестьян в пользу Советов, стал одним из главных факторов, определивших поражение белого движения¹⁸.

Сразу после освобождения Вольного района на селе стали возрождаться советские органы по образцу «Советов на местах» времен Керенского. На конец октября Белаш отмечал, что в селах уже заканчивались выборы в экономические Советы. Но крестьяне все еще понимали их, как большевистские Советы депутатов. Наконец, суммируя опыт социального строительства осени 1919 г., он указывал, что в селах занятого района возродились Советы времен мая 1919 г.¹⁹, то есть уже махновские Советы. Вероятно, Белаш пишет о нескольких этапах становления советских органов на селе: сначала, как депутатских и позднее, как делегатских органов местного самоуправления. Причем, в небольших селах Советы были не депутатскими и даже не делегатскими, а органами прямой демократии, общим собранием всего взрослого населения. К примеру, общее собрание крестьян с. Марьевка Беленьской волости постановило войти в сельсовет «всем гражданам общества»²⁰.

Труднее продвигалось создание Вольных Советов в городах. Во второй декаде октября махновцы создали общегородской митинг в Бердянске, где впервые призвали горожан организовывать городской Совет, как экономическую, а не политическую организацию²¹. Листовка Культпросвета так разъясняла данный процесс: «В освобожденном от власти городе крупнейшая рабочая организация (например, совет профессиональных союзов) должна немедленно взять на себя инициативу (почин) в деле созыва большого совещания (конференции) для скорейшего обсуждения и решения ряда насущных вопросов... С течением времени конференция превратится в деловой экономический Совет рабочих и крестьянских организаций. Совет будет естественным объединением низовых рабочих и крестьянских, городских и сельских организаций, исполняющих, как Совет, волю общих собраний, сходов, совещаний, съездов и т.п.»²².

По Гутману, и в Екатеринославе ВРСовет выпустил воззвание, предлагая населению созвать конференцию на тему управления городом. Причем, в ней должны были участвовать только трудящиеся элементы, без присутствия эксплуататоров. Конференция должна была выработать конкретные формы самоуправления. А до их становления «власть должна была оставаться за городской

управой»²³. Это очень показательное замечание. Будучи противниками власти, набатовцы Культпросвета не думали ни на день оставить большой город без общественных служб. Они готовы были временно терпеть управление старых чиновников, но не отдать город хаосу. Воззвание также указывало, что за Повстармией остается лишь функция охраны города. И по Кургану, — Махно в Екатеринославе четко очертил вынужденные военные полномочия своей армии: «мы военное командование, наше дело — бить кадетов, а гражданскую власть, раз уж без власти обойтись не можете, создайте себе сами»²⁴.

Но, кроме пробуждения самодеятельности трудящихся, политические свободы имели и обратную сторону. Конкурирующие партии саботировали начинания анархистов в области социального строительства. Так уже 14 октября на заседании штаба Волин ругал меньшевиков, засевших в профсоюзах. При Деникине они заняли там командные высоты и теперь сопротивлялись махновским инициативам, живя старой идеей Учредительного собрания. Например, Культпросвет созвал в Александровске деловой митинг по вопросу о ближайших задачах общественно-экономического строительства. Резолюция митинга предложила местному Совету профсоюзов созвать по этому вопросу более широкий деловой съезд рабочих и крестьян города и окрестных сел. Но Совпроф отказался это делать, ссылаясь на всякие мелочи. И Волин констатировал, что «рабочие сейчас, в силу целого ряда условий не деятельны, робки и не революционны, и успех 3-й Революции зависит теперь, главным образом, от крестьянства»²⁵.

15 октября в Александровске было опубликовано знаковое обращение батьки «К железнодорожникам». Махно предлагал рабочим и служащим этой отрасли самостоятельно наладить движение и установить достаточную плату за свой труд с пассажиров и грузов²⁶. Освобожденному населению был предложен принцип самоуправления целых отраслей народного хозяйства. Вскоре железнодорожники самостоятельно наладили движение поездов в районе²⁷, таким образом, реализовав этот принцип в своей отрасли.

Но это был практически единичный случай такого масштаба в махновской федерации. Аршинов вспоминал, что рабочие медлили с социализацией производства и самостоятельным налаживанием жизни в городе. Они были смущены новизной этого дела и не находили пока первых конкретных форм трудового самоуправления. Но, главное, их настораживала близость фронта²⁸. Другими словами, рабочие вполне естественно опасались расправы за свою самодеятельность в случае возвращения деникинцев.

В таких условиях махновскому ВРСовету пришлось созывать съезд самостоятельно, нарушая тем самым свои принципы невмешательства в самоорганизацию населения. Съезд был назначен на 28 октября, только предполагал он уже более широкое представительство, чем Александровск и окрестности. Было решено созвать форум всего освобожденного района. А в своем воззвании о созыве нового съезда ВРСовет напоминал, что в прошлом повстанцы уже подготовили свой обширный район к строительству свободной социалистической жизни трудящихся. И теперь самим крестьянам и рабочим надо снова взяться за построение справедливой жизни²⁹.

4-й районный съезд был созван от освобожденных частей Александровского, Бердянского, Мелитопольского, Мариупольского, Екатеринославского, Новомосковского уездов, и проходил в Александровске 28 октября — 2 ноября 1919 г. Его резолюция начиналась с признания событий, развертывающихся на Украине началом великой 3-й социальной революции. Ввиду чего съезд указал две основные задачи текущего момента. 1) Скорейшее превращение повстанческой армии во всенародную рабоче-крестьянскую силу. 2) Скорейшее создание крестьянами и рабочими у себя на местах свободных общественно-хозяйственных организаций³⁰. По мысли авторов резолюции, вопрос снабжения РПАУ/м плотно смыкался с вопросом анархического строительства в Вольном районе. В резолюции съезда это сформулировано было так: «всемерно поддерживать обеспечение армии, стремясь к скорейшему созданию всюду на местах своих свободных общественно-хозяйственных организаций и их объединению между собой»³¹.

Из этой фразы явствует, что махновцы видели наилучшее обеспечение Повстанческой армии через создание анархических органов общегития и производства. Что явилось бы одновременно и наглядным результатом тяжелой борьбы, и добровольным источником снабжения этой борьбы. Резолюция планировала также повсеместное создание при данных анархических органах специальных комиссий, которые бы занимались вопросами снабжения через проведение конфискации у буржуазии, наложения контрибуций, а также сбором обмундирования. Одновременно эти комиссии должны были исполнять функции собесов, — заниматься обеспечением семей повстанцев и беднейшего населения³².

На съезде был впервые обнародован проект «Декларации РПАУ/м о Вольных Советах». Тепер считал его вершиной идеологической деятельности «Набата» и самым ценным документом практичес-

кого анархизма. Ибо до него анархизм не имел конкретной программы социального строительства. Теперь же уточняет, что он почти целиком был написан Волиным³³.

Махно оспаривал авторство. «Проект Декларации повстанцев-махновцев — есть поспешный плод работы нашей Гуляй-Польской группы анархо-коммунистов» в трудный момент отступления Повстармии на запад, когда махновцы попали в чужие области и не имели возможности сверять свои идеи с теоретическими разработками городских анархистов. После эта основа Декларации была передана только что примкнувшему к армии Волину для «детальной разработки», которая была закончена через месяц³⁴. Учитывая, что Волин попал в РПАУ/м в августе 1919 г., получаем написание основы, — в июле, а готовность проекта — в сентябре. Но, в любом случае, проект впитал в себя идеологическое обоснование Вольного Советского строя, которое было поручено «Набатом» Волину в преддверии махновского съезда 15 июня 1919 г.³⁵

С первых строк проект Декларации заявлял об осознании его авторами громадной важности и величайшего исторического смысла надвигающихся событий и целей, поставленных махновщиной. Опыт февральской и октябрьской революций убедил их, что никакая политическая партия и никакая государственная власть не в силах осуществить стремления и удовлетворить нужды трудовых масс. Более того, авторы убеждены, что, в силу пережитого революционного опыта, значительные массы украинских крестьян и рабочих пришли к такому же выводу³⁶. Тем самым, махновцы констатировали, что украинские трудящиеся в массе своей осознали единственно верный путь народной революции, — через собственное социальное творчество, самостоятельное строительство нового общественного уклада, то есть, — путь анархический.

И здесь мы подходим к одному из ключевых программных моментов «главного документа практического анархизма». Настаивая на полной свободе самодеятельности масс, авторы Декларации выводили из такого подхода важное следствие, что «народ должен иметь полную возможность выслушивать все мнения и советы», но применять их к жизни самостоятельно. В чем важность этого условия? В отличие от догматичного большевизма и даже программ умеренных социалистов, махновцы заявляли, что не настаивают на своих социальных концепциях, как панацее и истине в последней инстанции. И уж тем более, не собираются издавать некие приказы в области социального строительства и уничтожать альтернативные проекты, как крамолу. Напротив, они изначально соглашались на разнообразие социальных форм и

конструкций. С политической точки зрения, это давало широту альянсов, сочетание подходов, терпимость концепций. Только в таком контексте и только в качестве советчиков авторы проекта обращали внимание трудящихся на необходимость создания «истинно свободного советского строя»³⁷, то есть ВСС.

По сути, концепция ВСС отказывала большевикам в праве называть свое государство «советским» и шире, — отрицала совместимость советской организации общества с понятием государства и власти. Таким образом, махновская Декларация явилась прямым развитием концепции Советов, которую отстаивали анархисты между февралем и октябрём 1917 г. и окончательным оформлением подходов, заявленных листовкой Культпросвета «К чему стремятся повстанцы-махновцы. О власти и советском строе». Но еще раз следует подчеркнуть, что этот «первый и главный пункт махновской программы» не подразумевал строительство идеальной анархии, но лишь закладку ее фундамента в процессе социального творчества масс. Детальная же проработка дальнейшего либертарного сценария была бы с их стороны безответственным прожектерством, притом, никак не стыкуемым с самодеятельностью трудящихся.

Так как же авторы Декларации видели первый этап организации анархического социума? Развивая идеи, очерченные в махновских листовках, проект утверждал, что Вольный советский строй, в отличие от Советской власти большевиков, должен опираться не на политические, а на общественно-экономические организации. Основа ВСС, — сельские комитеты или советы, всевозможные союзы, кооперативы и фабрично-заводские комитеты, организации служащих. Все эти профессиональные, производственные, распределительные, транспортные и т.д. организации, по мысли авторов проекта, должны естественным образом объединяться в экономические Советы. Последние мыслились, как технические органы, выполняющие задачи регулирования общественно-хозяйственной жизни. И такие Советы должны создаваться на всех уровнях территориального деления страны (волость, город, область и т.д.). Однако махновцы особо указывали, что Советы эти должны организовываться на свободных началах и лишь по мере надобности³⁸.

До утверждения же данного проекта будущим полномочным съездом высшим органом координации в Безвластной трудовой федерации оставался Военно-Революционный Совет, который в деле организации общественной жизни руководствовался решения 3-го Гуляйпольского (10.04.1919) и 4-го Александровского (28.10.1919) съездов.

Съезд являлся высшим законодательным органом федерации. Но его решения вступали в силу лишь в том случае, когда одобрялись на местах большинством населения. Таким образом, махновское законодательство имело два фильтра. Во-первых, — законы (резолуции съездов) принимались не профессиональными депутатами, а делегатами с императивным мандатом, что исключало произвол законодателей. Во-вторых, — даже эти законы набирали силу лишь при последующем их одобрении на местах. Наконец, решения эти имели ограниченную зону действия и не претендовали на всеобщность. Даже после утверждения решений большинством населения, они набирали законную силу лишь для данного района и не касались территорий, не приславших делегатов на съезд³⁹.

Как подытожил Белаш результаты форума: «Делегаты съезда вполне были довольны Волиным и не требовали организации власти. Они решили, как эксперимент, обойтись без нее». Съезд избрал новый состав ВРСовета, состоявшего из гражданской и военной частей. Совет представлял собой коалицию социалистических партий и беспартийных организаций и в процентном отношении выглядел так. 42,5% анархистов (85 чел., все командиры и начальники военных управлений), 10,5% левых эсеров и максималистов (21 чел., часть командиров и часть делегатов от сел), 2% большевиков (4 чел.), 35% беспартийных крестьян (70 чел.) и 10% рабочих (20 чел.). Прочие легальные партии махновской федерации, — «Меньшевики, народники, правые эсеры и националистические партии отказались принимать участие в работах ВРСовета»⁴⁰. Что прямым образом отразилось на планах создания ВСС в городах района.

Первый конфликт с Советом профсоюзов по созыву съезда имел продолжение уже во время его работы. По Белашу, 30 октября часть из 300 делегатов, представляющая рабочих города «призывали съезд к пораженьчеству», доказывали, что пролетариат не подготовлен руководить производством, рабочие не хотят быть хозяевами и им нужен лишь здоровый капитализм. А вместо социализации они призывали к Учредительному собранию. После таких заявлений батька потерял самообладание и выступил с разгромной речью против меньшевиков и правых эсеров. Что они уперлись в свою «учредилку», саботируют другие формы социалистической борьбы и науськивают рабочих на повстанцев⁴¹. Напоследок Махно обозвал их «ублюдками буржуазии». После чего делегаты от некоторых рабочих организаций Александровска, — меньшевики и правые эсеры во главе с Мухиным и Мартыновым-

Крыловым, — демонстративно покинули съезд⁴². После их ухода из политических представителей на съезде остались только анархисты, большевики, боротьбисты и левые эсеры⁴³.

Протокол съезда рисует другую картину. Махно заявил, что в рамках съезда ведется подпольная агитация со стороны меньшевиков, стравливающая крестьян и рабочих. Батька и эсеров призвал сознаться, «что вы не боретесь за освобождение трудящихся, а только сеете свои нахальные диктаты». Махно требовал от представителей умеренных социалистов покинуть съезд и не мешать строить жизнь так, как хотят вольные крестьяне и рабочие. Представители умеренных Боголюбова и Крылов-Мартынов выступили в свою защиту, указывая что они сами рабочие, присланы на съезд от рабочих и, значит, обвинения командующего армией падают оскорблением на всех рабочих. Социалисты заявили, что вынуждены уйти из зала и сказать делегировавшим их коллективам, что съезд этот только для крестьян и повстанцев, но не для рабочих. Как резюмирует протокол: «г. Попов, Мухин, Крылов-Мартынов и Боголюбова уходят из зала заседания и за ними их прихвостни, а также некоторые, не понявшие инцидента рабочие»⁴⁴.

Покидая съезд, меньшевистская делегация подала заявление, согласно которому подобные выпады против представителей рабочего класса стали систематическими после занятия города повстанцами. Доходило до необоснованного ареста делегаций и отдельных представителей. Заявление указывало, что махновцы не желают считаться с рабочими организациями, а выпады против их представителей на съезде являются «грубой демагогической ложью и нахальной клеветой». В результате чего, делегация покидает форум до изыскания съездом путей и средств, огораживающих рабочих представителей от подобных явлений⁴⁵.

О каком количестве ушедших идет речь, — не ясно. У свидетелей и ранних авторов, описывающих перипетии Александровского съезда, крайне путаются цифры его участников, что не позволяет до конца понять глубину конфликта между махновцами и рабочими организациями, в итоге приведшего к поражению анархического строительства в городах Безвластной трудовой федерации.

По данным Коневца, многие рабочие организации Александровска делегатов не послали, всего от пролетариата было 17 делегатов. Мало того, он утверждает, что делегаты от рабочих были посланы принудительно по требованию Махно и под угрозой репрессий⁴⁶. Понимая заведомую лживость этих утверждений, логично сомневаешься и в приведенных цифрах пролетарских де-

легатов. М. Кубанин приводит ту же цифру — 17 делегатов от рабочих Александровска, остальные города делегатов не прислали. Из них 11 делегатов-меньшевиков и 2 от большевиков⁴⁷. Но если меньшевистские делегаты ушли со съезда, в последний день его работы никак не могло остаться 12 делегатов от рабочих, о чем пишет Белаш⁴⁸. Согласно Волину, съезд покинуло всего 5-6 социалистов. Причем, они, вообще, делегатами не были, а присутствовали с правом совещательного голоса⁴⁹.

Еще большую путаницу вносит сравнение количества делегатов первого и последнего дня форума. По Волину, на съезде присутствовало более 200 делегатов⁵⁰. По Аршинову, — свыше 200 делегатов, из которых только 20 от рабочих⁵¹. По Кубанину, — на съезде до 300 человек⁵². То же подтверждает Белаш сроком на 28 октября, начало съезда⁵³. По Мирошевскому, — на съезде около 270 делегатов⁵⁴. Но махновская газета «Путь к свободе», на которую ссылается Белаш, утверждает, что в последний день работы съезда (2 ноября) на нем присутствовало более 200 делегатов⁵⁵.

Таким образом, наибольшее число делегатов, покинувших съезд вытекает из цифр Белаша (косвенно подтвержденных Мирошевским и Кубаниным). 300 в первый день съезда и 200, — в последний. Откуда можно заключить, что после изгнания со съезда умеренных социалистов, на нем осталось лишь 2/3 делегатов. Ушли ли 100 делегатов с эсдеками и эсерами или по какой-то другой причине, в этом случае, не важно.

Даже, если считать эту цифру завышенной, равно следует считать заниженными и цифры в 12-17 рабочих делегатов, оставшихся на съезде после ухода умеренных социалистов. Такие сомнения, к примеру, вызывает количество пролетарских представителей, которые, согласно Белашу, работали в составе ВРСовета «Александровского выбора», — 20 чел.⁵⁶ Из сопоставления этой, вполне заслуживающей доверия цифры с данными о 12-17 делегатах, оставшихся на съезде, вытекает, что все они были избраны в ВРС, плюс еще в среднем пятеро кооптированы позже. Или, в крайнем случае, можно исходить здесь из данных Аршинова о 20 рабочих делегатах, тогда все они и были избраны. Неплохая партия! Кто избирал их, совершенно незнакомые делегаты от крестьян и повстанцев? По какому принципу, только за то, что оставшиеся в качестве рабочих представителей поддержали позицию батьки? Такой подход представляется маловероятным. И цифра оставшихся делегатов-пролетариев в реальности может быть более высокой.

Все выше приведенные несоответствия дают достаточно оснований предполагать, куда больший драматизм конфликта на съезде, чем вытекает из приводимого авторами несущественного числа рабочих делегатов.

К тому же, оставшиеся делегаты съезда 2 ноября рассматривали некий протест представителей Совпрофа и части заводов, а также резолюцию конференции фабзавкомов города, касающийся изгнания с форума умеренных социалистов. Белаш указывает, что отдельная резолюция съезда по этому вопросу объявила данные документы содержащими неправду, а потому не заслуживающими ответа⁵⁷. Между тем, Кубанин указывал, что резолюцию конференции ФЗК подписали представители 18 (!) заводов⁵⁸.

В контексте выше приведенной арифметики, отдельная резолюция фактически нелегитимных для города остатков съезда нарочито игнорировала не просто протест Совпрофа и резолюцию конференции ФЗК, она отказывала в политическом диалоге двум главным пролетарским объединениям города. Кто бы ни находился в руководстве этими организациями, коль скоро их политические силы были легализованы в Вольном районе, у съезда не было никакого права игнорировать их мнение. Этот шаг практически загнал в тупик диалог с рабочими. Ведь на тот момент ни большевики, ни левые эсеры не имели влияния в объединениях городского пролетариата. По словам Белаша, большевистские ячейки в Безвластной трудовой федерации были настолько слабы, что их деятельность совершенно не замечалась, «а отдельные товарищи терялись в массе рабочего населения, идущего преимущественно за меньшевиками»⁵⁹.

Города традиционно являлись центрами политической жизни и основными площадками баталий между различными партиями. Уже на середину октября 1919 г. Белаш писал о влиянии партий на городской пролетариат в Безвластной трудовой федерации, что партии посредством своей печати и свободной трибуны, тянули рабочих в разные стороны. В результате, рабочие города, «как крыловский воз», не двигались с места⁶⁰. Опять же, набатовцы Культпросвета, — выходцы из разгромленных федераций Центральной России, — должны были объяснить махновцам всю сложность политической борьбы в городах, что конкуренция идей и цена победы в борьбе за симпатии городских масс чрезвычайно высоки. И коль скоро махновцы пошли по пути широких политических свобод, это подразумевало готовность к искусной политике, гибкости решений, в чем ни Махно, ни набатовцы Культпросвета не проявили себя должным образом.

Было ли виной тому головокружение от успехов разгрома деникин-ского тыла или переоценка готовности пролетариата к анархическим преобразованиям, но махновцы не нашли слов для начала диалога с умеренными социалистами. Диалога, который единственно имел перспективу становления ВСС в городах махновского района.

Конечно, с точки зрения анархизма, пролетариат показал свою несамостоятельность, неискушенность в вопросах самоорганизации и социализации производства. И это откладывало на перспективу создание Вольных Советов в городах федерации. Ведь последние мыслились в форме экономических организаций, как органы координации самоуправляющихся трудовых коллективов. Но обратим внимание на формулу махновской Декларации о том, что народ вправе слушать все советы и методы. Почему же в данном конкретном случае с меньшевиками и эсерами Культпросвет не последовал своей же декларации и не воспринял мнение рабочих представителей, пусть даже умеренных социалистов, как ту самую свободу выбора форм и методов? Почему не стал искать некие компромиссные пути, переходные конструкции?

Раз махновцы отвели себе роль помощников и советчиков, а не руководителей масс, реальная социализация производства требовала некоего переходного периода для обучения рабочих. Во время которого вынужденной мерой могло явиться даже сохранение организаторов производства в лице бывших директоров и предпринимателей (разумеется, под жестким рабочим контролем). По аналогии с тем, как махновцы вполне здраво оставили управлять Ектеринославом городскую управу до становления в городе Вольного Совета. В противном случае, производству грозил полный развал, а махновским комендантам — голодные бунты в городах. В таком контексте, городские Советы должны были пройти стадию Советов депутатов при системе свободных выборов и лишь после трансформироваться в органы экономической координации, — Вольные Советы.

Достаточно представить себе ситуацию длительного присутствия махновцев в городах района и сохранения ими курса на политические свободы, и становится ясно, что продвигать там Вольные Советы можно было лишь постепенно, путем сотрудничества с умеренными социалистами. Принципиальная возможность присутствия последних в высшем органе Безвластной трудовой федерации следует из упомянутой фразы Белаша. «Меньшевики, народники, правые эсеры и националистические партии отказались принимать участие в работах ВРСовета»⁶¹. Прояви батька сдержанность на съезде, с большой вероятностью можно полагать, что меньшевики и правые эсеры в качестве рабочих представителей вошли бы в состав ВРСовета.

Показательный прогноз в этом плане дает Кубанин. На конференции рабочих организаций, прошедшей в Екатеринославе 14 ноября 1919 г., делегаты отклонили предложение большевиков о воссоздании Совдепа. А меньшевики «протащили» резолюцию о создании некоего рабочего центра из представителей профсоюзов, кооперативов, партий и других организаций. В таком подходе Кубанин увидел перспективу антибольшевистского блока. По его замечанию, если убрать из списка партии, «то получим анархо-синдикалистскую резолюцию, под которой подписались бы анархо-махновцы»⁶². Здесь следует добавить, что и партии исключать незачем, — левые эсеры и большевики спокойно входили в махновский ВРСовет.

Но набатовцы Культпросвета не стали изобретать компромиссные органы переходного периода. Они пошли по пути немедленного анархизма, что привело к расколу с рабочими и фактическому поражению 4-го съезда в деле продвижения анархизма в Вольных городах. После масштабного конфликта на съезде трудно было надеяться на сотрудничество с профсоюзами.

К тому же, политические оппоненты махновцев едва не стали жертвами черного террора перед отступлением РПАУ/м из Александровска. Так 4 ноября Долженко доложил батьке, что меньшевики и правые эсеры ведут среди рабочих пропаганду против махновцев и за Деникина. Махно в сердцах решил расправиться с оппонентами перед отходом, — передал контрразведке 1-го Донецкого корпуса Повстармии список из 40 александровских «тузов», подлежащих ликвидации. Кроме крупной буржуазии в него попали и лидеры умеренных социалистов — народники, меньшевики и даже члены ЦК правых эсеров, в том числе и расколовшие 4-й съезд Мухин и Мартынов-Крылов.

Но руководители махновской обороны города обратились за санкцией к начштаба армии Белашу. Все 40 обреченных были пропущены через специальное заседание в контрразведке, которое не нашло оснований для их ликвидации. Как показательно вопрошал Белаш, за что было лишать их жизни, за то, что они «крупные буржуа и меньшевики, срывавшие начатки анархического коммунизма в «свободном городе»?». Такой, без преувеличений, гуманный подход махновцев разительно отличался от красного террора большевиков, в практике которого крупная буржуазия и политические оппоненты брались в заложники и, в случае неудач на фронте, безжалостно уничтожались. Белаш же мотивировал свой отказ от ликвидации тем, что это вызвало бы встречный белый террор против рабочих после занятия города деникинцами. В итоге,

все арестованные были освобождены под честное слово, что защитят рабочих от расправы денкинцев, и сами никогда не будут участвовать в белом движении⁶³.

Между тем, Культпросвет и лично Волин продолжали интенсивную работу в городах района, проводя по несколько деловых митингов, конференций и собраний ежедневно и одновременно в нескольких местах⁶⁴. Махновская пресса была переполнена попытками устыдить нерешительных рабочих. «От души посвящаю эти строки робким, трусливым и выжидающим», призывами к действию «Все ждут. Пусть другие сделают им... Нет, товарищи рабочие! Ждать вам нечего, надеяться не на кого, «освобождение рабочих — дело рук самих рабочих» — это старая и верная истина». На свой манер призывали простые повстанцы: «Надо, все-таки, раскачиваться помаленьку, товарищ бердянский обыватель, и ты, рабочий человек»⁶⁵.

Махновские ораторы произносили зажигательные речи, как, например, Долженко на большом митинге 14 ноября в Зимнем театре Екатеринослава. Он начал с критики городского пролетариата, который в пик народной революции стоит в сторонке и не хочет нанести последний удар. И заключил свою речь призывом: «Весь город с его богатствами социализирован, и ни армия, ни политические партии, ни власть, а вы, рабочие пролетарии, являетесь хозяевами новой свободной жизни в бесклассовом обществе. Стройте новое, без опеки политических партий!»⁶⁶.

Но никакой революционно-поэтический задор и энтузиазм не могли заменить практических навыков самоорганизации и производственного самоуправления коллективов, наработка которых требовала и времени, и переходных, промежуточных форм. Что, увы, лучше набатовцев Культпросвета понимали сами рабочие. К концу декабря 1919 г. и Белаш был вынужден констатировать, что дело организации «советского строя» в городах района так и не продвинулось. В борьбе за городские и профсоюзные массы ВРСоввет почти капитулировал перед меньшевиками, народниками и правыми эсерами. И идея Волина создать в городах района синдикальные союзы, которые и должны были объединиться в экономические Советы, потерпела неудачу.

Этому поражению способствовал и внутренний конфликт между фракциями «Набата». Вместо производственных корпораций, предлагаемых волинской фракцией анархо-синдикалистов, фракция анархо-коммунистов КАОУ стремилась организовать Советы городских коммун с функциями центрального экономического аппарата города. Но в итоге провалились оба проекта «город не видел ни совета, ни синдикалистских производственных союзов»⁶⁷.

Такая недоговоренность коммунистов с синдикалистами ослабляла авторитет анархистов в ВРСовете. В результате, рабочие представители начали вздыхать о былой городской думе, большевики указывали на большую эффективность Советской власти, левые эсеры и максималисты предлагали свои Союзы трудового крестьянства и т.д. Каждая фракция продвигала свои взгляды. Это окончательно подрывало работоспособность гражданской части ВРСовета, вызывало целую серию склок и интриг и полное недоверие со стороны его военной части. При отсутствии компромиссной политики ВРСовета в городах и минимальной поддержке повстанцев со стороны горожан, махновский порядок держался здесь на силе оружия. И Белаш вынужден признать, что «Политическую деятельность армия оставляла за собой, хотя и сознавала, что это неприкрытый военный абсолютизм, но временно, подобную меру допускала»⁶⁸.

Работу на местах все более перебирала на себя военная часть ВРСовета. В нем и так преобладали (42,5%) представители «военного анархизма». А паралич гражданской части ВРС тем более сделал их монополистами руководства. Тем более что весь район представлял собой прифронтную зону. И Волин на заседании ВРСовета 20 ноября жаловался, что постановления Совета никто не выполняет. Он просил Махно издать приказ по армии, чтобы все решения ВРСовета проводились в жизнь. Наконец, падение авторитета ВРС повлекло и сепаратистские тенденции. По распоряжению комкора 4 Павловского был создан отдельный от общearмейского, ВРСовет группы войск Крымского направления. ВРС Повстармии постановил расформировать свой крымский аналог, а делегатов от частей Крымской армии прислать в общearмейский Совет⁶⁹.

Как следствие этих дрязг, «Все города: Мариуполь, Бердянск, Ногайск, Мелитополь, Бреславль, Геническ, Кривой Рог, Верхнеднепровск, Екатеринослав, Кобыляки, Никополь, Александровск и Юзово почти одновременно занятые махновцами, жили без политической власти, в хаосе военного абсолютизма и бандитизма, быстро развивавшегося на почве экономического кризиса»⁷⁰.

Тем не менее, есть основания полагать, что под конец существования Безвластной трудовой федерации, набатовцы Культпросвета все же начали находить общий язык с умеренными социалистами. На заседании ВРСовета 28 ноября в Екатеринославе Волиным был поднят вопрос о созыве нового съезда всех освобожденных территорий. Заседание высказало необходимость согласовать с профсоюзами вопрос предсъездовской кампании

в городе⁷¹. Так как местный Совпроф тоже находился под контролем меньшевиков и эсеров, можно допустить, что набатовцы восприняли урок с поражением первого этапа социального строительства в городах. И, продолжая идейную критику меньшевизма, в практическом плане они уже были готовы координировать с эсдеками социальные вопросы. Другой признак сближения можно видеть в действиях одного из лидеров оппозиции 4-го съезда, — эсерки Боголюбовой. Она стала женой набатовца, члена ВРСовета и начштаба 1-го Донецкого корпуса Авраама Буданова и вела активную работу в махновской армии⁷². 30 ноября прошло заседание Совпрофа по вопросу о созыве съезда, который тогда же был назначен ВРСоветом на 25 декабря⁷³.

Все эти события разворачивались на фоне неухающей борьбы РПАУ/м с деникинцами.

Заняв с 20 сентября по 13 октября Курск, Воронеж и Орел, дивизии ВСЮР встали под Тулой, последним оплотом на пути к Москве. Совнарком начал подготовку к эвакуации, а коммунисты, — к уходу в подполье. Но еще Аршинов указал, что именно махновцы остановили деникинскую контрреволюцию. «Не будь уманского прорыва и последующего разгрома тыла, артиллерийской базы и всего снабжения деникинцев, последние, вероятно, вошли бы в Москву приблизительно в декабре 1919 г.»⁷⁴. И В. Литвинов отмечал, что уничтожение махновцами базы в Волновахе лишило ударную группировку ВСЮР ее главного преимущества в московском походе — огневой мощи⁷⁵.

Как следствие, белая ставка осознала невозможность решающего удара на севере, пока не будет подавлено махновское восстание на юге. И уже с 17 октября вокруг РПАУ/м стал создаваться Внутренний фронт, для которого Деникин был вынужден снять из-под Москвы лучшие кавалерийские части Шкуро. Причем, конницу пришлось снимать в решающий момент Орловской операции, что предрешило исход генерального сражения в пользу красных и спасло режим Совнаркома⁷⁶. 2-я Терская и 1-я Туземная дивизии спешно перебрасывались эшелонами в Украину. На помощь 4-й сводной дивизии белых, защищавшей Екатеринослав, спешил 3-й армейский корпус Я. Слащева. С Кавказа подтягивалась Кубанская пластунская дивизия. Наконец, все пополнения ВСЮР, идущие на московский фронт, перенаправляются на участок Мариуполь-Волноваха⁷⁷.

Начались тяжелые оборонительные бои махновцев, в массе своей необстрелянного крестьянского ополчения, против кадровых добровольческих дивизий. Под их напором с 20 октября Повстармия стала отступать. 23 октября наступление Шкуро со стороны

Полог заставило махновцев уйти из Бердянска⁷⁸. За следующие две недели повстанцам пришлось оставить Мариуполь, Цареконстантиновку, Волноваху, Гуляй-Поле, Перекоп и Александровск. Некоторые города по несколько раз переходили из рук в руки. В итоге, за махновцами остались только Екатеринослав, Никополь и Мелитополь.

И хоть в крупном сражении под Александровском повстанцы сбили наступательный порыв деникинцев, 9 ноября 2-й Азовский корпус РПАУ/м получил приказ о перенесении действий под Екатеринослав, в Харьковскую и Полтавскую губернии⁷⁹. Правда, за день до этого 3-й корпус ВСЮР ген. Слащева выбил махновцев и из Екатеринослава. Но уже 11 ноября повстанцы вернулись в город. Достаточно закрепившись на правом берегу Днепра от Екатеринослава до Никополя, Повстармия начала подготовку к перенесению операций на Полтавщину и Херсонщину. На 5 декабря было назначено общее махновское наступление по всему фронту.

Но Повстанческую армию стала косить жесточайшая эпидемия тифа, за декабрь нанеся РПАУ/м потери большие, чем вся борьба с ВСЮР, — свыше 30 тыс. чел.⁸⁰ По Волину, именно эпидемия стала основной причиной, по которой махновцы вторично оставили Екатеринослав под напором отступающих с севера деникинских войск⁸¹.

Так закончился второй период социального строительства в Вольном районе. Аршинов подытожил его уроки таким образом. Свободная созидательная работа в районе имела место лишь с конца 1918 по июнь 1919 гг. Фронт тогда стоял за 200-300 верст, а многомиллионное население 8-10 уездов было предоставлено самому себе. «Начиная с лета 1919 г., повстанческий район попал в такое положение, при котором революционное массовое строительство было абсолютно невозможно: словно гигантская, из штыков состоящая терка ходила по нему все это время вперед и назад, с севера на юг и обратно, стирая до основания всякий след массового социального строительства». Уже после Александровского съезда крестьяне разъезжались с решимостью выполнить его постановления. Но совсем скоро многие из мест, пославших делегатов на съезд, были снова захвачены отступающими с севера дивизиями ВСЮР. Таким образом, после Александровска «не только не удалось созвать следующие съезды, но не пришлось проводить в жизнь даже постановлений первого съезда»⁸².

Тем временем, вслед за отступающими деникинцами, с севера уже подходили дивизии РККА. Красные воспользовались тем, что Внутренний фронт оттянул на себя значительные силы ВСЮР (только в Александровской битве со стороны белых участвовало

более 30 тыс. штыков и сабель⁸³). И 14 октября Красная армия перешла в контрнаступление. После поражения белых в Орловской операции началось разложение их войск. Дивизии ВСЮР тремя группами стали стремительно отступать к границам Донской области, Крыму и Одессе. Как замечает Аршинов, красные шли за ними беспрепятственно на протяжении всего пути от Орла и Курска до берегов Черного и Азовского морей. Новый въезд большевиков на Украину произошел без сопротивления, так же, как после падения гетмана⁸⁴.

На 1 декабря РПАУ/м продолжала оттягивать на себя 50-тысячную группировку Деникина⁸⁵. Что, безусловно, помогло красным в то же время занять Сумы, 12 декабря — Харьков, 16 — Киев. После чего 14-я армия РККА получила приказ идти на Лозовую — Бердянск с целью отрезать деникинцев от Донецкого бассейна⁸⁶. А 4 января 1920 г. эта же армия получила другой, секретный приказ о поголовном разоружении населения и уничтожении банд Махно⁸⁷.

Между тем, на конец декабря 1919 г. эпидемия тифа и напор отступавших деникинцев вконец истощили РПАУ/м. На чрезвычайном совещании 30 декабря Махно характеризовал положение армии, как ужасное, как период «перегоновки» первых часов. Было принято решение в ночь на 31 декабря отступить в район Никополь — Кривого Рога, собрать и перегруппировать остатки армии для отпора белым. Позднее батька объяснял причины отступления катастрофической нехваткой сил. К примеру, во всем 1-ом Донецком корпусе осталось до 100 чел. пехоты и около 300 сабель! А старые повстанцы до 11 тыс. — все по лазаретам. Ни задержать противника, ни, тем более, наступать такими силами возможности не было⁸⁸.

Поэтому, когда 26 декабря Слащев оставил Екатеринослав и направился в Крым, он уже не мог встретить особого сопротивления повстанцев. Мало того, после долгой изматывающей борьбы город теперь был не нужен и махновцам, и неделю до подхода красных войск оставался ничьим⁸⁹. Преследуя Слащева, 2-й Азовский корпус махновцев 28 декабря вновь занял Александровск, куда 5 января 1920 г. вступили и передовые части 14-й армии РККА. В те же дни красные полки соприкоснулись с повстанцами и в Криворожском районе.

Встреча махновских полков с частями РККА и уход деникинцев из Вольного района рассматривались основной массой повстанцев, как сигнал к прекращению борьбы. Измученную непрерывными боями, тифом и голодом, Повстармию настигли усталость и апатия. Как вспоминал Белаш, «армия пошла по домам. Днем и,

особенно, ночью, по всем дорогам, группами и в одиночку, усталые и больные, с оружием и без него, расходились по домам махновцы». В результате, армия физически не могла оказать поддержку ВРСовету в его требовании от УССР независимости района и намерении закрепиться в Мариупольском, Бердянском, Мелитопольском, Александровском, Екатеринославском, Павлоградском и Бахмутском уездах⁹⁰.

Махновский Совет и штаб Повстанческой допустили роковую ошибку. Они не использовали традиционно партизанский маневр уклонения, а приняли лобовой удар отступающих дивизий ВСЮР и истратили в борьбе с ними последние силы. Махновцы помогли РККА добить обреченные остатки деникинских войск и, в то же время, обрекли себя встретить саму Красную армию жалкими остатками той могучей повстанческой силы, что была сформирована в пик федерации октября 1919 г. Для большевиков, понимавших только язык силы, это был не аргумент. Хотя, с другой стороны, махновцы защищали свое социальное творчество, — Безвластную трудовую федерацию. И трудно себе представить, как это повстанческие корпуса могли не принять боя и отступить, оставив на разграбление разложившейся деникинской армии свои окрепшие хозяйства, на погром свои Вольные Советы.

Тем не менее, ввиду решающей роли махновцев в разгроме ВСЮР, махновский штаб и Совет считали возможным подписание нового договора с Советской властью. Его политической частью должно было стать предоставление независимости Вольному району. Так и делегации 133-й бригады 14-й армии было заявлено, что Махно принадлежит вся территория от Гуляй-Поля до Симферополя⁹¹.

По словам Аршинова, и широкие трудовые массы Украины видели в махновцах единственных революционеров, уготовивших могилу деникинской контрреволюции. Эта колоссальная полугодовая борьба махновцев с деникинщиной на виду у широких масс должна была стать гарантией от новых провокаций возвращающихся с севера коммунистов. Махновцы надеялись, что и для РККА станет ясна вся клевета компартии в их отношении, и красноармейцы не поддадутся провокациям комиссаров, а начнут брататься с махновцами. Оптимизм повстанцев доходил до того, что часть из них считала невероятным, «чтобы, при создавшемся общемахновском уклоне масс, коммунистическая партия рискнула на новый заговор против свободного народа»⁹².

Между тем, 1919 г. завершил оформление структуры власти большевистского государства. Еще во второй половине 1918 г., из-за сопротивления Советов на местах большевистской политике жест-

кого централизма, Совнарком РСФСР отказался от попыток использовать структуру Советов в строительстве своего централизованного государства, задачей которого была быстрая реализация политики военного коммунизма. Как следствие, началась повсеместная подмена советских органов управления системой парткомов и комбедов, беспрекословно работающих по команде из центра⁹³. Партия сливалась с государством, которое претендовало на контроль всей экономической и общественной жизни.

Местные Советы подменялись парткомами, а последние, в свою очередь, всецело зависели от секретариата ЦК РКП/б, а точнее, от Свердлова. Вплоть до своей смерти в марте 1919 г. он фактически единолично ведал назначениями всего партийного, государственного и советского аппарата. Причем, Свердлов жестко контролировал все подобранные им кадры и, таким образом, стал основателем невиданной концентрации власти, которая не снилась царскому режиму и стала предтечей сталинизма. Благо, Свердлов не успел злоупотребить этим единовластием.

После его смерти ключевые посты центральной власти были раздроблены на коллегии. По решению VIII съезда РКП/б, с апреля 1919 г. власть ЦК была разделена между Политбюро и Оргбюро. Последнее стало наследником Свердлова по работе с кадрами. Но постепенно коллегиальность Оргбюро превратилось в фикцию, и основную часть решений перебрал на себя его секретарь Н. Крестинский. Он был жестким сторонником государственного централизма, ПВК и продовольственной диктатуры. Крестинский даже не видел необходимости сохранять декоративный демократический фасад советской системы и предлагал упразднение Советов в уездах и некоторых городах⁹⁴.

С этого времени термин «Советская власть» не означал уже ничего, кроме декорации для партийной диктатуры большевиков. И к концу 1919 г. в этой централизованной системе осталось мало чего, в прямом смысле слова, «советского», главным образом, некоторые местные Советы, где преобладали умеренные социалисты. Разумеется, такая государственная структура была строго антагонистична самой идее Вольных Советов, тем более, махновской независимости или даже автономии хлебных губерний юга Украины.

Линию поведения красных в отношении махновцев в конце 1919 г. раскрывает доклад члена бюро ЦК КП(б)У Я. Яковлева о советской власти на Украине, заслушанный 3 декабря VIII конференцией РКП/б. Вынужденно признав громадный размах повстанческого движения, он отметил, что в занятых повстанцами городах издаются анархические газеты, «проникнутые ненавистью к соци-

алистической «коммунии», к советскому государству». Поэтому, в процессе возвращения на Украину, необходимо нейтрализовать повстанчество, ликвидировать все банды и повстанческие организации, которые сегодня бьют Деникина, но завтра будут гораздо опаснее для самих большевиков.

И эту опасность Яковлев видел в угрозе разложения под действием повстанческой агитации частей РККА, которые сами еще недавно вышли «из партизанского состояния». Если в районах вступления РККА окажется повстанческая организация, которая откажется подчиниться красному командованию и прекратить свое существование, — «никакого чувства благодарности по отношению к ним быть не может. Здесь есть один путь, путь беспощадной, самой решительной ликвидации этих отрядов»⁹⁵.

С позиций удержания власти большевики обоснованно считали более опасной для себя не явную контрреволюцию деникинщины, а конкурентов по «революционной идее» и борьбе за симпатии масс — махновцев. Расчет был прост. Почувствовав возможность социального освобождения, трудящиеся не захотят вернуться к старому режиму. Значит, белогвардейщина будет рано или поздно раздавлена. Но если сейчас окончательно искоренить ослабевшую от боев и тифа махновщину, большевики станут монопольными держателями идеи революции, и массы, так или иначе, пойдут за ними.

И, напротив, представим себе ситуацию, что красные официально подтвердили возникший де-факто новый красно-махновский союз против Деникина. Что дальше? Герои разгрома белого тыла, махновцы, пользовались исключительным влиянием по всей Украине. А их претензии автономии распространялись на большую часть юго-востока УССР. Вот, добились бы еще в январе 1920 г. махновцы с красными Деникина, взяли бы Крым, — и наступил бы мир. Как потом, после отвода войск по гарнизонам, большевики смогли бы давить легальное и мирное анархическое строительство махновцев? Больше того, отводимые войска разнесли бы «махновскую заразу» по всем губерниям.

Яковлев справедливо боялся разложения РККА под действием махновской агитации, особенно в среде частей, — выходцев с Украины. Согласно политсводкам 14-й армии за январь 1920 г. в 45-й дивизии был раскрыт заговор красноармейцев по переходу в махновщину. 364-й полк 41-й дивизии отказывается воевать против махновцев. 366-й полк братался с махновцами, отказался драться с ними и участвовать в их разоружении⁹⁶.

Кроме того, до появления официальных решений центральной власти относительно Махно, вышедшие из подполья организации большевиков на местах признавали легальность анархических организаций. Так, Екатеринославский губком КП(б)У 8 января 1920 г. принял решение позволить издание газеты «Набат». Хотя это и приведет к усилению агитации анархистов против Советской власти, но принималась во внимание «нежелательность их ухода в подполье»⁹⁷. А вне подполья, они продолжали быть «бродилом», призывающим тружеников добиваться окончательного освобождения.

Позднее, в 1921 г. Аршинов выдвинул в качестве основной ошибки махновцев осени 1919 г. их решение не увлекаться военной стороной дела. Они предпочли сосредоточить все силы на «положительной работе», — социальным строительством в районе. Когда главной задачей движения было создание мощной армии, которая смогла бы защитить от большевистских войск всю освобожденную от Деникина территорию Украины⁹⁸.

Вместе с тем, поражение повстанцев стало прямым следствием ошибочной тактики махновского штаба по распространению своего влияния на максимальное пространство. Уже 3 января 1920 г. на общем собрании комсостава РАПУ/м разбирались причины отступления. И командир 13-го полка Лашкевич выступил с критикой решений штаба, по которым махновцы пытались завоевать побольше территории, что привело к распылению войск⁹⁹. То же прозвучало в словах Долженко 15 февраля в подполье, на Николаевских хуторах, во время разбора выжившими командирами причин поражения армии. По его мнению, кровопролитие при соприкосновении махновцев с РККА могла предотвратить лишь концентрация армейских корпусов, «представляющих военную силу, с которой красное командование должно было считаться и неизбежно подписало бы союзный договор, предоставив нам независимую территорию»¹⁰⁰.

В связи с потерей основной части армии, в начале 1920 г. ВРСовет и штаб Повстанческой не могли не понимать своей уязвимости перед лицом большевистской государственной машины. Выход они увидели в мобилизации широких масс трудящихся на защиту завоеваний Вольного советского строя. 7 января вышло Воззвание ВРСовета ко всем крестьянам и рабочим Украины. Первым делом оно напоминало, что РПАУ/м есть протест трудового народа не только против буржуазно-помещичьей власти, но и коммунистической диктатуры, и имеет целью борьбу за полное освобождение трудящихся от обеих властей. Далее Воззвание было выдержано в тоне документа победившей организации, полномочной устанавливать некие правила по всей Украине.

Так, оно указывало, что каждый крестьянин и рабочий не должны допускать контрреволюционных выступлений и бандитизма. Должны приниматься советские и украинские деньги. В то же время, Воззвание разрешало смертельные для большевизма свободную торговлю и обмен продуктами. Документ требовал своего массового распространения по Украине всеми доступными средствами связи и оглашение на всех крестьянских сходах, фабриках и заводах. А всех, препятствующих его распространению, Воззвание объявляло контрреволюционерами¹⁰¹.

Более пространный вариант Воззвания, приводимый А. Скирдой, выглядит еще враждебнее большевистской диктатуре. Конституируя освобождение Повстармией района за районом Украины, махновцы объявляли, что в них удаляется всякая насильственная власть. И далее, по пунктам. Отменяются все распоряжения деникинской власти и те коммунистической, что идут вразрез с интересами трудящихся. Все земли врагов трудящихся переходят в пользу крестьян, не эксплуатирующих чужого труда. Все средства промышленного производства становятся достоянием профессиональных объединений рабочих. Воззвание предлагало рабочим и крестьянским организациям приступить к созданию Вольных Советов, в которых нет места представителям политических организаций (беспартийные Советы). Запрет ЧК и ревкомов, как принудительных институтов, замена полиции самоохраной. И, напротив, объявлялось контрреволюцией ограничение свободы слова, печати, собраний и союзов¹⁰².

Без сомнения, Воззвание стало решительным вызовом большевизму в Украине. И зывало оно к гордому вольному труженнику, только сейчас победившему деникинщину. А таких в Украине начала 1920 г. было множество. По Аршинову, «большая часть Украины пылала в то время повстанием и психологически группировалась вокруг махновцев... Знамена махновщины поднимались по всей Украине. Не хватало необходимых организационных шагов, чтобы всю многочисленную, рассредоточенную в разных местах Украины боевую силу слить в одну мощную революционно-народную армию...»¹⁰³. Вопрос опять упирался в создание мощной боевой силы, как единственного аргумента, способного принудить большевиков к признанию независимости. Теперь уже всей Украины.

В такой ситуации, даже после тяжелых потерь от тифа и ВСЮР, даже в первые недели вступления войск РККА на Левобережье, повсеместный отклик на Воззвание был вполне реален. Еще сохранял свою численность и боеспособность 4-й Крымский корпус РПАУ/м (красные нападут на него 11 января). А недавно вли-

тые в РККА партизанские соединения из северных районов, типа полков Новомосковской группы Макеева, еще не прошли чистку и могли восстать в любую минуту.

И, значит, каждый день промедления с решением махновского вопроса грозил большевикам новой потерей Украины. Поэтому именно сейчас командованию РККА как воздух нужен был формальный повод для нового объявления Махно вне закона. Им стал приказ РВС 14-й армии о выступлении РПАУ/м на польский фронт, под Гомель, в распоряжение 12-й армии, который был вручен махновскому ВРСовету 8 января¹⁰⁴. Красным надо было изолировать Повстармию с ее воззваниями от притухшей в усталости, но в любую минуту готовой вспыхнуть заново Левобережной Украины. А под Гомелем, более чем в 100 км севернее Чернигова, население осталось бы глухим к подобным призывам. Между тем, приказ выдает и трусливую поспешность большевиков. На 8 января РПАУ/м не находилась даже в оперативном подчинении РККА. Формально на этот счет не было никаких распоряжений. Поэтому приказ РВС 14-й армии явился чистейшим произволом и даже по внутренней логике РККА не мог быть выполнен.

ВРСовет назвал приказ о переходе под Гомель неуместным и провокационным. Махновцы объясняли, что выступление физически невозможно, так как 50% бойцов, весь штаб и командующий армией больны тифом¹⁰⁵. Но, главное, уйти из района до легализации своих органов самоуправления путем подписания нового договора с большевиками, значило бы обречь все результаты анархического строительства на полное уничтожение. Этот вопрос вызвал жаркие споры в руководстве движения. По версии агента ЧК в махновщине М. Спектора, за сохранение армии путем выполнения приказа выступили Белаш, Василий Куриленко, Трофим Вдовиченко и даже секретарь «Набата» Мрачный. Против ухода под Гомель выступили Петр Петренко, Григорий Василевский, Николай Воробьев, Феодосий Щусь, Аршинов и сам Махно¹⁰⁶. В итоге, штаб и ВРСовет выдвинули большевикам контрпредложение: подписание военного договора, а в политическом приложении — предоставление независимости Екатеринославской и Таврической губерниям¹⁰⁷.

Но, как указано ранее, подписание политической части договора было на тот момент невозможно для большевиков в рамках уже сформировавшейся централизованной административно-командной системы государства. В ней даже «свои» не имели самостоятельности. Тут показателен пример с оппозиционным течением «демок-

ратического централизма» (децисты) в РКП/б. Оно было вызвано к жизни ущемлением власти на местах среднего звена красной бюрократии в лице руководства губкомов, горкомов и соответствующих советских органов. К концу 1919 г. движение децистов бурно расцвело и даже одержало ряд формальных побед.

Так на VIII конференции РКП/б в декабре 1919 г. лидер децистов Т. Сапронов выступил против самодержавия ЦК с платформой демократического централизма, которую поддержало большинство делегатов. Платформа предусматривала ограничение произвола центра и частичное возвращение власти на местах советским органам. Она же была поддержана и на 7-м Всероссийском съезде Советов. Но при сложившейся системе централизованного диктата ЦК все эти решения были спущены на тормозах¹⁰⁸. Если в рамках политики военного коммунизма среднее звено красных чиновников не могло добиться даже относительного самоуправления, надеяться на предоставление автономии ослабевшим оппонентам-анархистам было бессмысленно.

Это подтверждает и тактика большевиков в Украине в области социального строительства, обрисованная тем же Яковлевым. Он указал, что в районах крестьянского восстания РККА уже сталкивается с имеющимися Советами. И, по его мнению, необходимо «подготовить в ближайшее время перевыборы советов и прохождение в них тех элементов, которые нам нужны». Кроме того, Яковлев предполагал, что некоторые Советы окажутся «захвачены деникинскими элементами». Эти Советы он даже не надеялся заполучить путем перевыборов, а предлагал в деревнях заменять их ревкома¹⁰⁹, то есть никем не избираемым диктатом назначенцев. Запрета которых, кстати, требовало январское Воззвание РПАУ/м. Другими словами, один из главных функционеров КП(б)У предлагал снова действовать в Украине по технологиям узурпации власти, применявшимся большевиками в начале 1918 г. Причем, совершенно ясно, что в селах Левобережья в конце 1919 г. не могло быть никаких деникинских Советов. Прицел был на подмену ревкома¹⁰⁹ми свободно избранных махновских Советов.

Сознательную провокационность приказа о переходе под Гомель подтверждало и само красное командование. Командарм 14 Уборевич в разговоре с комдивом 45 Якиром прямо указывал, что красные делали ставку на неподчинение махновского штаба. По словам Уборевича, «этот приказ является известным политическим маневром и только; мы менее всего надеемся на

положительный результат в смысле его исполнения Махно»¹¹⁰. И, верх цинизма, не дожидаясь официального отказа РПАУ/м, на следующий день после приказа о переходе под Гомель, было опубликовано заранее заготовленное постановление Всеукраинского ревкома об объявлении Махно вне закона¹¹¹.

После выхода этого Постановления красные попытались обезглавить махновщину, захватив штаб и ВРСовет, располагавшиеся в Александровске. Но пока части 45-й и 41-й дивизий окружали город, центральные органы Повстармии под прикрытием кавалерии ушли из него¹¹². Ядро РПАУ/м двинулось на Гуляй-Поле, где 11 января состоялось общее собрание ВРСовета, штаба и комсостава. На нем было принято решение распустить старых повстанцев в месячный отпуск, формировать новые части и продолжать добиваться независимости Таврии и Екатеринославщины, как политического условия заключения военного союза с Советской властью. Но решение это выглядело уже чисто декларативным. Повстармия окончательно разбрелась по домам, члены ВРСовета и штаба, кто не попал в плен, скрылись в подполье, тифозного Махно повстанцы спрятали на дальних хуторах. По заключению Белаша, «махновщина, как военная сила, окончательно прекратила свое существование»¹¹³.

Покинули погибающую армию и набатовцы. Больного Волина еще 2 января в Кривом Роге арестовали чекисты, прочие работники Культпросвета успели разъехаться по городам¹¹⁴. По версии Спектора, набатовцы стали покидать армию на основании того, что Конфедерация на тот момент оставалась легальной организацией, а Махно был уже вне закона¹¹⁵. Легальность КАОУ этого периода косвенно подтверждает и Тепер. По его словам, «Набат» должен был перейти на нелегальное положение лишь после нового соглашения с Махно начала лета 1920 г.¹¹⁶

Тем временем, большевики останавливали преследование белых на пороге Крыма, который не был готов к обороне и мог быть захвачен с наскока, и поворачивали войска в Вольный район. Директива главного командования РККА от 06.01.1920 г. выделяла для наступательной операции на Крым преступно малую группу войск силами около одной пехотной и одной кавалерийской бригады¹¹⁷. А целые дивизии 13-й и 14-й армий бросались на махновцев. Последние очаги махновского сопротивления красные подавили 20 января в Новоспасовке, где был разгромлен штаб 2-го Азовского корпуса, и 25 января штурмом самого Гуляй-Поля, которое уже защищало лишь несколько сотен махновцев. Мало того, большевики хотели окончательно искоренить анархическое повстанче-

ство и зачистку после армейских дивизий довершали части карателей: ВЧК, ВНУС, ВОХР, ЧОН, продотряды. Шло массовое разоружение населения и расстрелы повстанческих командиров. Как вспоминал свое отчаяние Белаш, «Было жутко смотреть на эту кровавую картину и хотелось кричать: «Остановитесь, безрассудные! Махновцы с вами!»»¹¹⁸.

Насчет безрассудности красных начштаба Повстанческой был неправ и наивен. Действия РККА подчинялись безжалостной логике военного коммунизма и были последовательны в контексте предыдущего поведения ленинских функционеров в отношении махновщины. Возмущаться таким поведением значило до конца не понимать, с кем махновцы имели дело, не отдавать себе отчета, что это обычное поведение большевистского режима: лицемерие, подлость, вероломство.

Характерный пример весны 1919 г., когда махновцы опубликовали в своей газете письмо Шкуро с предложением союза и сопроводили его насмешками. А большевики перепечатали это письмо, как перехваченную тайную переписку, которая доказывала сговор батьки с белыми¹¹⁹. Или как в мае того же года большевики подкупили махновского комполка Падалку, который должен был напасть на Гуляй-Поле и захватить штаб Махно. В то же время Наркомат продовольствия боялся сунуться в Вольный район своими продотрядами, терроризировавшими крестьян других губерний. Всесильный орган продовольственной диктатуры смиренно заключил договор со штабом Махно на право закупки там продовольствия¹²⁰. А когда начался мятеж Григорьева, большевики испугались возможного присоединения к нему махновцев. И Каменев стал взывать к революционной чести Махно, Аршинова, Веретельникова¹²¹.

Сам батька указывал на это патологическое вероломство и лицемерие красных. Так 8 июня 1919 г., в своем отказе от должности начдива он отмечал, что командование РККА продолжало репрессии против махновской дивизии, «несмотря на глупобокотоварищеские встречи и прощания со мной ответственных представителей Советской республики»¹²². Воистину, оголтелый материализм. Ни чести, ни стыда, ни совести... Можно ли было победить такого монстра махновским донкихотством? Нет. Надо было отдавать себе отчет, с каким подлым животным приходится иметь дело, и платить примерно той же монетой. Не опускаться, конечно, до его уровня, но и не играть в наивное и уязвимое благородство. Представляется, что в начале 1920 г., со второй попытки урок этот махновцы, наконец, выучили.

- ¹ Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.168
- ² Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.312
- ³ Герасименко Н.В. Батько Махно. Мемуары белогвардейца. М. 1990., с.65-66
- ⁴ Герасименко. с.67
- ⁵ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.318
- ⁶ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.214-215, 217
- ⁷ Волин. Неизвестная революция 1917 — 1921. м. 2005., с.458
- ⁸ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.317-318
- ⁹ Нестор Иванович Махно. Воспоминания, материалы и документы. Киев. 1991., с.78-79
- ¹⁰ Нестор Иванович Махно. с.83
- ¹¹ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.212
- ¹² Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.99
- ¹³ Волин. Неизвестная революция 1917 — 1921. м. 2005., с.460
- ¹⁴ Мирошевский В. Вольный Екатеринослав // Пролетарская революция № 9. 1922., с.198
- ¹⁵ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.288-290
- ¹⁶ Нестор Махно. с.290
- ¹⁷ Нестор Махно. с.291
- ¹⁸ Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. М. 2008., с.27-28
- ¹⁹ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.313, 320, 352
- ²⁰ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.247
- ²¹ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.317
- ²² Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.289
- ²³ Нестор Иванович Махно. Воспоминания, материалы и документы. Киев. 1991., с.83
- ²⁴ Нестор Иванович Махно. с.79
- ²⁵ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.318-319
- ²⁶ Белаш. с.318
- ²⁷ Волин. Неизвестная революция 1917 — 1921. м. 2005., с.461
- ²⁸ Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.99
- ²⁹ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.210-211
- ³⁰ Нестор Махно. с.231-235
- ³¹ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.321
- ³² Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.231-235

- ³³ Тепер И. Махно. От «единого анархизма» к стопам румынского короля. Харьков. 1924., с.14, 54
- ³⁴ Махно Н.И. На чужбине 1923 — 1934 гг. Записки и статьи. Париж. 2004., с.64-65
- ³⁵ Тепер И. Махно. От «единого анархизма» к стопам румынского короля. Харьков. 1924., с.39
- ³⁶ Нестор Иванович Махно. Воспоминания, материалы и документы. Киев. 1991., с.156-159
- ³⁷ Нестор Иванович Махно. с.160
- ³⁸ Нестор Иванович Махно. с.160
- ³⁹ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.352
- ⁴⁰ Белаш. с.327, 352
- ⁴¹ Белаш. с.320-321
- ⁴² Коневец (Гришута) 1919 г. в Екатеринославе и Александровске // Летопись революции № 4 (13). Харьков. 1925., с.82
- ⁴³ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.321
- ⁴⁴ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.229
- ⁴⁵ Кубанин М. Махновщина. Л. 1927., с.104-105
- ⁴⁶ Коневец (Гришута) 1919 г. в Екатеринославе и Александровске // Летопись революции № 4 (13). Харьков. 1925., с.81-82
- ⁴⁷ Кубанин М. Махновщина. Л. 1927., с.92
- ⁴⁸ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.322
- ⁴⁹ Волин. Незвестная революция 1917 — 1921. м. 2005., с.465
- ⁵⁰ Волин. с.464
- ⁵¹ Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.99
- ⁵² Кубанин М. Махновщина. Л. 1927., с.92
- ⁵³ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.320
- ⁵⁴ Мирошевский В. Вольный Екатеринослав // Пролетарская революция 1922, № 9., с.202
- ⁵⁵ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.322
- ⁵⁶ Белаш. с.352
- ⁵⁷ Белаш. с.321-322
- ⁵⁸ Кубанин М. Махновщина. Л. 1927., с.105
- ⁵⁹ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.352
- ⁶⁰ Белаш. с.320
- ⁶¹ Белаш. с.352
- ⁶² Кубанин М. Махновщина. Л. 1927., с.102-103
- ⁶³ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.330-332
- ⁶⁴ Белаш. с.356
- ⁶⁵ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.218, 221-222
- ⁶⁶ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.355
- ⁶⁷ Белаш. с.353

- ⁶⁸ Белаш. с.353
- ⁶⁹ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.279, 285
- ⁷⁰ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.353
- ⁷¹ Белаш. с.358
- ⁷² Коневец (Гришута) 1919 г. в Екатеринославе и Александровске // Летопись революции № 4 (13). Харьков. 1925., с.82
- ⁷³ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.360
- ⁷⁴ Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.98
- ⁷⁵ Литвинов В. О четвертом (октябрь 1920 года) военно-политическом соглашении между Революционно-повстанческой армией (махновцев) и коммунистическим правительством РСФСР // International Review of Social History 32, 1987, с.320
- ⁷⁶ Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война 1918-1921. СПб. 2002., с.329
- ⁷⁷ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.328
- ⁷⁸ Коневец (Гришута) 1919 г. в Екатеринославе и Александровске // Летопись революции № 4 (13). Харьков. 1925., с.83
- ⁷⁹ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.255
- ⁸⁰ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.341-342
- ⁸¹ Волин. Неизвестная революция 1917 — 1921. м. 2005., с.476
- ⁸² Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.100-101, 105, 161
- ⁸³ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.332
- ⁸⁴ Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.98
- ⁸⁵ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.341
- ⁸⁶ Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война 1918-1921. СПб. 2002., с.341
- ⁸⁷ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.370
- ⁸⁸ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.295, 297-298
- ⁸⁹ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.370
- ⁹⁰ Белаш. с.372
- ⁹¹ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.769
- ⁹² Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.104
- ⁹³ Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М. 1997., с.166
- ⁹⁴ Павлюченков. с.168, 170-171
- ⁹⁵ Восьмая конференция РКП(б). М. 1934., с.79
- ⁹⁶ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.303

- ⁹⁷ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.373
- ⁹⁸ Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.104-105
- ⁹⁹ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.298
- ¹⁰⁰ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.383
- ¹⁰¹ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.323
- ¹⁰² Скирда А. Нестор Махно. Казак свободы. Париж. 2001., с.143-144 // здесь и далее страницы указаны по <http://www.makhno.ru/lit/book4.php>
- ¹⁰³ Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.106
- ¹⁰⁴ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.373
- ¹⁰⁵ Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.107
- ¹⁰⁶ Спектор М. Коротеев Н. В логове Махно // Подвиг. т.5. М. 1969., с.286. Правда, к свидетельствам Спектора следует относиться с осторожностью, так как, к примеру, Куриленко с сентября 1919 г. по апрель 1920 г. служил в РККА и в данном заседании принимать участие не мог.
- ¹⁰⁷ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.372
- ¹⁰⁸ Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М. 1997., с.186-187
- ¹⁰⁹ Восьмая конференция РКП(б). М. 1934., с.80
- ¹¹⁰ Нестор Иванович Махно. Воспоминания, материалы и документы. Киев. 1991., с.96
- ¹¹¹ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.301
- ¹¹² Нестор Махно. с.771
- ¹¹³ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.375-376
- ¹¹⁴ Тепер И. Махно. От «единого анархизма» к стопам румынского короля. Харьков. 1924., с.66
- ¹¹⁵ Спектор М. Коротеев Н. В логове Махно // Подвиг. т.5. М. 1969., с.289
- ¹¹⁶ Тепер И. Махно. От «единого анархизма» к стопам румынского короля. Харьков. 1924., с.74
- ¹¹⁷ Директивы Главного командования Красной армии (1917 — 1920). М. 1969., с.495
- ¹¹⁸ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.376, 382
- ¹¹⁹ Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.71
- ¹²⁰ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.157
- ¹²¹ Белаш, с.182
- ¹²² Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.170

СОПРОТИВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛА

В начале февраля 1920 г. Махно оправился от тифа и возобновил борьбу против большевиков с самоубийственно малым отрядом в несколько десятков старых командиров и бойцов его личной охраны. Но движение выдохлось, крестьяне устали воевать. Отчаяние этих дней показывают скупые строки дневника начальника полевой контрразведки Повстармии Голика. 8 февраля. Гуляй-Поле. «Проклятые гуляйпольцы не хотят воевать, опасаются за семьи»... 22 февраля. Успеновка. «Днем провели митинг, но махновцы не вступали в отряд, и было видно, что от нас прячутся»... 25 февраля. Митинг в греческой колонии Большая Янисоль. «Греки не хотят воевать »... 27 февраля. Известия об арестах в Гуляй-Поле. Махно торжествует. «А, стервецы, не хотели воевать, так и на выручку не пойдём. Пусть сволочей расстреливают »...

С начала марта батька от отчаяния запил, объезжал дома повстанцев, ругал их матерно, встречая на улице, избивал их плеткой. Но крестьяне на митинги все равно не являлись. Со второй половины марта озлобленный отряд батьки начал расстреливать бывших махновцев, которые отказались уходить с ними. Тем более, казнили тех из них, кто стал милиционером и создавал комбед. И, конечно, уничтожали комиссаров, продагентов, карателей, попадавших в селах¹.

Но, кроме непримиримого отряда Махно, мало кто верил в возрождение армии, возобновление борьбы за Вольные Советы. Всеобщий развал коснулся даже сплоченного прежде Гуляйпольского союза анархистов, — идейного ядра РПАУ/м. Так, Уралов вместе с бердянской группой анархистов выпустили воззвание, осуждавшее батьку за выступление против компартии². Скатилась на позиции примирения с Советской властью и новоспасовская группа ГСА. Показательно в этом смысле упомянутое подпольное заседание ее выживших членов, махновских командиров, состоявшееся 15 февраля 1920 г. на Николаевских хуторах.

Новоспасовцы еще терялись в догадках, почему красные добились Повстармию, спасшую Москву от денкинского нашествия. Было даже высказано предположение, что РПАУ/м пала жертвой прово-

кации со стороны военспецов, — белогвардейских агентов в РККА. Начштаба 2-го Азовского корпуса Миронов высказал мнение, что 3-ю анархическую революцию будет развить тем легче, чем больше махновцев поступит на советскую службу. Долженко выступил против вхождения «во властнические организации с целью взорвать их изнутри». Но, с другой стороны, он высказался за полное примирение с большевиками и организацию свободных коммун в советских условиях. «Пусть даже эти коммуны будут нести обычное бремя государственных налогов, подчиняться власти». Позицию Долженко подтверждало большинство собравшихся³.

Однако большевистские репрессии не утихали, и новоспасовская группа просидела в подполье до начала мая 1920 г. Правда, уже в конце апреля в Новоспасовке начал формироваться махновский полк. А на Первомай в Бердянске были расклеены листовки за подписью «Группы анархистов Бердянского района»⁴. Но до прихода в их места отряда Махно группа не предпринимала активных действий. Батька обвинил новоспасовцев в желании перейти на сторону красных, а гуляйпольская группа ГСА подозревала их в измене анархической революции. Однако, разгром некогда могучей РПАУ/м был столь основательным, что и самому батьке удалось к тому времени собрать в единый армейский кулак лишь 1200 бойцов. К тому же вновь объединенные силы гуляйпольцев и новоспасовцев были полностью разбиты 14 мая частями 1-й Конармии. После чего с батькой осталось 150 сабель, и все пришлось начинать сначала⁵.

Между тем, с начала 1920 г., в результате разгрома армий Колчака и Деникина, для режима Совнаркома начался период, названный в позднейшей советской историографии «мирной передышкой» в ходе Гражданской войны. Сами же ленинцы самонадеянно считали войну законченной. Следовательно, исчезла необходимость соотносить свои планы рывка в коммунизм с интересами различных слоев города и села. Свою стратегическую победу большевики восприняли как повод к дальнейшему развитию политики военного коммунизма, переносу ее центра тяжести в область мирного строительства, то есть, к окончательному подавлению частной собственности и рыночных отношений, переходу к тотальному огосударствлению производства и продовольственного обеспечения. Поднять разрушенную войной экономику и одновременно перестроить ее на социалистический лад была призвана всеобщая милитаризованная трудовая повинность.

Еще 27 декабря 1919 г. при Совнаркоме РСФСР была создана специальная комиссия Троцкого, призванная наметить пути тру-

довой мобилизации, милитаризации хозяйства и привлечения к его восстановлению воинских частей. Обнародованием ее планов стала публикация в «Правде» от 22.01.1920 г. тезисов ЦК РКП/б. Оновным рычагом для поднятия экономики они признавали организацию и целесообразное использование живой рабсилы. Немногочисленность пролетариата требовала привлечения к промышленности и транспорту необученной крестьянской рабсилы «в несравненно большем количестве, чем когда бы то ни было раньше». А упадок машинного оборудования требовал «чрезвычайно увеличенного применения живой, преимущественно необученной, рабочей силы»⁶. В переводе на нормальный язык это означало сверхэксплуатацию фактически рабского труда мобилизованных крестьян.

Согласно тезисам, в рамках общехозяйственного плана, переход к всеобщей трудовой повинности давал точное определение места каждого трудящегося в экономике страны. Что фактически означало закрепощение работника за государством, с правом переброски его в те отрасли хозяйства, которые власть поднимает в первую очередь. Как это возможно? Тезисы указывали, что переход к планомерно организованному общественному труду немислим без принуждения со стороны государства, которое выражается в милитаризации труда и хозяйства⁷. Последняя означала создание трудовой организации по военному типу, включая дисциплину и наказания по законам военного времени. На 3-м Всероссийском съезде профсоюзов в апреле 1920 г. автор тезисов Троцкий уточнял: «Мы идем к труду общественно-нормативному на основе хозяйственного плана, обязательного для всей страны, то есть принудительно нормативного для каждого работника. Это — основа социализма»⁸.

В начале апреля 1920 г. IX съезд РКП/б одобрил эти тезисы, а также ввел понятие «трудового дезертирства», наказанием за которое были штрафные рабочие команды и заключение в концлагерь⁹. А в октябре эта тема для Украины получила свое системное развитие в постановлении Совнаркома УССР «О лагерях принудительных работ». Согласно ему губернские ЧК по всей республике должны были организовать целую сеть лагерей. Для руководства ими создавалось Центральное управление лагерей¹⁰, — предтеча главного символа рабского труда в СССР, — ГУЛАГа.

Один из главных способов милитаризации экономики и перехода к всеобщей трудовой повинности тезисы видели в создании трудовых армий. Это были воинские соединения, которые после окончания боевых действий не подлежали демобилизации, а на-

правлялись на «трудовой фронт». Причем, применение трудармий предполагалось не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Например, трудармейским частям собирались поручать полный цикл полевых работ по сахарной свекле, а также использовать их в области мелиорации¹¹. Без сомнений, в случае успеха этих экспериментов, милитаризованный труд мог захватить не только промышленность, но и все сельское хозяйство. Тем более что абсолютное число красноармейцев, — выходцы из крестьян. Это означало бы полную конфискацию земли у крестьянства и всеобщую мобилизацию его в трудармии.

Но это в перспективе, а в начале 1920 г. большевики Украины учли свое прошлогоднее фиаско с повсеместным созданием совхозов. Весной 1919 г. принудительно обобществленный труд привел к падению производства и срыву продразверстки. Теперь Советская власть увидела единственный способ получения достаточных объемов продовольствия во временном переделе большей части земли между крестьянами. Новый земельный закон был утвержден Всеукраинским ревкомом 5 февраля. Что обеспечило Советской власти определенную поддержку на селе в первые месяцы 1920 г. Но по логике этого закона в контексте ПВК у государства не осталось других возможностей получения хлеба, кроме ужесточения продразверстки¹².

Уже 21 января 1920 г. из войск Юго-Западного фронта была создана Украинская трудовая армия. Согласно положению о ее Совете (Укрсовтрударме), в задачи армии входило «максимальное усиление добычи продовольствия, топлива, сырья, установление трудовой дисциплины в предприятиях, снабжение предприятий рабочей силой...»¹³. Таким образом, ее главным делом было обеспечение продразверстки, второй задачей, — охрана принудительного труда (функции надсмотрщиков), и лишь в последнюю очередь, — восстановление промышленности. Главным образом, железных дорог и Донбасса. И, действительно, тезисы Троцкого указывали, что при всех хозяйственных планах и трудовых мобилизациях, основной задачей должно ставиться сосредоточение в руках государства продовольственного фонда. В таких объемах, чтобы обеспечить пролетариат, госслужащих и мобилизованных крестьян в течение года¹⁴.

Руководителем Укрсовтрударма был назначен Сталин. Подготовленный им декрет о хлебной разверстке на 1920 г. был принят Совнаркомом УССР 26 февраля. Разверстка была утверждена в объеме 160 млн. пудов, основную массу которых должны были дать южные губернии — Херсонская (47), Екатеринославская (38)

и Одесская (17). Причем, уже к середине марта планировалось изъять 30% хлеба, к концу апреля — еще 25%, до конца июня — еще 30% и закончить разверстку к концу полугодия¹⁵. Таким образом, уже весной большевики собирались выкачать из украинского села свыше 100 млн. пудов хлеба. Кроме того, продразверстка была максимально расширена и охватила теперь всю продукцию сельскохозяйственного производства.

Учитывая последнее полугодие ожесточенной войны, фронт два раза прокатившийся по стране и кормивший за счет крестьянства белые и красные армии, а также повсеместное крестьянское восстание, — можно себе представить, насколько невыполнимы были эти требования к разоренному украинскому селу. И какой террор вызывало их исполнение со стороны большевистских продорганов, усиленных всей мощью карательного аппарата и армейских частей.

Если в первый период присутствия Советской власти в Вольном районе весной 1919 г. крестьяне находились под защитой бригады Махно, Наркомпрод заключал договоры с ее штабом, а каратели и части РККА не могли хозяйничать на селе, то теперь на него впервые навалилась вся мощь репрессивной машины военного коммунизма. На 1 марта в Украинской трудовой армии состояло 6445 чел., на 1 апреля — 16855, и свыше 20 тыс. на 1 июня¹⁶. Кроме того, в марте 42-я дивизия была временно перебросена на добычу хлеба и угля¹⁷. И 17 апреля Покровский волостной ревком свидетельствовал, что «Проходящими войсками 42-й дивизии делались в селе большие бесчинства, грабежи и побои крестьян»¹⁸. В махновском же районе разверстка налагалась на карательные методы искоренения повстанчества, что лишало ограбленных крестьян всякого снисхождения.

Большинство частей относилось к населению крайне сурово, и малейшее невыполнение своих требований выставляло, как махновщину. Под предлогом арестов и обысков «махновцев» красноармейцы безнаказанно избивали и грабили крестьян. Проходящие части реквизировали продукты, оставляя счета к оплате. Можно только представить, как она производилась. Воинские части проводили мобилизации рабочего скота, то есть его конфискации у населения. Реквизировалось и другое имущество, вплоть до перин и подушек. Кроме продразверстки некоторые населенные пункты дополнительно разорялись постоем воинских частей. Так в махновском с. Пологи постоянно находилось 1-3 полка. И председатель волостного ревкома просил не только освободить его от продразверстки, но и помочь продовольствием¹⁹.

Для определения возможностей мобилизации в уездах работали учетные комиссии, которые описывали скот и инвентарь. Параллельно военные комиссариаты производили учет населения для передачи в мобилизационные комиссии. Начались инциденты с трудовой мобилизацией. Так 28 марта крестьян с. Пологи якобы мобилизовали на работы, потом их объявили арестованными, 30 первых попавшихся без разбору расстреляли, а большую часть угнали куда-то на север от Александровска²⁰.

По Аршинову, приход красных частей в любое село неизменно сопровождался захватом крестьян, которых потом расстреливали как махновцев или как заложников. Особо отличились этим позорным способом борьбы с махновщиной части 42-й и 46-й дивизий²¹. Вводилось осадное положение в селах, недоброжелательно настроенных к красноармейцам. Как указывало апрельское воззвание штаба РПАУ/м: «Всюду расстрелы, сжигания крестьянских хат и даже сел, всюду грабежи и насилия»²². По данным Аршинова, за время этого террора в Украине было расстреляно и искалечено до 200 тыс. крестьян и рабочих, и столько же сослано в дальние губернии России и Сибири²³.

Другим способом сломить сопротивление украинского села стала организация комитетов незаможных селян (камнезамов, КНС), — аналога российских комбедов. Декрет о создании КНС вышел в апреле 1920 г. Они были наделены правом осуществлять аграрную реформу, проводить продразверстку, но, главное, определять назначенную для раздачи на месте часть хлеба, полученного от продразверстки. Так как в местных Советах сохранялся прошлый состав депутатов, и никакими перевыборами эту ситуацию нельзя было изменить кардинально, камнезамам передавалась часть функций Советов и контроль над представительскими органами села. Правда, создание КНС столкнулось с проблемой — отсутствием необходимого количества сельской бедноты. Прошедший на селе уравнительный передел земли существенно сократил процент беднейшего крестьянства²⁴. Поэтому для заполнения КНС часто набирался всякий сброд, деклассированный элемент, видевший в камнезамах источник поживы, узаконенный способ грабежа.

Наконец, к грабежу официальной продразверстки добавлялись самочинные реквизиции продотрядов от губкомов, ревкомов, профсоюзов из ближайших городов. Хлеб выкачивали дочиста, не оставляли даже семенного фонда, выкачивали любую сельхозпродукцию, все, что можно съесть!²⁵ Как отмечал Белаш в своей мартовской листовке, — большевики видят в трудовом народе только «человеческий материал» и пушечное мясо²⁶. Так и проводилась

политика военного коммунизма: забить, запугать, подавить волю к сопротивлению, ограбить дочиста, лишить человека иных источников существования, кроме государственного пайка. И, тем самым, превратить его в податливый материал для строительства своего жестокого бесчеловечного идеала абсолютной власти...

Материал сопротивлялся. Для сохранения своей социальной организации махновцы и сочувствующие им крестьяне часто входили в состав волостных исполкомов, что чекисты называли «фиктивной Советской властью»²⁷. Неоднократно отмечалось нахождение махновцев на службе в уездной милиции. В апреле 1920 г. Особый отдел Юго-Западного фронта докладывал, что через осведомителей он выясняет нахождение в местных органах власти подобных элементов. В Бердянском уезде большинство местных коммунистов находилось в тесной связи с анархистами. Они хлопотали за арестованного Уралова, а при подходе отрядов Махно ездили к видным анархистам, чтобы заручиться своим помилованием в рамках взаимовыручки²⁸.

Уже в феврале листовка штаба РПАУ/м призывала село к созыву тайных крестьянских съездов и организации тайных боевых единиц²⁹. Выкуренные из своих нор красным террором, стали подниматься старые махновские командиры со своими односельчанами. И в мартовском обращении к крестьянам Новоспасовки Белаша уже мечтал о разрастании РПАУ/м во Всемирную Повстанческую армию³⁰. Но реальное возрождение махновского движения началось только в мае 1920 г., после заключения нового союза между гуляйпольской и новоспасовской группами анархистов. Тогда был создан новый руководящий орган махновщины, — Совета Революционных Повстанцев Украины (махновцев), и началось воссоздание Повстармии в форме Особой группы войск СРПУ/м. В ответ на красный террор крестьяне снова пошли к батьке. «В каждом уезде крестьянские группы, недовольные продрозверсткой, земельным законом, гонениями, смутной перспективой, обсеявшись, начали организовывать новые отряды, которые вливались в нашу армию», — вспоминал Белаш³¹.

Вместе с тем, в махновском районе КНС не приживались дальше узловых центров. В глубинке боялись создавать органы Советской власти, опасаясь повстанцев. Но повстанцы эти были не пришлые, а те же местные крестьяне, вооружившиеся, чтобы сопротивляться большевистскому стравливанию села. Камнезамы не работали и потому, что местные крестьяне шли в них, чтобы улучшить свое материальное положение. А, улучшив, такой камнезаможник становился середняком-собственником, а не сторон-

ником общественного землепользования. И в глазах Советской власти он переходил в разряд кулаков. Середняки неоднократно обманывались в надежде поправить через комбеды свое материальное положение, потеряли веру к советской администрации, которая только карала, запрещала и приказывала. В итоге, Белаш вспоминал, что «комбеды большей частью переходили на нашу сторону»³².

Соппротивление крестьян вызвало ужесточение репрессий. В докладе представителя денкинского генштаба полковника Нога от 12 марта указывалось, что из-за восстания в красном тылу крестьян во главе с Махно, белые почти потеряли контакт с противником. Красные войска ушли от Перекопа на север³³. В мае Кремль посчитал положение настолько опасным, что для борьбы с «бандитизмом» на Украине назначил начальником тыла Юго-западного фронта председателя ВЧК Дзержинского. Семьи махновцев отправляли в концлагеря, села, заподозренные в помощи повстанцам, расстреливали из орудий. Красные каратели начали поголовное уничтожение пленных махновцев, чего не было в 1919 г. Пиком этого террора стало преступление Чаплинской группы ВОХР, которая 13 июля немедленно расстреляла 2 тыс. попавших в плен повстанцев³⁴.

Ответом стал всплеск черного террора махновцев, к которому нередко подключалось и местное население. Например, 16 марта в с. Андриановка махновцами была взята в плен 3-я рота 22-го карательного полка. И расправлялись с карателями в основном крестьяне: избивали палками, кололи вилами, расстреливали³⁵. Во время летних рейдов крестьяне не только выдавали повстанцам коммунистов, они убивали их даже больше, чем махновцы и последним даже иногда приходилось вступаться в защиту членов компартии³⁶.

Маховик взаимного террора набирал обороты и достиг апогея в период летних рейдов Повстармии. Пиком стал второй рейд по Екатеринославской, Харьковской и Полтавской губерниям с целенаправленным разрушением государственного аппарата УССР, поголовным истреблением чекистов, милиции, карателей, председателей ревкомов и комбедов, сотрудников Наркомпрода и бойцов продотрядов. Ожесточению поддавался даже последовательный сторонник союза с красными, — Белаш. Его предписание по штабу армии от 18 июля объявляет ближайшей задачей занятие г. Изюма, «с расчетом не выпустить даже одного комиссара»³⁷. Пленные командиры и комиссары неизменно уничтожались. Их расстреливали, а то и демонстративно рубали саблями перед строем пленных красноармейцев³⁸. Параллельно шло уничтожение

инфраструктуры государства. Махновцы рвали телефонное и телеграфное сообщение, разбирали железнодорожное полотно, взрывали мосты, громили эшелоны³⁹.

Насилия со всех сторон Гражданской войны было предостаточно, и махновцы иногда выделялись особой жестокостью, но больше, — в трудах советских историков. Тем не менее, целью движения оставалось создание «Советского Свободного безнасильственного строя»⁴⁰. Как это в них сочеталось? Аршинов указывал, что махновцы понимали, с кем воюют, — не с красноармейцами, а с кучкой господ, их направляющих. После победы в бою они относились к солдатской массе РККА по-товарищески, но уничтожали армейскую верхушку и партийную аристократию, которую считали «единственными и настоящими виновниками всех ужасов, которые власть творила в районе»⁴¹. Другими словами, принцип был прост: чтобы построить безнасильственный строй, надо уничтожить главных насильников.

Менее чем через месяц после разгрома отряда Махно буденновцами, уже к 8 июня Повстанческая армия выросла до 5 тыс. штыков и тысячи сабель. Тогда же на знаковом заседании комсостава в Большой Михайловке обсуждался вопрос дальнейшего существования движения. Собрание приняло то самое решение о создании новой мощной армии, «которая сможет поставить большевиков в такое положение, при котором они вынуждены будут признать за махновцами независимость Гуляйпольского района и свободную трибуну для пропаганды идей»⁴².

Между тем, еще в середине февраля 1920 г. по результатам работы «Набата» в махновском движении была созвана конференция КАОУ с целью анализа накопившегося опыта. Согласно Теперу, часть местных ячеек Конфедерации за время работы в деникинском подполье сблизилась с большевиками и даже перешла в их ряды. Поэтому на конференцию Секретариат созвал в основном индивидуально местных активистов, близких к его официальной линии. В итоге, собрание одобрило линию Секретариата, хоть и критиковало его за оторванность от местных ячеек и их недостаточное финансирование. Конференция подтвердила программу Елисаветградского съезда КАОУ. Было принято решение прекратить на несколько месяцев активные выступления, заняться углубленной организационной и теоретической работой. Постановили создать в Харькове анархическую школу пропагандистов. Чтобы ко времени новой активности КАОУ был готов мощный кадровый состав агитационных и теоретических работников. Организация школы была возложена на Барона⁴³.

Как ни странно, набатовцы сохраняли веру в махновское движение, когда от него, по существу, отказалась даже новоспасовская часть ГСА. Резолюция конференции признала махновское движение способным выполнять задачи 3-й революции. Но сам Махно, по причине его оторванности от анархических организаций, был признан негодным руководителем движения. Как вспоминал Тепер, Махно впоследствии постоянно напоминал набатовцам эту резолюцию⁴⁴. Вопрос об отношении к махновщине сближает воспоминания Тепера о февральской конференции с сохранившейся резолюцией экстренного совещания активных работников «Набата» (датированной, правда, мартом 1920 г.). Но акценты в этом документе расставлены мягче, чем у писавшего по заказу ГПУ экс-набатовца Тепера.

Резолюция определяет крестьян-махновцев, как «в массе своей несознательных безвластников», которые сгруппировались вокруг сознательного анархиста Махно. Но из-за недостатка идейных работников повстанцы-махновцы имеют смутное представление об анархическом идеале. Ввиду чего совещание и указывало набатовцам на недопустимость смешивания махновского движения с анархическим. Конференция рекомендовала КАОУ приложить все усилия для превращения наиболее сознательной части махновцев в идейный анархический авангард. При этом, совещание отметило свое отрицательное отношение к попыткам некоторых товарищей «увлечь анархистов на путь заговорческих организаций, на путь военных или иных политических переворотов»⁴⁵. Что еще раз подтверждает и легальное положение «Набата» весной 1920 г., и его установку на легальную борьбу за симпатии масс.

С марта 1920 г. за линией фронта стала развиваться другая опасная тенденция, вынуждавшая махновцев спешить с реализацией своих прав на свободную трибуну и свое вольное видение советского строя. Остатки белого движения в Крыму сначала планировали отсидеться на полуострове и даже заключить при помощи Англии мир с советским правительством на началах равноправия⁴⁶. Но отчаянное сопротивление украинского села политике военного коммунизма вернуло им надежду на возврат своего политического режима. Естественно, с учетом допущенных ошибок, в первую очередь, в аграрной сфере, которые привели к массовым восстаниям крестьян в тылу белых армий в Сибири и Украине.

Новое правительство П. Врангеля попыталось максимально смягчить свою крестьянскую политику. Если при Деникине все поделенные крестьянами земли вернулись в собственность их дореволюционных владельцев, то Врангель начал свой новый курс

именно с решения аграрного вопроса. Уже в конце марта 1920 г. врангелевское министерство земледелия учредило комиссию для создания проекта нового закона о земле⁴⁷. А в апреле крымская газета «Заря России» указывала, что все «жизнеспособные элементы», овладевшие землей, обрабатывающие ее, должны получить ее на правах собственности. «Иначе, поднявшееся на Украине народное движение пройдет мимо нас и против нас». Приказ Врангеля № 3226 от 20.05.1920 г. о восстановлении в занимаемых областях волостных земств вменял им передачу всех государственных и частных сельскохозяйственных земель в собственность обрабатывающих их хозяев⁴⁸.

И 25 мая Правителем Юга России был подписан земельный закон, закреплявший существовавшее на тот момент землевладение и землепользование. Охране со стороны правительства подлежало всякое фактическое владение землями независимо от того, состоят ли они в пользовании землевладельцев «или были захвачены ими, или поступили к ним в силу распоряжений Временного правительства или советской власти». Отчуждаемые у бывших владельцев земли сверх норм землепользования подлежали оплате выкупными платежами в течение 25 лет, в сравнении с продажной, совершенно необременительными. Летчики белой авиации разбрасывали листовки с тезисами закона над красными территориями. В селах Северной Таврии тайно распространялась брошюра «Вся земля народу в собственность», которая рассказывала, что в Крыму белые решают земельный вопрос в интересах крестьянства⁴⁹.

И земельная политика Врангеля приносила ощутимые плоды. Так, на своей сентябрьской конференции эсеры Екатеринослава констатировали, что Врангель сумел привлечь крестьян обещаниями земли за выкуп, отчего пользуется большим авторитетом, не меньшим, чем у Махно⁵⁰. А в своем повествовании о Старобельском соглашении Аршинов указывал: «как только стало известно, что махновцы совместно с красными идут на Врангеля, настроение среди местного населения быстро поднялось. Врангель был *бесповоротно осужден* (курсив мой — В.А.)...»⁵¹. Из этой фразы следует, что до Соглашения он не так однозначно осуждался крестьянами, и это могло быть следствием аграрной политики последнего белого режима.

Кроме того Врангель позаботился и об удовлетворении автономистских стремлений украинского села. Тот же «Закон о земле» возлагал осуществление реформы на волостные земельные советы, которые должны были избираться волостными земель-

ными сходами⁵². Другими словами, в вопросе организации земельных отношений белые, некоторым образом, подменяли на селе экономические Вольные Советы махновцев.

Наконец, уже летом инструкция белого парламентаря к махновцам обещала самую широкую демократическую автономию для местного самоуправления. Плюс еще национальную автономию на началах федерации⁵³. Таким образом, Врангель предлагал махновцам то, что они безуспешно пытались выбить у красных. Пока автономия административную, но от нее был всего один шаг до политической. И велика была вероятность, что в борьбе с большевизмом Врангель пойдет на такие уступки. Тем большей была опасность, что решение белыми земельного и административного вопросов размоют социальную базу Вольного советского строя, что на данный момент было более серьезной угрозой махновщине, чем красный террор.

Разумеется, удовлетворение интересов крестьян для Врангеля было, в первую очередь, — аргументом в деле их привлечения к белому движению. К тому же, в частях Русской армии стало устанавливаться выборное начало не только низшего, но и высшего комсостава⁵⁴, что не могло не импонировать бывшим махновцам. О результатах такого привлечения говорит мало изученная история махновских вспомогательных частей Русской армии Врангеля.

Уже упомянутый материал в «Заре России» восхищался махновским разгромом красной конницы и выражал надежду, что это движение пойдет впереди белого войска, которое будет координировать с ним свои действия. Статья убеждала: «Мы должны влиться в происходящее на Украине народное движение, дать ему необходимые организующие интеллектуальные силы, направить его по руслу широких национальных и государственных заданий»⁵⁵. И упомянутый полковник генштаба Нога в марте 1920 г. выражал сожаление, что белая Ставка не налаживает контакты с Махно, который имеет первостепенную важность. По его мнению, девизом белого движения должно стать «Кто против красных — все с нами»⁵⁶.

Постепенно эта мысль прижилась в сформированной на обломках ВСЮР Русской армии Врангеля. Последний развил целую кампанию по привлечению Махно в союзники. По словам Герасименко, белые сначала вешали махновцев, как бандитов, потом расстреливали как храбрых солдат и, наконец, всеми способами старались переманить их на свою сторону. Еще в период осенне-зимней кампании 1919 г. Слащев отзывался о махновцах, мол, это противник, с которым не стыдно драться, и добавлял: «Моя мечта

— стать вторым Махно». Кроме Слащева штаб Врангеля заполнили молодые офицеры, многие из которых побывали в повстанческих отрядах и знали их качества⁵⁷.

По Белашу, первые разговоры о союзе с Махно Врангель завел еще в апреле, после пробной вылазки из Крыма⁵⁸. Как следствие, приказ № 3130 от 13.05.1920 г. вменял белым войскам координировать свои действия с повстанцами Махно при соприкосновении с ними⁵⁹. И полученное 9 июля послание генералов к батьке призывало Махно усилить разгром красного тыла, обещало помощь вооружением, снаряжением и специалистами. Генералы предлагали прислать в штаб Врангеля доверенного батьки для получения помощи и согласования боевых действий⁶⁰.

Больше того, для привлечения симпатий крестьянства, белая пропаганда выставляла союз Врангеля с Махно свершившимся фактом. Например, в Таганроге был расклеен приказ о мобилизации, подписанный «генерал-лейтенантом Махно»⁶¹. А союзная Врангелю пресса Антанты публиковала многочисленные статьи о батьке⁶². Правда, уже Герасименко понимал, что «Извещение врангельской печати, в самый разгар борьбы Врангеля с Советской властью, о заключении союза Врангеля с Махно могло быть продиктовано только полным непониманием сущности махновщины, и отчасти просто увлечением штаба Врангеля атаманщиной»⁶³. Но, с другой стороны, самой белой Ставке не обязательно было верить в возможность такого союза. Их расчет был не на идеи ГСА, а на воюющее за землю крестьянство.

В итоге, штабу Врангеля удалось склонить к сотрудничеству бывших махновских командиров, оказавшихся в белом тылу. Без связи со штабом Повстанческой, под воздействием пропаганды, часть командиров поверила слуху о союзе Махно с Врангелем. Это было вполне вероятно для тех атаманов, которые лишь называли себя анархистами, но в организациях не состояли. По словам одного из них, командира 10-й бригады им. Батька Махно при Русской армии Никиты Чалого, махновцы, оставшиеся на белой территории, долго не верили врангелевской пропаганде о союзе с Махно. Но им были предъявлены поддельные приказы батьки, оперсводки о Повстармии, их начали снабжать деньгами и оружием. После этого часть махновских командиров пошла на формирование повстанческих частей Русской армии, но в своих целях⁶⁴.

Сами бело-махновские командиры Володин, Яценко, Гришин, Чалый и др. распространяли «вербовочные воззвания»⁶⁵, которые могли найти отклик у части неискушенной в политике рядовой массы. Призывы бывших махновских командиров акцентировали

внимание на красном терроре и сопротивлении большевизму. А по Белашу, — летом 1920 г. это был главный объект ненависти крестьянства. Так, к осени Особая группа войск СРПУ/м представляла собой ядро в 5 тыс. «кадровых» повстанцев, обросших антибольшевистскими элементами⁶⁶. Непримиримое отношение таких элементов к большевизму подтвердило массовое дезертирство целых полков из Повстармии после заключения Старобельского соглашения.

Наконец, немаловажную роль в привлечении бывших махновцев во вспомогательные части Русской армии Врангеля играл и «круговорот» рядовой массы в Гражданской войне. К 1920 г. крестьяне могли побывать солдатами всех воюющих армий, и легко перестраивалась под нового врага.

Так, красные кавалеристы разбитого в конце июня корпуса Д. Жлобы были влиты в конницу Врангеля. И уже в начале июля они рубили части РККА⁶⁷. Из бывших красноармейцев почти целиком состояли 5-я и 6-я дивизии белого корпуса Скалона⁶⁸. Пленные бойцы РККА вливались и в армию Махно. К концу сентября их число достигло 45% личного состава. Плюс 5% бывших белоказачков⁶⁹. До 40% 1-й Конармии Буденного, — в прошлом казаки корпусов К. Мамонтова и Шкуро⁷⁰. Не исключением были и повстанцы. 2-й Корниловский полк первоначально (май 1919 г.) был сформирован в основном из пленных махновцев. Офицеры полка, сами из крестьян, смогли сколотить из них ударную часть⁷¹. Или Герасименко упоминал другой случай, как Слащев захватил с собой в Крым много пленных махновцев. Впоследствии они проявили себя как храбрые солдаты⁷². Так что для рядовых махновцев, которые до этого могли побывать солдатами и красной, и белой армий, формирование махновских частей Русской армии не было чем-то невозможным. Тем более, что бить они собирались того же врага — комиссаров.

В итоге, бывшие командиры РПАУ/м смогли сколотить до десятка махновских вспомогательных отрядов Русской армии Врангеля, общим числом 3,5 тыс. бойцов⁷³. Бывший помощник командира 4-го Крымского корпуса РПАУ/м атаман Володин также включал в свои силы (кадровый резерв?) и до 10 тыс. дезертиров, скрывавшихся в днепровских плавнях и на островах⁷⁴. А Долженко указывал, что основным фактором успеха мобилизации в Русскую армию стала пропаганда союза Махно с Врангелем. Именно в ее результате белые смогли развернуться в Северной Таврии в основательную силу, чтобы угрожать Донбассу и Украине⁷⁵.

Большевистская пропаганда не могла упустить такого предлога как

«бело-махновские» отряды, чтобы очередной раз попытаться дискредитировать махновщину в глазах трудящихся. Так член бюро ЦК КП(б)У Яковлев в Екатеринославском Совете заявлял, что располагает письменными доказательствами союза Врангеля с Махно⁷⁶. То же звучало в июньском обращении председателя Совнаркома УССР Раковского к крестьянству Екатеринославщины. Якобы схвачена агента Врангеля и Махно, а с ними и переписка генштаба врангелевцев с батькой, доказывающая заключение ими соглашения для совместных действий против РККА. На этом примере Раковский указывал, что Махно только спекулировал советской идеей, а, в сущности, защищал интересы помещиков и капиталистов⁷⁷. Другими словами, предсовнаркома пытался выставить махновскую концепцию Вольного советского строя подделкой под автономное самоуправление в целях реставрации старого режима.

В то же время, сами красные вполне серьезно рассматривали возможность соединения войск Врангеля и Махно. Как вспоминал свою озабоченность Яковлев, «Белогвардейские партизанские отряды, формируемые Врангелем, действуют под Махновским флагом»⁷⁸. Для предотвращения этой угрозы Дзержинский приказал препятствовать возможному прорыву махновцев за линию фронта⁷⁹. И когда в конце июня их авангардная группа (конница и тачанки) направилась для партизанской борьбы в тыл Врангеля, это было расценено красными, как попытка соединения с Русской армией. Поэтому, несмотря на специальное воззвание СРПУ/м, объяснявшее командованию РККА партизанские цели прорыва и просьбу не препятствовать переходу махновцев за линию фронта, большевики перестраховались. Согласно информации шпионов ЧК в махновщине о месте прорыва у с. Успеновка, красные устроили засаду. В результате ночного боя 24 июня от махновского авангарда в 2 тыс. всадников осталось до 500 чел. и с десяток тачанок⁸⁰.

Подобные вызовы заставляли СРПУ/м принимать серьезные меры против угрозы правого раскола движения, а также большевистской дискредитации махновщины этим примером. Была нужна жесткая отповедь. Позднее, в 1928 г. батька указывал, что мелкие атаманы получили от Врангеля разрешение действовать под именем махновцев, чтобы увлечь трудовые массы, прислушивавшиеся к махновскому мнению. Но именно эта тактика белых, — «действовать против большевиков среди крестьянства под именем махновцев», — привела к тому, что сами махновцы начали тотально уничтожать врангелевцев, вплоть до посланцев⁸¹. Так, на заседании комсостава 9 июля в с. Времьевка батька предложил без

всяких ответов казнить любого делегата «от Врангеля и вообще справа». В итоге белый парламентар был расстрелян, а вопрос разъяснен в махновской печати⁸².

Кроме того, в г. Изюм Махно издал воззвание, в котором объявил красную засаду под Успеновкой препятствованием борьбе с Врангелем. Воззвание указывало, что это предательство положило предел терпению Повстармии. Батка требовал освобождения всех махновцев и анархистов в Украине и России и созыва свободно избранного съезда всей Украины. В случае отказа, было обещано добиться этого силой⁸³. Таким образом, махновцы еще в июле 1920 г. собирались опровергнуть с трибуны съезда клевету о своей связи с Врангелем и дать идеологический бой большевикам. В этом тексте уже просматриваются контуры будущего Соглашения, по которому махновцы и анархисты вышли на свободу и начали подготовку к V съезду Советов.

После резкого отмежевания СРПУ/м от союза с Врангелем решительным шагом к ликвидации правого раскола движения стала операция махновской контрразведки. Ее стараниями штаб Повстармии получил контроль над бело-махновскими отрядами, вооруженными за счет противника. После заключения Старобельского соглашения штаб приказал этим отрядам прекратить боевые действия против РККА. Им было поручено временно не прерывать миролюбивой связи с Врангелем, а готовиться ударить ему в тыл⁸⁴. В частности, этот приказ имел своим следствием спасение от разгрома 2-й Конармии и Каховского плацдарма (подвиг дивизии Володина), а также успех красно-махновского наступления в Северной Таврии в октябре 1920 г.⁸⁵

¹ Нестор Иванович Махно. Воспоминания, материалы и документы. Киев. 1991., с.167-170

² Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.382

³ Белаш. с.381-384

⁴ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.345

⁵ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.399-400

⁶ Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М. 1934., с.526

⁷ Девятый съезд РКП(б). с.527-528

⁸ *цит. по Кульчицкий С. Комунизм в Україні: перше десятириччя (1919 — 1928). К. 1996., с.103*

⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М. 1953., с.479, 487, 488

¹⁰ *Кульчицкий С. Комунизм в Україні: перше десятириччя (1919 — 1928). К. 1996., с.104*

¹¹ *Цись В.В. К вопросу о роли трудовых армий в идеологии военного коммунизма // Известия Челябинского государственного универ-*

- ситета. № 28, 2009. *История*. Вып.34., с.93
- ¹² Кульчицкий С. *Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919 – 1928)*. К. 1996., с.134
- ¹³ *Центральный государственный архив Советской армии*. т.1. Путеводитель. М.1991., с.372-373
- ¹⁴ *Девятый съезд РКП(б). Протоколы*. М. 1934., с.528-530
- ¹⁵ Кульчицкий С. *Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919 – 1928)*. К. 1996., с.111-112
- ¹⁶ Цысь В.В. Численный состав трудовых частей Красной армии в 1920 г. // *Известия Уральского государственного университета*. Серия 2: Гуманитарные науки. № 3. 2009., с.216
- ¹⁷ *Директивы командования фронтов Красной армии*. т.2. М. 1972., с.417
- ¹⁸ *Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 – 1921. Документы и материалы*. М. 2006., с.318
- ¹⁹ *Нестор Махно*. с.317-318
- ²⁰ *Нестор Махно*. с.317
- ²¹ *Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории*. М. 1996., с.108
- ²² *Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 – 1921. Документы и материалы*. М. 2006., с.338
- ²³ *Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории*. М. 1996., с.109
- ²⁴ Кульчицкий С. *Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919 – 1928)*. К. 1996., с.113-114
- ²⁵ *Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно*. К. 1993., с.437
- ²⁶ *Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 – 1921. Документы и материалы*. М. 2006., с.337
- ²⁷ *Нестор Махно*. с.343
- ²⁸ *Нестор Махно*. с.344-346
- ²⁹ *Нестор Махно*. с.334
- ³⁰ *Нестор Махно*. с.337
- ³¹ *Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно*. К. 1993., с.405
- ³² *Белаш*. с.447-448
- ³³ *Слащев-Крымский Я.А. Белый Крым 1920 г.* М. 1990., с.144
- ³⁴ *Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно*. К. 1993., с.427
- ³⁵ *Нестор Иванович Махно. Воспоминания, материалы и документы*. Киев. 1991., с.169-170
- ³⁶ *Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно*. К. 1993., с.437
- ³⁷ *Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 – 1921. Документы и материалы*. М. 2006., с.407
- ³⁸ *напр. Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно*. К. 1993., с.417
- ³⁹ *Яковлев Я. Русский анархизм и Великая русская революция*. Харьков. 1921., с.30
- ⁴⁰ *Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно*. К. 1993., с.444
- ⁴¹ *Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны ис-*

- тории. М. 1996., с.109-110
- ⁴² Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.406
- ⁴³ Тепер И. Махно. От «единого анархизма» к стопам румынского короля. Харьков. 1924., с.68
- ⁴⁴ Тепер. с.68-69
- ⁴⁵ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.332-333
- ⁴⁶ Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война 1918-1921. СПб. 2002., с.565
- ⁴⁷ Бородин С.В. Земельные отношения в Крыму на завершающем этапе Гражданской войны // Культура народов Причерноморья. № 50, т.2. 2004., с.68
- ⁴⁸ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.369-370
- ⁴⁹ Бородин С.В. Земельные отношения в Крыму на завершающем этапе Гражданской войны // Культура народов Причерноморья. 2004. № 50, т.2., с.68-69
- ⁵⁰ Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М. 1997., с.136
- ⁵¹ Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.118
- ⁵² Бородин С.В. Земельные отношения в Крыму на завершающем этапе Гражданской войны // Культура народов Причерноморья. 2004. № 50, т.2., с.69
- ⁵³ Кубанин М. Махновщина. Л. 1927., с.150
- ⁵⁴ Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война 1918 — 1921. СПб. 2002., с.566
- ⁵⁵ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.369
- ⁵⁶ Слащев-Крымский Я.А. Белый Крым 1920 г. М. 1990., с.144
- ⁵⁷ Герасименко Н.В. Батько Махно. Мемуары белогвардейца. М. 1990., с.79, 83
- ⁵⁸ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.396
- ⁵⁹ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.370
- ⁶⁰ Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.114
- ⁶¹ Телицин В. Нестор Махно. М. 1998., с.321
- ⁶² Комин В.В. Нестор Махно: мифы и реальность. Калинин. 1990 // цит. по <http://www.mahno.ru/lit/komin/komin.php>
- ⁶³ Герасименко Н.В. Батько Махно. Мемуары белогвардейца. М. 1990., с.84
- ⁶⁴ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.464
- ⁶⁵ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.372-375

- ⁶⁶ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно*. К. 1993., с.444
- ⁶⁷ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно*. К. 1993., с.419
- ⁶⁸ Калинин И.М. *Под знаменем Врангеля*. Ростов-на-Дону. 1991., с.114-115
- ⁶⁹ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно*. К. 1993., с.444
- ⁷⁰ Белаш. с.486
- ⁷¹ Волков С.В. *Трагедия русского офицерства*. М. 1999., с.140
- ⁷² Герасименко Н.В. *Батько Махно. Мемуары белогвардейца*. М. 1990., с.79
- ⁷³ подробнее: Азаров В. *Махновская контрразведка*, ч.3 // <http://azarov.net/comprehension/history/71-mahnovsky-counterspionage.html?start=2>
- ⁷⁴ Нестор Махно. *Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы*. М. 2006., с.870
- ⁷⁵ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно*. К. 1993., с.463
- ⁷⁶ Волин В.М. *Неизвестная революция*. М. 2005., с.482
- ⁷⁷ Нестор Махно. *Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы*. М. 2006., с.427-428
- ⁷⁸ Яковлев Я. *Махновщина и анархизм* // *Красная новь* № 2, 1921., с.253
- ⁷⁹ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно*. К. 1993., с.412
- ⁸⁰ Спектор М. Коротеев Н. *В логове Махно* // *Подвиг*. т.5. М. 1969., с.343
- ⁸¹ Махно Н.И. *На чужбине 1923 — 1934 гг. Записки и статьи*. Париж. 2004., с.197
- ⁸² Аршинов П. *История махновского движения (1918-1921)* // *Тайны истории*. М. 1996., с.114
- ⁸³ Нестор Махно. *Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы*. М. 2006., с.437
- ⁸⁴ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно*. К. 1993., с.452
- ⁸⁵ подробнее: Азаров В. *Махновская контрразведка*, ч.3 // <http://azarov.net/comprehension/history/71-mahnovsky-counterspionage.html?start=2>

В ПОИСКАХ ТЕРРИТОРИИ

С начала марта 1920 г. в советской прессе стали появляться известия об активизации махновцев, и Секретариат «Набата» решил послать к ним курьера Лаврова, которому было поручено предложить батьке возобновление сотрудничества. Лавров встретился с Махно при захвате повстанцами с. Пологи и увез от батьки пожелание скорейшего приезда в Повстармию представителей Конфедерации. КАОУ снова переключила свое внимание на махновщину. Для выяснения своего нынешнего отношения к этому движению и определения его ближайших задач в середине апреля было созвано новое, теперь конфиденциальное совещание активных работников «Набата»¹. В нем участвовали члены Секретариата Барон, Альи, Тепер, Эмигрант.

Впервые после разгрома махновщины апрельское 1920 г. совещание актива Конфедерации сформулировало в своей резолюции главный пункт практической деятельности, который до самого Старобельского соглашения стал ведущим ориентиром и для «Набата» и для махновщины. А именно: «завоевание при помощи повстанчества небольшой территории, в пределах которой должны начаться эксперименты строительства бесклассового общества». Вооруженной силой для такого завоевания избиралось повстанчество. Резолюция указывала на необходимость «настолько крепко связать Махновщину с Набатовским движением, чтобы ни тени различия, ни тени обособленности в общих задачах и целях — не проявлялось»².

Совещание утвердило организационную схему окончательного вхождения Секретариата КАОУ в махновский ВРСовет, по которой набатовцы собирались взять на себя идейное и политическое руководство махновщиной. С такой резолюцией совещания и была отправлена в движение делегация Секретариата в лице Барона, Алого и Тепера. При условии, что данное предложение будет принято, делегация планировала остаться в махновщине в качестве официального представительства «Набата». Местные ячейки «Набата» в городах и селах Украины должны были пропа-

гандировать задачи движения и создавать свои повстанческие отряды, которые в дальнейшем вливались бы в махновскую армию. А группы Харькова, Киева и Москвы должны были пропагандировать махновщину и «Набат» в зарубежной прессе, как «застрельщиков 3-й революции, приступающих впервые к реализации анархических идей, к осуществлению бесклассово-коммунистического строя»³.

До заключения соглашения с Махно решения апрельского совещания были засекречены даже от местных ячеек КАОУ. И, только соглашение состоится, «Набат» должен был перейти на нелегальное положение и перенести свой центр в махновщину. Но, видимо, здесь произошла утечка информации, — чекисты узнали о решениях совещания. Харьковская ячейка «Набата» была почти целиком арестована по обвинению в устройстве в городе подсобного махновского штаба. Но доказательств по этому обвинению не было и, после 9-дневной голодовки задержанных, почти все они были освобождены.

Интересно, что после освобождения активистов КАОУ направил к Председателю СНК УССР Раковскому анархиста Мокроусова (участника Октябрьского переворота), с 1919 г. служившего на командных постах в РККА. Он должен был прозондировать почву, — насколько для правительства Украины желательно перемирие с Махно. Но Раковский отклонил неофициальное предложение Мокроусова⁴. Судя по хронологии повествования Тепера, это было где-то в конце мая — начале июня 1920 г. Таким образом, до официального соглашения с СРПУ/м, набатовцы политически просчитывали варианты не только завоевания района, но и получения его мирным путем в результате договора махновцев с большевиками.

13 июня в с. Успеновка к армейскому ядру СРПУ/м присоединились две группы набатовцев: харьковская во главе с Бароном и екатеринославская под началом Аршинова⁵. Фактически с этого момента и следует вести отсчет политического процесса внутри махновщины, в итоге приведшего движение к Старобельскому соглашению. На следующий день в с. Большая Михайловка состоялось уже упомянутое знаковое заседание Совета и комсостава. Здесь набатовцы огласили собравшимся решение апрельского совещания КАОУ. Махновцы внимательно отнеслись к идее завоевания района, а батька согласился на предложения Конфедерации, при условии скорейшего перемещения центра «Набата» в махновщину⁶. Именно с подачи делегации КАОУ и было принято решение о создании мощной армии, способной принудить большевиков к признанию независимости района и свободной трибуны для анархических идей⁷.

Исследуя политические процессы внутри махновщины 1920 г., приведшие к заключению Старобельского соглашения, необходимо четко понимать настрой рядовой массы движения и его организационную структуру. Надо различать его выборный орган (СРГУ/м) и политическую организацию (ГСА). Вождизм, указываемый критиками движения из оппонирующих лагерей, в махновщине 1920 г. уже не мог иметь места. Белаш отмечал, что у нового лидера набатовцев Барона, а затем и у многих биографов батьки, сложилось ошибочное представление о Махно, как об украинском Бонапарте, который на крыльях военной славы верховодит движением⁸. Справедливости ради надо отметить, что и Волин вспоминал период, когда в поведении Махно присутствовали диктаторские замашки. Тогда же его окружала «военная клика» из повстанческих командиров, которые игнорировали мнение Совета и все больше отдалялись от массы бойцов и трудового населения. Волин указывал на случаи, когда было необходимо срочно принимать решения, но от пьяного батьки нельзя было добиться ничего разумного⁹.

Но эта характеристика отвечает лишь осени 1919 г., — периоду головокружительных успехов Повстармии. После предательского разгрома махновщины в начале 1920 г., осмысления причин поражения и тяжелого возрождения РПАУ/м, изменились и сам батька, и политическая организация махновщины, и сама атмосфера движения. Как указывал Аршинов, «Махно рос и развивался вместе с ростом и развитием русской революции. В 1921 году он уже был гораздо опытнее и глубже, чем в 1918-1919 гг.»¹⁰. Так и Волин подтверждает, что среди командиров и в массе повстанцев быстро возникало сопротивление злоупотреблениям батьки и его «клики». «Самым важным была общая атмосфера движения. В конечном счете, главную роль играла масса, а не Махно и командиры. Масса действовала независимо, была полностью свободна во взглядах и поведении. Можно не сомневаться, что в такой атмосфере свободного движения деятельность массы выправила бы недостатки «вождей»»¹¹.

В 1920 г. политической организацией махновского движения был наследник ГСА, — «Союз анархистов Гуляйпольского района» (далее, — САГР), объединявший гуляйпольскую, новоспасовскую и дибровскую анархические группы. «Вот, кто потрясал гетманщиной, деникинщиной, большевиками; вот, кто объединял, организовывал и руководил махновщиной. Махно же в движении занимал почетное положение и был доверенным лицом анархического коллектива в лице «Союза анархистов Гуляйпольского района», — ука-

зывал Белаш. И летом 1920 г. батька уже ничего не предпринимал без согласия САГР. Напротив, Союз анархистов часто действовал без его ведома, а иногда и вопреки его желанию. И, если подпись Махно где-либо была необходима, Союз мог ее взять даже против воли самого батьки¹².

Движение называлось именем Махно в знак уважения и признания его роли в деле организации анархического повстанчества. В периоды кризисов батька, в качестве командарма мог принимать единоличные решения по войсковым операциям. Но политическая линия, выбор союзников и планы социального строительства принимались на основе плюрализма мнений. Даже, если в людных местах члены САГР выказывали батьке определенное почтение, наедине они обращались с Махно на равных.

Здесь показателен пример критики батьки его адъютантом, членом САГР и видным махновским командиром Долженко. При разборе причин гибели Повстармии в январе 1920 г. он заявил следующее. «А величайший в мире «помпадур», этот батька, со своими гуляйпольцами, что они делали?... Вместо концентрации армейских корпусов, представляющих военную силу, с которой красное командование должно было считаться..., шторм эту силу раздробил»¹³. Так и в дальнейшем махновская политическая организация принимала решения в результате жарких, порой оскорбительных споров. Но никогда по приказу какого-либо армейского начальника.

После приезда в махновщину делегации КАОУ трения между набатовцами и махновским руководством первоначально возникли лишь по вопросу о выборе района. САГР тяготел к своим базовым местам — Гуляйпольщине, а набатовцам подходил любой район, где была перспектива закрепиться¹⁴. Но 23 июня 1920 г. Русская армия уже подошла к центру махновского района — сс. Пологи и Орехово, что автоматически снимало предложение повстанцев. Начался период летних рейдов, которые не в последнюю очередь имели целью поиск подходящей территории.

Первым претендентом был Крым. По Теперу, в июне 1920 г. «Не у одного Барона, а у многих других зародилась мысль о Крымском полуострове, самой природой предрасположенном к анархическим экспериментам»¹⁵. Вероятно, именно эту конечную цель преследовал неудачный прорыв махновской авангардной группы в тыл Врангеля под Успеновкой. Причем, нельзя исключать, что успеновская засада красных имела настоящей задачей не препятствие гипотетическому соединению Махно с Врангелем. Шпионам ЧК в махновщине могло стать известно о прицеле набатовцев на Крым, как иде-

альную площадку для анархического эксперимента. И тогда красная засада не пустила авангард к новой автономии, изгнать откуда махновцев было бы гораздо труднее, чем Врангеля.

Правда, остается только догадываться, каким образом махновцы планировали создать новый Вольный район в самом сердце белой территории, на полуострове, отрезанном от оперативного простора. Его единственным регионом, контролируемым повстанцами была горная часть, где дислоцировалась Крымская повстанческая армия. Возможно, туда махновцы и собирались прорываться.

Тепер приводит и другой пример, как в г. Зинькове Полтавской губернии (занят махновцами 9 августа) в СРПУ/м прибыла делегация крестьян во главе с командирами местных повстанческих отрядов Бутовецким и Христовым. Они предлагали влиться своими частями в армию, при условии, что Совет для эксперимента выберет их район. Барон и Тепер настаивали, чтобы осесть именно в этом районе. Но Махно отклонил предложение в пользу Гуляй-Поля и армия взяла курс на родные места. После отказа батьки организовать новый Вольный район в окрестностях Зинькова, огорченный Барон даже начал конфиденциальные переговоры с Бутовецким на предмет перехода набатовского представительства в ряды его повстанцев с целью проведения здесь анархического эксперимента. Но атаман предпочел влиться со своими отрядами в Повстармию. К этому времени отношения Барона и Махно совсем испортились¹⁶.

В сфере внутренней политики движения лето 1920 г. ознаменовалось конфликтом двух групп влияния в САГР: гуляйпольской под началом батьки и новоспасовской во главе с Белашом. Новоспасовцы последовательно проводили идею военного союза с красными. Но на всех собраниях им противостояла гуляйпольская группа, подкрепленная опытными ораторами «Набата». Возможно, набатовцы мстили за репрессии против КАОУ. Но это трудно связать с отправкой ими Мокроусова к председателю СНК УССР. Позиция же Махно, вероятно, держалась на других аргументах. Попытке покушения на него лично террористов ЧК 20 июня. И разгроме авангардной группы махновцев 24 июня под Успенковкой. К тому же в этой ночной засаде сам батька был ранен в ногу. В итоге Белаш констатировал, что «наша новоспасовская группа не в силах была помочь беде красных».

Полемическая борьба этих групп, в которую был втянут и весь состав армии, продолжалась до самого заключения Старобельского соглашения. Но Белаша утверждал, что он постепенно перетягивал на свою сторону «пролетарские элементы комсостава»¹⁷. Так, в кон-

це июня, когда Русская армия заняла большую часть Северной Таврии, на заседании СРПУ/м и комсостава в с. Богатырь Белаш выступил с инициативой предложить командованию РККА услуги в борьбе против Врангеля. В ответ Калашников огласил пример красной пропаганды против махновцев. В результате собрание высказалось за продолжение борьбы с красными до тех пор, пока советское правительство само не предложит союз. После разгрома белыми конного корпуса Жлобы в начале июля Белаш снова предложил для помощи красным выступить на фронт против Врангеля. Гуляйпольская группа и набатовцы высказались против¹⁸.

Этот же вопрос был снова поставлен 9 июля в с. Времьевка на большом заседании по перевыборам СРПУ/м, где в полном составе присутствовали Совет, шторм, Культпросвет и комсостав. На заседании махновцы впервые получили прямые предложения Врангеля о военном союзе и доподлинно узнали о создании бело-махновских частей из воззваний их командиров. Эти известия стали очередным поводом для Белаша указать собранию, что «мы должны показать на деле, кто наши союзники». Он снова призвал к союзу с красными и предложил увести Повстармию в тыл Врангеля.

Однако поддержанный набатовцами батька, в который раз раскритиковал его предложение. Махно указал, что ради торжества большевиков не стоит расточать силы РПАУ/м. И надо идти не в тыл Врангеля, а уходить вглубь Украины и, по совету набатовцев, занять определенный район для проведения анархического эксперимента Вольного советского строя. Это предложение батьки поддержала большая часть комсостава¹⁹. И по свидетельству Тепера, во главе оппозиции, которая считала, что раньше надо побить большевиков, а потом Врангеля, стояли Попов и Семен Каретников. Сам Махно колебался²⁰.

Между тем, другие источники вроде бы ставят под сомнение неприятие батькой идеи союза с большевиками. Так, по словам Аршинова, от имени СРПУ/м и командарма Повстанческой в июле и августе 1920 г. в Харьков и Москву были посланы телеграммы с предложением прекратить борьбу между собой в целях совместного разгрома Врангеля. Ответа не поступило²¹. Это же повторяет и Волин. «Было решено предложить коммунистам прекратить враждебные действия по отношению к махновцам, чтобы совместными усилиями разгромить Врангеля»²². Может показаться, что речь идет о предложении Советской власти военного союза со стороны махновцев, что противоречит настроениям большей части САГР и комсостава в описании Белаша.

Но, вероятнее всего, у Аршинова речь идет об упоминаемом Спектором обращении Махно, которое было отпечатано перед прорывом под Успеновкой. Оно объясняло намерения Повстармии уйти в тыл Врангеля для партизанской борьбы и призывало красные войска не препятствовать махновцам при переходе линии фронта²³. Выше приведенная цитата Волина еще больше склоняет к такому предположению. Речь идет лишь о прекращении враждебных действий против махновцев. В таком случае, в свидетельствах Аршинова и Волина нет предложения военного союза, которое неизбежно влекло бы некие уступки со стороны махновцев. Перед нами пакт о ненападении, который не обязывал СРПУ/м ни к каким отступлениям от своей политической линии. Что косвенно подтверждает и воззвание Махно от 19 июля к органам власти УССР. Его требование освобождения всех анархистов и махновцев, а также созыва всеукраинского съезда²⁴ выглядят, как ультиматум, никак не соответствующий роли просителя.

Между тем, Белаш указывал, что конфликт групп САГР по вопросу союза с красными «начал разъедать армейский организм». Положение усугублялось и тем, что создавшуюся ситуацию пытался использовать новый лидер «Набата» Барон, чтобы подчинить и гуляйпольскую и новоспасовскую группы Секретариату КАОУ²⁵.

По Теперу, одной из главных задач представительства «Набата» в РПАУ/м было снижение влияния Махно через усиление авторитета у повстанцев других боевых командиров. В дальнейшем планировалось даже заменить батьку кем-то из них. К примеру, более перспективной фигурой видели Куриленко. В этом деле Секретариат возлагал особые надежды на одного из своих лучших дипломатов — Барона, который, однако, сам метил на место батьки. Но с самого начала махновских рейдов в поисках территории под новый эксперимент не было оговорено, как и в какой степени набатовцы будут осуществлять общее политическое руководство этим проектом. В результате, данный вопрос стал провоцировать частые споры, которые начали склонять стороны к разрыву²⁶.

Требования контроля со стороны Барона все увеличивались, вплоть до согласования с ним планов военных операций. Он вмешивался в дела командования даже во время боев. А в отсутствие батьки Барон даже пытался руководить войсками, чем возбуждал против себя не только комсостав, но и рядовых повстанцев. В результате Махно запретил ему вмешиваться в военные дела, а набатовцам неоднократно заявлял: «Ваше дело культурничать и баста!».

Барон же, напротив, попер на рожон и стал выпускать «меморандумы», обвинявшие батьку во всех смертных грехах, — от пьянства до предательства идеалов анархизма. Он выступал с подобными обвинениями даже со страниц главной махновской газеты «Путь к свободе». По словам Тепера, в итоге, все это так озлобило махновское руководство, что Попов стал тайно готовить его ликвидацию. Наконец, претензии Барона привели к расколу и в среде самого представительства «Набата». Оппозицию ему составлял Алий. Правда, Тепер интерпретировал эту оппозицию, мол, Алий «лакействовал перед самим Махно». Но Тепер же констатировал, что «из Барона, хоть как он ни лазил на коня, ни «атаман», ни «батько» не вышел»²⁷.

При этом Барон продолжал настаивать на идее занятия района для анархического эксперимента. И, несмотря на его конфликт с батькой, на протяжении июня-июля 1920 г. эта идея продолжала пользоваться поддержкой Махно и гуляйпольской группы САГР. Поэтому на экстренном заседании СРПУ/м, штаба и Культпросвета 11 августа Барон осмелился поставить ребром вопрос об отношениях «Набата» с махновщиной²⁸. Он настаивал на подчинении движения политическому руководству КАОУ.

Но тут представитель новоспасовской группы Долженко выступил с резкой критикой идей и подходов «Набата». Своей обстоятельной речью он поставил крест на претензиях Барона и Конфедерации в целом, внес раскол между ними и гуляйпольской группой и, фактически, предопределил неизбежность мирного договора махновцев с большевиками. Что и отстаивали новоспасовцы.

Сначала Долженко указал на ошибочность и практическую несостоятельность бароновской «идеи фикс» о закреплении за Повстармией какого-либо района Украины для проведения эксперимента. Армия недостаточно сильна для обороны района в блокаде. И она не может остановиться в замкнутом пространстве, оторвавшись тем самым от огромной оперативной и продовольственной базы²⁹. Безусловно, к таким выводам Долженко (или группа, которую он представлял) пришел в результате летних рейдов, целью которых была разведка подходящей территории. Эти выводы следует понимать так, что, в условиях военных действий, только постоянное рейдирование по Украине могло обеспечить Особую группу войск СРПУ/м достаточным количеством продовольствия, сменного конского состава и, главное, пополнения новыми бойцами. Никакой район не смог бы прокормить армию, в конце лета насчитывавшую 35 тыс. повстанцев. Никакие пополнения не смогли бы пробиться через красную блокаду района.

К тому же, с дальнейшим продвижением Русской армии Врангеля на север, в войну включилась бы утихшая польская армия, недавно погнавшая войска Тухачевского от Варшавы и Львова. В таком случае, любой, избранный махновцами район Украины, оказался бы в центре военных действий, окруженный тремя армиями, каждая из которых стремилась бы раздавить территорию анархического эксперимента.

Вывод из этой части речи Долженко может быть таков, что объявление анархической независимости любого района Украины в условиях гражданской войны является самоубийством. Подчеркиваю, это не был отказ от идеи независимого анархического района вообще, а лишь отказ от такого шага в условиях военных действий. Вероятно, именно этот аргумент и стал толчком к переосмыслению САГР тактики продвижения к Вольному советскому строю, перехода махновцев от политики захвата ограниченной территории к легальному разгосударствлению политической системы, как минимум, в рамках УССР, и шире, — всех советских республик.

Вторая часть пространной речи Долженко была посвящена социальной базе 3-й анархической революции в Украине. Неизменно считая ее основой крестьянство, а наиболее активной частью, — повстанчество, он тут же указал, что украинское крестьянство раздроблено на поддержку политических лагерей: большевиков, петлюровцев, белогвардейцев, махновцев. Мало того, большевики еще пытаются усугубить эту раздробленность классовым расслоением села. Долженко выступил категорически против разжигания классовой борьбы на основании того, что махновцы борются за внеклассовое общество³⁰. По сути, он здесь ткнул Барона в основы программы Конфедерации. Как утверждал Тепер, «над-классовая надстройка», стирание грани классового антагонизма было основным стержнем теории набатовского анархизма. В этом же контексте Тепер указывал, что в идеологическом арсенале махновщины, в силу ее «близкого родства с народничеством», понятия «народ» и «масса» потеряли всякий оттенок какого-нибудь классового содержания³¹.

Альтернативу губительному расслоению села большевиками Долженко видел в объединении многомиллионного крестьянства вокруг Повстармии, как двигателя 3-й революции, «центрального революционного бродила», которое новыми лозунгами приведет в движение все село. Как он указывал, «чтобы стать сильной, наша революция должна охватить все народные группировки»³². И уже с этим, последним тезисом о

всеобщности трудящихся, как социальной базе 3-й революции, связано окончание речи Долженко, в котором он и дал решающую отповедь Барону и Конфедерации.

Сначала махновец прошелся по большевистскому режиму и его «диктатуре пролетариата», заметив, что индустриального пролетариата в Украине почти нет, это маленькая группа в сравнении с многомиллионным крестьянством. Тем самым он еще раз подчеркнул элитарный и путчистский характер большевистской революции, не опирающейся на волю широких масс. И, вот, пока махновцы станут будировать крестьянство, Долженко предложил набатовцам не пытаться оседлать махновщину, а идти в города, на заводы. Таким образом, он прямым текстом указал теоретикам «Набата» на их место в махновском видении 3-й революции. В этом заявлении явно сквозила неудовлетворенность САГР прошлогодней работой КАОУ в пролетарской среде городов Безвластной трудовой федерации.

А еще Долженко явно намекал, что набатовцы хуже махновцев разбираются в проблемах крестьянства и путях достижения Вольного советского строя на селе. Не думаю, что анархисты САГР в лице Долженко совсем не ценили той колоссальной культурно-просветительской помощи, которую оказали махновщине члены Конфедерации. Скорее, это была лишь эмоциональная реакция на претензии Барона и его товарищей. И все-таки из речи Долженко следует, что городские анархисты так и не смогли понять село и не пользовались здесь репутацией практиков анархизма. Отсюда и призыв к некому анархическому разделению труда: вольный строй на селе будут создавать махновцы, а набатовцам надо будить пролетариат и, отрывая рабочих от большевистского влияния, подвигать их к решению прямой задачи — социализации средств производства.

В заключении Долженко решительно поставил ультиматум набатовцам: если они не согласятся на такую работу, «мы с вами порываем связи навсегда, и будем считать вас, как обособленную группировку в анархическом организме»³³.

После некоторых возражений Барон согласился, что городские анархические организации должны вливаться в профсоюзы, добиваясь «советской трибуны». Эту фразу Барона можно понять так, что уже в августе 1920 г. махновцы и набатовцы рассматривали вопрос о выборах анархистов, как представителей профсоюзов в местные Советы городов («советская трибуна»). А так как Харьков и Екатеринослав, откуда приехали набатовцы, находились на территории Советской Украины, речь шла о политической борьбе анархистов с помощью представительских органов Советской

власти. Другими словами, идея перехода, как минимум, городских анархистов от вооруженной борьбы к политической в рамках советского государства вполне созрела к концу лета 1920 г.

Барон также согласился с разграничением сфер влияния, что махновщина должна остаться революционным «бродилом» на селе. Еще более любопытен пассаж Барона о политическом руководстве махновщиной. Он заверил, что рано или поздно махновцы сами придут к организации чуть ли не анархической партии³⁴.

Тепер, который вместе с Бароном 13 июня прибыл в Повстармию, описал этот конфликт куда трагичнее. Якобы Барон потребовал от штаба Повстанческой обязательного согласования военных операций с ним лично и другими представителями «Набата». А получив отпор, Барон ушел с поста председателя Реввоенсовета и отбыл из армии, напоследок отрезав: «лучше сидеть в советской тюрьме, чем прозябать в этой пресловутой анархистской обстановке»³⁵. Однако в опусах каявшихся анархистов всегда было много идеологически выдержанного вымысла. Здесь, например, сразу настораживает должность Барона в движении. Ведь, согласно Белашу, еще к 9 июля председателем СРПУ/м был Махно³⁶. И обращение к повстанцам по поводу соглашения с РККА от 1 октября так же написано батькой в должности председателя Совета³⁷. Так что свидетельства Телера местами надо воспринимать как тенденцию, а не хроникальное описание событий.

После отъезда из Повстармии Барон стал готовить должный ответ всякому, кто осмелится говорить о партизанщине, как о силе, призванной совершать эксперименты анархического строительства³⁸. В отсутствие Волина, лучше понимавшего махновщину, Барон протащил на 3-й конференции «Набата», прошедшей 3–8 сентября 1920 г. в Харькове, свою обиду на САГР в виде разгромной резолюции. «Что же касается так называемой революционно-повстанческой армии Украины, то относительно ее приходится отметить, что ее ошибочно называют анархической». Резолюция указывала, что в Повстармии сформировалось некое ядро, усвоившее лозунги безвластия. И, работая в согласии с анархическими организациями, оно могло бы стать одним из активных отрядов пропаганды анархических идей. Но мешают этому личные капризы Махно. В результате, «отсутствие согласованности действий руководителей махновского движения с общим ходом анархического движения вредно отражается на характере махновщины»³⁹.

Другой частью резолюции Барон явно ответил предложению Долженко, чтобы набатовцы шли на заводы, вливались в профсоюзы и через них избирались в Советы. «В настоящее время ра-

ботать в правлениях и советах, профсоюзах означает — быть жандармом или слепым орудием правящей партии, и поэтому конференция предлагает товарищам бойкотировать всевозможные правления и советы, отдать свои силы рабочим низам, создавая нелегальные анархические группы на предприятиях, чтобы вызывать рабочих на сопротивление чиновникам рабочего государства»⁴⁰. Другими словами, Барон и его сторонники отказались от возврата к легальности городских анархистов и сделали ставку на подпольную работу. Хотя, после добровольного ухода КАОУ в подполье весной 1920 г. и ее тесной связи с махновщиной в пик террористического противостояния последней с Советской властью, вернуться к легальности в Стране Советов набатовцам было, действительно, невозможно.

По Теперу же, 3-я конференция «Набата» прошла далеко не единодушно. По некоторым вопросам были настолько горячие дебаты, что резолюции по ним отражали мнение лишь 3-4 участников. Среди таких вопросов был «повстанчество и махновщина». Конференция прошла под флагом приспособления тактики и организации КАОУ к условиям подполья. Весь пессимизм конференции был навеян Бароном, который разочаровался в махновщине и возможности с ее помощью реализовать Вольный советский строй. От этого он «с пеной на губах кричал, клялся, что революция задушена, что наступила реакция». Конференция отчасти поддавалась этому пессимизму и приняла ряд постановлений в его духе. В частности, «Считать нежелательным даже временное перемирие между махновцами и соввластью»⁴¹. Однако, за резолюцию, осуждающую махновщину, проголосовали только Барон, Мрачный и часть синдикалистов. В то же время Алый, Эмигрант и Сафьян выступили в поддержку Махно. Они одобрили идею перемирия.

Отсюда можно заключить, что уже в начале сентября в Конфедерации прошло обсуждение не только идеи Белаша о военном союзе с красными. Обсуждалась и политическая составляющая будущего Соглашения, легализация махновских и анархических организаций в рамках Советского государства. Кубанин на основании резолюции 3-й конференции заключает, что «единый анархизм» раскололся по вопросу о махновщине и от нее якобы отказалась синдикалистская фракция «Набата»⁴². Однако, Волин, после выхода из Бутырок, активно сотрудничал с махновцами. Так что в резолюции скорее можно видеть обиду даже не всей фракции синдикалистов, а только группы Барона, которую Долженко послал «а вы уходите на заводы».

Мало того, Тепер обвинил Барона в прямом подлоге, фальсификации резолюций конференции. Ему было поручено составление резолюций, в которых появилась большая часть того, что большинство участников не поддержало. Эти места были опубликованы разве что с примечаниями редакции, что многие не были согласны с резолюциями. А сам Барон продолжал оправдывать свое безрезультатное пребывание в Повстармии отсутствием согласованности руководства махновщины с общим ходом анархического движения. Но влияние обиженного Барона на конференцию все-таки было ограниченным. Большинство осталось на той точке зрения, что крестьянские восстания — это не просто бунт, а начало третьей революции. А такие представители местных ячеек, как Борисов и Маруся даже уехали с намерением организовать свои повстанческие отряды⁴³.

Отдельно следует разобрать некорректность вопроса о связи махновского движения с анархизмом, на чем акцентировала внимание часть набатовцев. С большей или меньшей мерой обособления, начиная с Аршинова и Яковлева (1921 г.), вплоть до последних составителей объемного сборника документов «Нестор Махно. Крестьянская война» (2006 г.), эта связь трактуется, как между близкородственными, но различными явлениями. Такой подход считаю ошибочным.

Предтечей махновского движения была анархо-террористическая группа «Союз бедных хлеборобов» 1906 г. Сама махновщина началась с Гуляйпольского крестьянского союза (затем, Совета), идейным вдохновителем которого была местная группа анархо-коммунистов⁴⁴, и с формирования чисто анархической боевой дружины «Черной гвардии» в 1917 г. Политическим ядром движения был Гуляйпольский союз анархистов. Главный документ махновщины — проект «Декларации о Вольных Советах» — набатовец Тепер называл самым ценным документом практического анархизма⁴⁵. Можно спорить о «научности» махновских анархических практик, их связи с теорией классиков анархизма. Но, в любом случае, спор этот — вопрос более узкий и специфический, и никак не определяет статус принадлежности к анархическому движению.

Большинству государственных исследователей махновщины это может быть неизвестно, но в анархизме в принципе не существует квалификационных экзаменов на звание анархиста. Безусловно, представители КАОУ «Набат» были лучше подкованы в теории учения. Но из этого не следует, что члены САГР были какими-то недо-анархистами. Напротив, это были выдающиеся анархисты-практики, в отличие от множества беспочвенных теоретиков, спо-

способные соединить анархическую идею с реальной жизнью и чаяниями простого народа. Таким образом, они проверяли практическими выкладками, реальными живыми многолюдными экспериментами умозрительные выводы теоретиков. При этом знание теории и повышение анархического образования — дело наживное, которое во многих случаях легче дается практикам, чем обратный процесс реализации идей людям, по разным причинам, оторванным от живой народной стихии.

Разумеется, нельзя не согласиться с Аршиновым, что «Махно, при недостатке теоретических знаний, не всегда удавалось сделать выводы обобщающего характера. При том положении, которое он занимал в революционном повстанчестве, это отражалось на всем движении». И далее. «Мы того мнения, что, обладай Махно большими знаниями по истории и общественно-политическим вопросам, революционное повстанчество вместо некоторых поражений имело бы ряд выдающихся побед, которые сыграли бы колоссальную — быть может, решающую — роль в дальнейшей судьбе всей русской революции»⁴⁶. Но выше приведенные случаи показывают, что и набатовцы, при всем своем багаже знаний, либо не справлялись с возложенными на них задачами (крах опыта экономических Советов в Вольных городах), либо стремились реализовать руками махновщины свои умозрительные проекты (группа Барона), органично не связанные с чаяниями крестьянства, это движение породившего.

Опять же, на фоне практической несостоятельности представитель «анархической мысли» из КАОУ в городах Безвластной трудовой федерации, махновская самоорганизация Советов на селе, теоретически не продвинутая, но быстро реализованная, фактически и была тем анархическим экспериментом, который исследователи видят в махновщине. Вольные Советы — это, в определяющей мере, достижение анархистов САГР, а не «Набата». Как указывал Аршинов, набатовцы вошли в махновское движение с громадным опозданием, когда оно уже было сбито с пути социального строительства боевыми действиями. И к описываемому моменту Конфедерация лишь в октябре-декабре 1919 г. существенно поучаствовала в анархическом строительстве Вольного района. Однако набатовцы пропустили самый благоприятный период для созидательной работы в районе с конца 1918 г. по июнь 1919 г., когда «многомиллионное население 8-10 уездов было предоставлено самому себе»⁴⁷.

Именно в тот период местными самодеятельными анархистами-махновцами, при минимальной помощи теоретиков извне (например, из Иваново-Вознесенской федерации), и был заложен

фундамент Вольного советского строя. Того, что впоследствии станет называться одним из двух крупнейших анархических экспериментов в истории человечества. На это указывает сам батка в статье, посвященной 10-летию махновщины: «движение махновщины было организовано Гуляй-Польской группой анархистов-коммунистов и носило оно в себе анархические силы от начала и до конца... Всякая помощь со стороны, от родственных ему анархических организаций была лишь желательной, но ее, к сожалению, в прямом и организационном смысле никогда не было... И, в общем, все годы неравной, тяжелой и исторически и морально ответственной борьбы, движение махновщины питалось своими внутренними идейно-политическими и тем более военно-стратегическими силами»⁴⁸.

Разумеется, здесь следует отметить некоторую абсолютизацию самодеятельности ГСА-САГР, вызванную не объективным исследованием его вклада в движение, а отношениями между Волиным и Махно на момент написания этих строк. Справедливости ради, следует признать, что и махновское село использовало в своем анархическом становлении набатовскую мысль посредством печатной продукции Культпросвета армии. И уважало за это набатовцев. Вспомним хотя бы почтительное обращение повстанцев «дядя Волин». Не стоит забывать так же, что набатовцы играли ведущую роль в махновщине на фронте идеологической борьбы с большевиками. Последние пытались создать из махновцев в глазах населения образ врага, пособника белых, пугая их мелкобуржуазностью. И в этой борьбе лишь идеологически грамотные и полемически опытные набатовцы Культпросвета могли сформулировать достойный отпор большевистской пропаганде. Тем не менее, анархическое самоуправление махновщины имела своей основой ГСА-САГР, а не «Набат», который выступал в роли некоего ювелира, производившего гармоничную огранку этого природного кристалла безвластия.

А посему, вопрос о связи махновщины и анархизма следует скорректировать в сторону рассмотрения проблем нестыковки позиций сельских и городских анархистов, разницы подходов представителей практического и теоретического анархизма, строителей и архитекторов либертарного общества. Речь должна идти о временной несогласованности позиций двух, одинаково важных половин движения. И заключение исследователей, что конфликт группы Барона с членами САГР, а позже, — и Старобельское соглашение привели к окончательному разрыву «Набата» с махновщиной⁴⁹ не соответствует действительности. Сумей махновщина

закрепиться в политическом пространстве Украины, данный конфликт был бы неизбежно сглажен взаимообогащением этих составляющих анархизма. Порукой тому тесное сотрудничество махновской делегации в Харькове с освобожденным Волиным и его группой в «Набате». И свежая струя анархо-культурников, влившаяся в Вольный район на кратковременном этапе мирного строительства октября-ноября 1920 г.

Также следует разобрать вопрос о путях построения «бесклассово-коммунистического строя», к которому, согласно решению апрельской 1920 г. конференции КАОУ, приступили набатовцы с махновцами. Если махновцы объявляли себя анархистами-коммунистами, но боролись против насильственного создания большевиками коммунистического общества, они неизбежно предполагали некий ненасильственный переход к нему. Необходимость такого перехода наглядно показывало ожесточенное сопротивление села большевистской «коммунии».

Больше того, Белаш неоднократно упоминал в описании движения за 1920 г. о твердой приверженности крестьян идее частной собственности. Например, что масса поддерживает махновщину «во имя сохранения частной собственности, уравнительного пользования землей». Что крестьяне, «частично исключая батраков и бедняков, продолжали не верить большевикам, которые разрушали частную собственность». Или, что камнезапов было немного, а крестьяне в своей массе «надеялись устроить свои хозяйства так, чтобы быть собственниками, автономистами»⁵⁰.

Заключительный этап ПВК с ее всеобщей трудовой повинностью и тотальным грабежом продразверстки оттолкнул крестьянство от коммунистической идеи в целом. Не случайно, в отличие от весны 1919 г., в период мирного анархического строительства осени 1920 г. коммуны в Вольном районе вообще не упоминаются.

При этом председатель СНК УССР Раковский искренне удивлялся, что у украинского крестьянства во время революции и Гражданской войны сложилась странная психология, в представления которой укладывались и свобода торговли, и правослаvie, и Советская власть. Оставим вопрос о православии. Но торговля и рынок вполне укладывались в советскую систему, не большевистскую, а ВСС. И продразверстка, призванная разложить крестьянство по имущественному, классовому признаку, часто разбивалась о традиции и понимание справедливости сельской общиной. Сельские сходы или сельские Советы упрямо разверстывали ее поровну на каждую десятину земли: дескать, земля была поделена по справедливости и никто не виноват, что ты плохо работал⁵¹.

Такие примеры помогают четче обрисовать крестьянский (читай, народный) идеал «вольной жизни», как обязательный фундамент ВСС. Общие отцы анархического и эсеровского движений из числа первых народников подходили к строительству свободного общества с принципиально иным мериллом, чем марксисты, тем более, их догматичное крыло — большевики. Большевики пытались навязать трудящимся свою умозрительную схему, некритично, да и безграмотно перенесенную из Европы на русскую почву. И, напротив, своим великим «хождением в народ» народническое движение бралось не только учить крестьянских массах, но и учиться самим, впитывать народное понимание справедливости и традицию взаимопомощи, выработанные веками низовых, наименее искаженных властью общественных отношений. С тем, чтобы корректировать свои теории в соответствии с этими понятиями. В своеобразной форме такое взаимодействие нашло свое продолжение в нелегких отношениях ученых анархистов с природными — «Набата» и САГР соответственно.

Отношение сельских общин к имущественным вопросам и продрозверстке, а, главное, к земельному вопросу, имеет решающее значение для выяснения народного идеала «вольной жизни». А для подавляющей массы крестьянства целью был не коммунизм, пусть даже и либертарный, но справедливый уравнительный передел средств производства (главное из которых — земля) с дальнейшей перспективой вольного (без государственных поборов) труда при сохранении свободной торговли. Крестьянство стремилось начать, как это сейчас модно говорить, «перезагрузку» рыночных отношений с равных возможностей.

При наличии такого идеала «вольной жизни» у САГР, да и у самого «Набата» в крестьянской среде было лишь два пути. Либо идти по стопам коммунистов-государственников и цинично обманывать многочисленных сторонников рынка относительно конечных целей своей доктрины, либо корректировать свои экономические планы в сторону реальных потребностей крестьянства. То есть, допускать некий переходный период, который подразумевал сохранение некоммунистического производства, частной собственности на его средства и продукт труда, при одновременной замене централизованной власти на сетевую, в анархическом смысле, федеративную систему самоуправления. Как следствие на первом этапе анархического строительства махновский «коммунизм» выступает в коммунальном смысле автономии местного самоуправления, идентичном «Парижской коммуне».

У того же Тепера можно найти ссылку на некий расширенный список Декларации РПАУ/м осени 1919 г., где речь идет о земельном вопросе. Пункт 1 гласит, что «Всякий намек на насильственное, административное насаждение в деревне идеи коммунизма сверху должен отпасть»⁵². Можно утверждать, что и «единый анархизм» КАОУ не предусматривал немедленного перехода к коммунизму. Социальную революцию набатовцы видели более-менее затяжным «революционно-эволюционным» процессом. Правда, в учредительных документах Курской конференции они еще продолжали отрицать отдельную переходную стадию к анархическому строю⁵³. Но касательно времени денкинского наступления и бегства ленинцев с Украины летом 1919 г., Тепер упоминает открытое письмо анархистов «Набата» к большевикам. В числе прочего оно содержало такие слова: «мы вам говорили, не трогайте крестьянства, мы вам говорили, не разрушайте рынков, не уничтожайте свободной торговли»⁵⁴.

На основании такой защиты анархистами трудовой собственности, большевики и называли анархизм мелкобуржуазной идеологией. В частности, Кубанин отмечал, что анархисты «понимали социальную революцию как переход средств производства, земель и фабрик в руки трудящихся в мелкобуржуазно-синдикалистском смысле»⁵⁵.

Тепер же упоминал, что уже на сентябрьской 1920 г. конференции КАОУ набатовцы заговорили о необходимости нескольких промежуточных фаз до перехода к анархическому строю⁵⁶. Таким образом, с вопросом о необходимости постепенного перехода к экономическому коммунизму плотно смыкалось понимание необходимости поэтапного реформирования политической системы. И, значит, рано или поздно, анархисты «Набата» и САГР должны были осознать и сформулировать механизмы этого перехода, практические пути его реализации, а не те отвлеченно-теоретические схемы, что наблюдаются в проекте «Декларации о Вольных Советах». Рамочно такие пути и механизмы обрисовывают те самые пункты Старобельского соглашения, с которых началось данное исследование.

Наконец, сам проект упомянутой Декларации, явившийся плодом совместного творчества «Набата» и САГР, делает акцент исключительно на добровольном введении новых форм хозяйствования и общежития.

«Мы глубоко убеждены, что предоставление народу полной возможности свободно выковывать формы своей хозяйственной и общественной жизни естественно и неизбежно приведет к ус-

тановлению подавляющим трудовым большинством народа социалистических форм общежития. Мы находим, что эти формы могут быть на деле найдены и выкованы лишь самими трудящимися массами, при условии их совершенно свободного и самостоятельного общественно-хозяйственного творчества. Мы считаем, поэтому, не целесообразным и даже губительным навязывать трудящимся массам наши убеждения силой политической или какой бы то ни было иной диктатуры, считаем губительным вести массы с собой при помощи управления ими сверху. Мы ограничиваем нашу роль простой идейной и организационной помощью трудовому народу, в виде изложения наших мнений и взглядов, в виде простого предложения, совета, разъяснения или указания. Мы полагаем, что народ должен иметь полную возможность выслушивать все мнения и советы, но применять их к жизни и строить жизнь должен сам, самостоятельно и свободно, без партий, диктаторов и властей»⁵⁷.

¹ Тепер И. Махно. От «единого анархизма» к стопам румынского короля. Харьков. 1924., с.70-71

² Тепер. с.13, 72

³ Тепер. с.17-18

⁴ Тепер. с.74-75

⁵ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.406

⁶ Тепер И. Махно. От «единого анархизма» к стопам румынского короля. Харьков. 1924., с.18

⁷ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.406

⁸ Белаш. с.431

⁹ Волин В.М. Неизвестная революция. М. 2005., с.523-524

¹⁰ Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.149

¹¹ Волин В.М. Неизвестная революция. М. 2005., с.525

¹² Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.431

¹³ Белаш. с.383

¹⁴ Тепер И. Махно. От «единого анархизма» к стопам румынского короля. Харьков. 1924., с.20

¹⁵ Тепер. с.85

¹⁶ Тепер. с.20, 87

¹⁷ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.419-420

¹⁸ Белаш. с.413-414, 419

¹⁹ Белаш. с.422

²⁰ Тепер И. Махно. От «единого анархизма» к стопам румынского короля. Харьков. 1924., с.95

В ПОИСКАХ ТЕРРИТОРИИ

- ²¹ Аршинов П. *История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории.* М. 1996., с.115
- ²² Волин В.М. *Неизвестная революция.* М. 2005., с.482
- ²³ Спектор М. Коротеев Н. *В логове Махно // Подвиг.* т.5. М. 1969., с.343
- ²⁴ Нестор Махно. *Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы.* М. 2006., с.437
- ²⁵ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно.* К. 1993., с.429
- ²⁶ Тепер И. *Махно. От «единого анархизма» к стопам румынского короля.* Харьков. 1924., с.80-81, 74
- ²⁷ Тепер. с.85, 87-89, 101
- ²⁸ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно.* К. 1993., с.429
- ²⁹ Белаш. с.430
- ³⁰ Белаш. с.430
- ³¹ Тепер И. *Махно. От «единого анархизма» к стопам румынского короля.* Харьков. 1924., с.57
- ³² Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно.* К. 1993., с.430
- ³³ Белаш. с.430
- ³⁴ Белаш. с.430
- ³⁵ Тепер И. *Махно. От «единого анархизма» к стопам румынского короля.* М. 1924., с.99
- ³⁶ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно.* К. 1993., с.421
- ³⁷ Нестор Махно. *Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы.* М. 2006., с.483-484
- ³⁸ Тепер И. *Махно. От «единого анархизма» к стопам румынского короля.* Харьков. 1924., с.89
- ³⁹ *цит. по Кубанин М. Махновщина.* Л. 1927., с.211
- ⁴⁰ *цит. по Яковлев Я. Русский анархизм и Великая русская революция.* Харьков. 1921., с.35
- ⁴¹ Тепер И. *Махно. От «единого анархизма» к стопам румынского короля.* Харьков. 1924., с.98-99, 102
- ⁴² Кубанин М. *Махновщина.* Л. 1927., с.211
- ⁴³ Тепер И. *Махно. От «единого анархизма» к стопам румынского короля.* Харьков. 1924., с.101-102
- ⁴⁴ Махно Н.И. *Воспоминания.* кн.1. К. 1991., с.7
- ⁴⁵ Тепер И. *Махно. От «единого анархизма» к стопам румынского короля.* Харьков. 1924., с.54
- ⁴⁶ Аршинов П. *История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории.* М. 1996., с.149
- ⁴⁷ Аршинов. с.161
- ⁴⁸ Махно Н.И. *На чужбине. Записки и статьи 1923-1934 гг.* Париж. 2004., с.113
- ⁴⁹ Ермаков В.Д. *Махновщина: некоторые социально-бытовые аспекты повстанческого движения крестьян Украины // Социологические исследования.* № 3, 1991., с.81
- ⁵⁰ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно.* К. 1993., с.444, 447-448

- ⁵¹ Павлюченков С.А. *Военный коммунизм в России: власть и массы*. М. 1997., с.122-123
- ⁵² Тепер И. Махно. *От «единого анархизма» к стопам румынского короля*. Харьков. 1924., с.63
- ⁵³ Ерде Д. *Політична програма анархо-махновщини // Літопис революції № 1 (40), січень-лютий 1930., с.42*
- ⁵⁴ Тепер И. Махно. *От «единого анархизма» к стопам румынского короля*. Харьков. 1924., с.45-46
- ⁵⁵ Кубанин М. *Махновщина*. Л. 1927., с.103
- ⁵⁶ Тепер И. Махно. *От «единого анархизма» к стопам румынского короля*. Харьков. 1924., с.116
- ⁵⁷ Нестор Иванович Махно. *Воспоминания, документы и материалы*. К. 1991., с.159-160

БЕСПРЕЦЕДЕНТНАЯ ПОБЕДА

К августу 1920 г. стало ясно, что стратегия РККА по войне на два фронта против Врангеля и махновцев, с центром тяжести борьбы в повстанческом районе потерпела полный крах. Пренебрежение крымским участком фронта привело к тому, что белые отдохнули, пополнили свои силы и повели наступление из Крыма. С другой стороны, постоянные победы над внутренними войсками большевиков стали тяготить и махновцев. Они все больше осознавали, что это так же победы Врангеля и Польши. Но, как отмечал Белаш, «наши оппоненты не желали делиться монополией на выбор пути строительства по-настоящему свободного коммунизма¹. Другими словами, начштаба Повстанческой указывал главное условие, при котором махновцы могли бы прийти на помощь РККА.

Однако Красная армия должна была испытать сокрушительные поражения в августе-сентябре 1920 г., чтобы Совнарком УССР склонился к такому согласию на плюрализм путей к коммунизму. Склонился к легализации альтернативы своей линии, чего и добивались махновцы: легальной состязательности в достижении идеалов.

Первые неудачи постигли РККА на польском фронте, где в середине августа она была отброшена из-под Варшавы. Окруженные у германской границы, 5 красных дивизий и конный корпус Г. Гая отошли в Восточную Пруссию и были интернированы. В польский плен попали более 60 тыс. красноармейцев². В районе Замостья 31 августа в крупнейшей со времен наполеоновских войн кавалерийской битве при Комарове поляками была разгромлена 1-я Конармия С. Буденного, потерявшая более 4 тыс. бойцов. В результате контр наступления к 12 сентября польские войска взяли Ковель, 16 — Луцк, 18 — Ровно и Тернополь. В конце сентября в сражении на Немане армии РККА Западного фронта потерпели новое поражение. Была полностью разгромлена 3-я армия В. Лазаревича. 12 октября поляки вошли в Минск. Через два дня было заключено перемирие, закончившееся в марте 1921 г.

подписанием позорного для РСФСР, БССР и УССР Рижского договора, с потерей больших территорий и выплатой миллионных контрибуций.

Тем временем, к середине сентября 1920 г. врангелевцы захватили громадный плацдарм в Северной Таврии и подошли к Екатеринославу. Готовилось крупное наступление на Донбасс, по поводу чего секретарь КП(б)У Яковлев писал, что захват бассейна Врангелем означал бы остановку железных дорог и непоправимый удар по республике³.

Но Донбасс не был главной целью Русской армии. Основную ставку белые делали на объединение польского и крымского фронтов под командованием французского ген. Ш. Манжена. Большие надежды возлагались также на формирование в пределах Польши 3-й русской армии⁴. В ее состав должны были войти находящиеся на польской территории части ген. Н. Бредова. Его первые отряды общим числом до 10 тыс. солдат стали прибывать в Крым с начала сентября⁵. В новую армию должны были войти также отряды С. Булак-Булаховича, Б. Перемыкина и мобилизованное русское население областей, занятых польской армией. Численность 3-й армии оценивалась в 80 тыс. чел. При содействии польских войск она должна была пойти на соединение с армией Врангеля⁶.

Таким образом, стратегической задачей Русской армии был выход в Правобережную Украину на соединение с 3-й армией, а, в зависимости от успехов, и с польскими войсками. Для реализации этих планов готовилась большая Заднепровская операция с расчетом соединиться с 3-й армией в районе Черкасск. Именно на этом стратегическом направлении Врангель особо рассчитывал на поддержку украинских повстанцев.

Осуществлению этого плана мешали два препятствия. На направлении главного удара врангелевцам противостояла 6-я армия А. Корка, опорным пунктом которой был Каховский плацдарм, лежащий всего в 80 км. от Перекопа. Нельзя было идти в Правобережье пока красные ударом с плацдарма могли отрезать наступающие войска от Крыма. Кроме того, правому флангу врангелевских войск со стороны Донбасса угрожала 13-я армия Уборевича. Поэтому до начала Заднепровской операции планировалось разгромить 13-ю армию и только потом переправляться через Днепр с целью разгрома 2-й Конармии, захода в тыл 6-й армии и ликвидации Каховского плацдарма⁷.

С 18 сентября 1-я белая армия ген. А. Кутепова начала мощный удар на север с целью захвата Екатеринослава, что, в итоге, произведено не было лишь из-за нехватки сил, скованных

Каховским плацдармом. Главной силой Врангеля в этой операции была донская конница, сведенная в корпус ген. И. Барбовича и кубанская кавалерия, — в дивизию ген. Н. Бабиева, подчиненные непосредственно главкому. Кавалерийские ударные кулаки быстро перебрасывались из одного района в другой и рвали фронт 13-й армии красных, которая 19 сентября оставила Александровск. До 22 сентября белыми были разгромлены 40-я, 42-я, 46-я и 23-я стрелковые дивизии 13-й армии, причем, 42-я и 46-я были выбиты настолько, что их увели в глубокий резерв⁸.

Всю катастрофичность положения показало воссоздание 21 сентября особого Южного фронта под командованием М. Фрунзе. С 23 сентября началось белое наступление на Донбасс. А 29-го Донской корпус Врангеля захватил Мариуполь и у станции Доля вышел на границы Донской области, что угрожало восстанием казаков.

К середине сентября 1920 г. в соотношении сил на крымском фронте на 10 тыс. штыков преобладала пехота РККА. Зато кавалерия Русской армии насчитывала 15,5 тыс. сабель против 7,08 тыс. у красных. Конница Врангеля, усиленная артиллерией и бронетехникой являлась основной ударной силой белых. И большевикам нечем было сдержать ее напор. После разгрома под Варшавой у них физически не было сил для переброски на Южный фронт. Только начало мирных переговоров с Польшей позволило красным высвободить 1-ю Конармию и начать ее отправку против Врангеля. Но кавалерия Буденного не могла стать какой-то решающей силой на Южном фронте, после разгрома в польской кампании она насчитывала только 8 тыс. всадников⁹. К тому же еще 21 октября Буденный докладывал Фрунзе, что 1-я Конармия не может приступить к боевым операциям. В ее дивизиях идет радикальная чистка и прием пополнений, из-за чего армия сможет сосредоточиться на фронте в полной боевой готовности лишь к 30 октября¹⁰.

Единственным способом спасения Южфронта от разгрома, а Советской власти — от новой потери Украины было втягивание в борьбу махновской конницы,¹¹ — лучшей среди армий Гражданской войны. Как позднее отзывался о ней сам батька в письме к Аршинову, «ты нашу конницу знаешь, — против нее большевистская, без пехоты и автоброневиков никогда не устаивала¹². Или характеристика, данная махновцам начштаба 3-го корпуса белых В. Чернавиным. «Это головорезы... элемент в боевом отношении отличный — конница так просто вызывает восхищение¹³. Да и сами красные наверняка помнили решающий вклад махновцев в борьбу с деникинщиной. И даже, если

официально, из политических соображений большевики занижали его значение, в узком кругу не могли не отдавать должное боевым качествам Повстармии.

Кроме того, основной задачей красного тыла была переброска войск на Южный фронт. С июля по октябрь железная дорога перевезла на юг 586 эшелонов с пополнениями и снаряжением¹⁴. Понятно, как болезненны были удары махновцев по станциям, разрушение ими железных дорог и захват эшелонов. Не столько борьбу с тыловыми частями ВОХР, сколько эту махновскую «рельсовую войну» командование РККА должно было рассматривать как помощь белому наступлению. Заключение же мира с махновцами прекращало диверсии, ликвидировало внутренний повстанческий фронт и высвобождало его войска для борьбы с Врангелем.

А зачем этот союз нужен был махновцам? Первым делом следует помнить угрозу правого раскола движения, которую представляли собой бело-махновские отряды. Заклячая союз с большевиками, махновцы исключали и красную и белую пропаганду о своем мнимом союзе с Врангелем, тем самым восстанавливали единство своей социальной базы.

Другую причину указывал Аршинов. Хотя диктатура коммунистов была так же враждебна свободе труда, как и Врангель, за ними шли массы, верящие в революцию, «и этот факт значил много. Поэтому еще летом 1920 г. совещание СРПУ/м и штаба пришло к мнению, что с уничтожением Врангеля «общероссийская действительность освобождалась от той контрреволюционной пестроты. В результате чего массы смогут осмотреться, подвести итоги, сделать выводы и дать революции новые силы¹⁵. Проще говоря, махновцы надеялись, что трудящиеся поймут, как коммунисты эксплуатируют их революционный порыв в интересах своей власти. Тогда массы смогут сделать правильный выбор, отвернутся от большевиков и поддержат анархистов.

Кроме того, по словам Белаша, к 23 сентября Повстармия насчитывала 35 тыс. бойцов, 20 из которых находилось в едином армейском кулаке, а остальные состояли в разных группах и отрядах по районам Левобережья. Такому кулаку стало трудно рейдировать, стали тесны проселочные дороги. Армия по инерции еще стремилась занять район «для формирования Советского Свободного безнасиельственного строя¹⁶. Но вспомним замечание Долженко о несостоятельности идеи захвата района в условиях войны с Советской властью, вспомним аргумент невозможности защиты района в таких условиях, трудностей пополнения и

снабжения армии. Это веская причина, толкавшая СРПУ/м к союзу с красными. А податливость правительства УССР, вызванная военными поражениями и угрозой потери Украины, позволяла махновцам ставить самые жесткие условия. Которые далеко выходили за рамки требований автономии района.

С другой стороны, в самой Повстармии сентября 1920 г. насчитывалось лишь 25% «кадровых повстанцев. Даже если предположить, что все они идеологически склонялись к анархизму, получаем только четверть личного состава, знакомого с анархическим смыслом движения. Для 75% армии анархизм САГР оставался мало понятной и даже сомнительной перспективой. Полноценный ликбез в их среде также нуждался в мире с красными. Ведь махновщина того периода представляла собой постоянно рейдировавшую военную организацию, без заземления на территории, без Вольных Советов, союзов, коммун и других институтов созидательного безвластия. Безусловно, это затрудняло понимание коренным махновским крестьянством задач текущего момента и путей развития анархических преобразований. На что указывал еще Волин: «Непрерывные бои, жизнь в «царстве на колесах, лишавшие население района какой бы то ни было стабильности, неизбежно мешали ему и вести любую позитивную, творческую работу¹⁷.

Наконец, возможно, главную причину смены тактики махновцев, их перехода от вооруженной к политической борьбе за Вольный советский строй, указал Белаш перед самым повествованием о начале переговоров с красными. Он отмечал, «что село еще не созрело для анархии, что оно не способно к поголовному восстанию против власти и государства... Оно примыкало к повстанцам и охотно помогало им во всем, но самостоятельно не восставало. Надеяться на него, *как на анархическую созидательную силу* (курсив мой — В.А.), было сомнительно¹⁸. Это заявление прямо указывает, что крестьянство так и не подготовилось к всеобщему самоуправлению, что в боевой обстановке 1919-1920 гг. было объяснимо. Но из этого же следовало, что махновцам надо искать мира и вступать на путь повсеместных выборов в Советы. Чтобы, изнутри реформируя их в рамках своей концепции, уже оттуда «будировать анархическое строительство в низах.

Следует отметить, что переход махновцев к выборам в Советы, ставшие на тот момент политическими органами государства, был известным отступлением от массовой концепции анархической революции. И пресловутый 4-й пункт Старобельского соглашения говорил об органах не только экономического, но и политического самоуправления трудящихся. Тем самым признавалась

необходимость промежуточного, переходного состояния от большевистских Совдепов к Вольным Советам. И здесь явно повторялась концепция анархо-синдикалистов сентября 1918 г. о Республике Советов, как политической форме организации общества в переходный период к анархии¹⁹. В то же время подобная смена тактики махновцев наглядно показала некоторую иллюзорность представлений анархистов о состоянии масс и их готовности к самоуправлению.

Еще на пути в Беловодск, 27 сентября у Белаша продолжались беседы со старыми командирами — анархистами САГР о выборе района. «Они изъявляли свое согласие осесть на одном месте, чтобы заняться анархо-коммунистическими экспериментами. Последний вариант, предложенный за день до начала переговоров, — занять Старобельский уезд Харьковской губернии. Но сам начштаба признал этот вариант наихудшим. Этот район образовал бы новый внутренний фронт для красных на одном из наиболее опасных направлений белого наступления. Что явилось бы прямой помощью Врангелю, который смог бы легко расширить свой плацдарм в Донецкую область. Именно этот аргумент позволил Белашу окончательно уговорить своих союзников в Совете и они, наконец, согласились на переговоры с большевиками. После чего, по версии Белаша, он вызвал по телеграфу Харьков и начал разговор о перемирии²⁰.

Другим важным обстоятельством, повлиявшим на решение СРПУ/м начать переговоры с красными, стало тяжелое ранение Махно 29 августа во время разгрома под Изюмом Чаплинской группы ВОХР. Батька выбыл на лечение и надолго отошел от работы в штабе и Совете. Это обезглавило гуляйпольскую группу САГР и, в отсутствие набатовцев, обеспечило победу новоспасовцев в их долгом споре о союзе с большевиками.

Несмотря на свидетельство Белаша, вопрос о том, кто же был инициатором заключения нового красно-махновского союза, окончательно не ясен. Слова Аршинова о двух телеграммах СРПУ/м в Харьков и Москву с предложением прекратить борьбу²¹ не могут служить здесь твердым доказательством. Как указано выше, это могло быть предложение пакта о ненападении. И, напротив, текст, приводимый Скирдой по журналу «Волна, говорит, что впервые именно большевики предложили махновцам союз через посредника, — некоего тов. Миха из Александровского комитета левых эсеров.

Тот выступил 23 июня 1920 г. на заседании СРПУ/м. «По его мнению, не возможно тотчас же привести к безвластному состоянию, и он предлагает попробовать поддержать идеи рабочей

власти. На что тов. Полевой (очевидно, набатовец Барон — В.А.) дал резкий ответ, «что мы, Махновцы, испробовав на себе все пути различных властей, не поймаемся на удочку переименования власти. Сущность каждой власти, Врангеля или Большевиков, — одинакова. А командир 1-й кавгруппы Алексей Марченко выступил против какого-либо союза с большевиками, «которые хотят нас только использовать»²².

Согласно версии Махно, переговоры по Соглашению начались 28 сентября по инициативе председателя Совнаркома УССР Раковского. Последний якобы вызвал к телеграфу лично батьку, стоявшего со штабом в Беловодске, чтобы вести переговоры непосредственно. Из-за тяжелого ранения Махно сам не пошел, а поручил переговоры Каретникову, Белашу и Попову. Тогда и Раковский вместо себя уполномочил председателя ВУЧК Манцева²³.

Но, согласно показаниям Попова президиуму ВЧК в феврале 1921 г., именно он был инициатором переговоров по Соглашению. А недавно опубликованная запись этих переговоров Попова с Манцевым упоминает о телеграмме, присланной в тот же день от командования РПАУ/м на имя Раковского. Ее рассмотрение и стало предлогом к переговорам²⁴. Допустим, этот машинописный текст записи «с правкой не сочинен после предательского нарушения Соглашения большевиками. Допустим это не фальшивка, и запись отражает реалии. Даже если Махно в своих воспоминаниях ошибся и инициировал переговоры именно СРПУ/м, момент для этого был выбран столь удачный, что махновцы на переговорах обращались к большевикам с позиции ультиматума.

Согласно этой записи, телеграмма содержала такие условия махновцев:

- 1) Предоставление отдельного участка фронта против Врангеля.
- 2) Немедленное освобождение всех арестованных махновцев и анархистов.
- 3) Созыв Всеукраинского съезда крестьян и рабочих, на котором сами труженики смогут найти общность интересов²⁵.

Сравнение этих условий с телеграммой на имя Раковского от 19 июля приводит к выводу, что перед нами тот самый ультимативный текст, куда лишь добавлен пункт о выделении участка фронта.

В таком случае, сопоставляя текст записи предварительных условий со свидетельством Белаша, можно реконструировать следующую картину начала переговоров. На пути в Беловодск начштаба склонил на свою сторону подавляющее большинство членов САГР, в самом городе было проведено экстренное заседание СРПУ/м и комсостава (традиционный форум

Повстармии, обычно решавший подобные вопросы) и принято решение вновь послать Совнаркому УССР старый текст, снабдив его более миролюбивой преамбулой. Катастрофическое положение большевистского режима в Украине подвигло его уцепиться за эту соломинку.

Правда, уже в ходе предварительных переговоров Манцев остался верен ленинскому лицемерию и пытался выставить саму телеграмму, как осознание Махно своей вины и его желание искупить ошибки. Но Попов не дал втянуть себя в мелочный разбор позывов, а предьявил СНК УССР еще один, решающий аргумент. В случае отказа от переговоров и от прекращения военных действий РККА против Повстармии, махновцы обязуются захватить Луганск, в то время столицу Донбасса, и, таким образом лишить Красную армию угля и продукции патронных заводов²⁶. Ввиду тяжелого положения Южфронта подобная акция стала бы приговором Советской власти в Украине. Таким образом, махновцы не выступали просителями, они большевикам просто «руки выкручивали».

После часового перерыва, во время которого махновцы формулировали предварительные условия для заключения Соглашения, последние появились в следующем виде:

А) Сохранение внутренней организации Повстармии и отказ от ее приведения к стандартам РККА.

Б) Немедленный отвод красных частей от Старобельска (который необходим был РПАУ/м для ремонта и восстановления боеспособности частей — В.А.).

В) Освобождение арестованных анархистов и махновцев, в первую очередь, — Волина.

Манцев сообщил о принятии первого и, с оговорками, второго условий, а по поводу третьего, — что сегодня вышло постановление ЦК КП(б)У об освобождении махновцев и анархистов. По поводу Волина послана телеграмма в Москву²⁷. Быстрота реакции с освобождением лишний раз показывает, что Соглашение нужно было красным, как воздух. Но еще несколько дней большевистское руководство всерьез опасалось, что этот договор является лишь хитроумным маневром махновцев. Так 1 октября Троцкий выражал опасение, что Махно лишь хочет получить от красных снабжение и свободный пропуск к Врангелю, а дальше обернуть свое оружие против РККА²⁸.

29 сентября состоялось заседание Политбюро ЦК КП(б)У, специально созданное для одобрения переговоров по соглашению с Махно, что и было сделано. В тот же день Повстармия вошла в

Старобельск уже как союзница РККА и была встречена всеобщими овациями. Партийные, советские и профсоюзные организации города встречали махновцев криками «ура. Армия стояла в городе по 5 октября, занимаясь лечением, ремонтом оружия и снаряжения.

Но вечером того же дня, на расширенном заседании СРПУ/м и комсостава многие анархисты и командиры нападали на Белаша за союз с Советской властью. А Махно лишь констатировал: «Я болен и не работаю в Совете... Ответственен за соглашение Белаш со своими приверженцами: мы с них после спросим. Этим же собранием была утверждена дипломатическая комиссия для переговоров с СНК УССР в составе Буданова, Хохотвы и Клейна, и был подписан проект Соглашения²⁹.

В свою очередь, из Харькова прибыла миссия СНК УССР в составе Иванова, Александрова и Васильева. Они подтвердили, что Соглашение будет подписано, и махновцы получают автономию Гуляйпольского района. Только тогда штаб РПАУ/м приказал всем своим группам и отрядам прекратить военные действия против красных и идти в Чаплинский район на соединение с ядром армии³⁰.

Но позднее 4-й пункт об автономии района украинские власти выделили из Соглашения, объяснив это необходимостью консультаций с Москвой³¹. Этот пункт якобы затрагивает конституционные основы РСФСР и должен рассматриваться отдельно. В той ситуации, когда государственные органы УССР находились в полной зависимости от ЦК РКП(б), осуществлявшего высшие кадровые назначения в Украине, а постановления Совнаркома УССР копировали решения этого ЦК³², естественно, все пункты Соглашения утверждались только в Кремле.

Комментируя 4-й пункт, Волин указывал, что он предполагал на практике предоставление махновцам 2-3 районов на Украине для свободного проведения ими своего социального эксперимента. Причем, имеются данные, что подобный вариант всерьез рассматривался Лениным и Троцким³³. Основная же часть Соглашения была подписана 2 октября со стороны большевиков Яковлевым, Фрунзе, Н. Гусевым и Бела Куном, от махновцев — Куриленко и Поповым³⁴.

Волин писал о Соглашении, что этот исторический документ «весьма поучителен. И «события, последовавшие за его заключением, нельзя понять и оценить по достоинству, не зная всех его положений³⁵. Действительно, пункты Соглашения о легализации махновских и анархистских организаций, их отказе от насильственного свержения Советской власти и участии в выборах Советов, вроде бы, говорят о *кардинальной* смене

махновской тактики продвижения Вольного советского строя. На поверку же, перед нами лишь возврат к установкам ГСА мая 1919 г., указанным в «Общих основаниях организации. А именно, — «применять критический, в партийном смысле слова, способ развития революции и «путем вскрытия мелких и основных недостатков современного строя, внедряет в массы идею анархического строительства жизни³⁶. Таким образом, легальную политическую конкуренцию можно считать сквозным курсом махновской организации в периоды мирного строительства.

Подытожив различные подходы махновцев к реализации ВСС, можно указать на следующие колебания их социальной тактики. Весной 1919 и осенью 1920 гг. ВРС-СРПУ/м стремился к закреплению основ Вольного советского строя путем получения анархической автономии в рамках советского государства. Причем, в обоих случаях эта тактика использовала нужду красных в вооруженной силе повстанчества, при которой они не могли подавлять махновское социальное строительство. Между периодами мирного сосуществования предпринимались попытки построения ВСС без заключения договоров с государственниками, опираясь только на силу Повстанческой армии. Первый — осенью 1919 г. Безвластная трудовая федерация в деникинском тылу. Второй — летом 1920 г., либо в тылу Врангеля (Крым), либо в тылу РККА (Зиньков, Старобельск).

Осенью 1920 г. происходит возврат к идее мирного построения ВСС, как конкурентного варианта в рамках советской системы. Возврат этот обусловлен осознанием невозможности устойчивого анархического строительства в осажденном районе. Но содержал он и качественное отличие от проекта весны 1919 г. Махновцы более не хотели замыкаться в рамках отдельного района, а собирались постепенно распространить свою альтернативу по всей территории УССР, а в перспективе, — и всех советских республик. Причем, впервые идея распространения ВСС на всю Украину была озвучена еще в период Безвластной трудовой федерации. Но реальную возможность такого распространения в условиях осени 1920 г. давала лишь легализация махновских и анархических организаций в рамках советского государства. С последующим очищением основ советской системы мирным путем. В этом и видится главный смысл Старобельского соглашения, как итога поисков махновцами путей реализации своего общественно-политического проекта. Позже подобная тактика отчетливо повторилась в кронштадтском движении.

БЕСПРЕЦЕДЕНТНАЯ ПОБЕДА

Больше того, часть комсостава Повстармии, как временную меру, допускала даже службу в военных и гражданских органах советских республик. Так в подполье Николаевских хуторов февраля 1920 г. прозвучали упреки в адрес Куриленко за его службу в РККА. На что начштаба 2-го Азовского корпуса РПАУ/м Миронов ответил, что советская служба — это не порок. «Чем больше наших товарищей будет на этой службе, тем легче нам удастся изнутри двинуть 3-ю анархическую революцию³⁷. С этой точки зрения решающим фактором продвижения ВСС являлось сохранение анархического духа, способность выдержать испытание командными соблазнами и в нужный момент продолжить анархическую линию. Из этого спора и следует выводить махновский курс на разложение государства.

И пусть Старобельское соглашение позволило махновцам и анархистам реализовать этот курс без участия в структурах военной и гражданской бюрократии Советской республики, представительские органы также являлись частью государства. Разумеется, до тех пор, пока анархисты решениями этих самых органов постепенно не превратят их в Вольные Советы.

Как справедливо заметил Литвинов, мы, к сожалению, не знаем всего объема требований и условий, предъявленных махновцами в первоначальном проекте Соглашения. Известно, что Совнарком отверг выделение махновцам отдельного участка фронта. Большевики опасались разложения соседних частей РККА и их перехода в РПАУ/м по мере наступления на Крым³⁸. Вероятно, по этой же причине, сначала группа махновских войск в Северной Таврии, а затем и корпус Каретникова в крымской операции, постоянно переподчинялись разным армиям. Чтобы махновцев с красноармейцами соседних частей не успевало связать крепкое братство по оружию. По вопросу объема требований, ясно одно, — в процессе выработки Соглашения шла нешуточная борьба за каждую строчку. По Аршинову, Советская власть «урезывала требования махновцев, торговалась из-за каждого пункта, стараясь дать как можно меньше из того, что составляет необходимое и неотъемлемое в жизни народа — политические права³⁹.

Согласно р.2, п.3 Соглашения, известие о его заключении РПАУ/м должна была довести «до сведения идущей за ней трудовой массы путем соответствующих воззваний с призывом о прекращении военных действий против сов. власти. Опубликовать известие о состоявшемся Соглашении обязалось и Советское правительство⁴⁰. Махновцами уже 1 октября было

опубликовано обращение, которым все отряды повстанцев на Украине были призваны прекратить враждебные действия против РККА и советских учреждений⁴¹.

Большевики же под разными предлогами оттягивали публикацию Соглашения. И было почему. Как заключал Литвинов, «Махно заставил советское правительство принять такие пункты соглашения, которые в совокупности своей означали крупнейшее политическое поражение коммунистической власти Украины в ее борьбе против анархо-коммунистов⁴². В. Голованов дополнял, что «В истории революции, да и вообще в истории большевизма, это было поистине беспрецедентное соглашение. После 1918 года, когда большевики вошли в силу, никому, ни одной партии, ни одному движению не удавалось истребовать у большевиков больше, чем истребовали махновцы⁴³.

Добавлю лишь, что Старобельское соглашение следует считать и одной из крупнейших политических побед в истории анархизма. Уже поэтому оно должно восприниматься, как веха 3-й революции, ее потенции освобождения масс. Причем, это была победа анархистов над политическим антиподом, — супер-этатистами. Над напыщенным в своем цинизме, наглым в словесной эквилибристике, декретном жонглерстве и макиавеллизме режимом прожженных революционеров-политиканов, стремящихся к абсолютной власти. А то, как подло в итоге этот договор был нарушен самими большевиками, лишь подчеркивает уровень опасности, грозившей их тоталитарному проекту со стороны самородных анархистов-махновцев.

Столь серьезное политическое поражение диктовало большевикам не прекращать информационную войну против махновцев, а лишь сменить ее акценты. Полностью в традиции своей наглой безапелляционной лжи, вся мощь красного агитпропа теперь выставляла Старобельское соглашение, как раскаяние Махно, осознание им своей вины перед Советской властью и попытку искупить ее кровью на поле боя. К примеру, радиосообщение УкРОСТА преподнесило Соглашение так, что махновские низы осознали истинные интересы трудящихся, и под их давлением Махно обратился к командованию Южфронта. Та же ложь звучит в воззвании Троцкого «Что означает переход Махно на сторону Советской власти?. Якобы расслоение украинской деревни на кулаков и незаможных заставило Махно выбирать между Петлюрой, польской шляхтой и Врангелем, поддерживаемых первыми, и Советской властью, за которую стоят вторые. Что и вызвало переход махновцев на сторону Красной армии⁴⁴.

Со своей стороны, и махновцы разъясняли трудящимся Украины свой взгляд на Соглашение. Так Махно в своем обращении указывал, что зарвавшиеся коммунисты и комиссары получили еще один урок от польской шляхты и барона Врангеля, в результате которого им пришлось признать, что без вольного повстанчества они что-нибудь сделать бессильны. Или «Ответ всему трудовому народу Украины от СРПУ/м по вопросу заключения Соглашения объяснял, что повстанцы входят в соглашение с командованием РККА для совместной борьбы с контрреволюцией. Но они ничуть не намерены отказываться от своих идей по строительству народного хозяйства с помощью вольных экономических Советов. «Мы по-прежнему будем вести идейную борьбу против насилия государственной власти и нового порабощения трудового народа государством. И, чуть ранее: «Революционные повстанцы были и будут непримиримыми врагами Советской власти, где торжествуют бюрократизм, насилие, несправедливость и неравенство⁴⁵.

Тем не менее, сразу по заключении Соглашения штаб Повстанческой первой сделал жест доброй воли: силами беломахновской дивизии Володина помог спасению 2-й Конармии Ф. Миронова и удержанию красными Каховского плацдарма. Эта дивизия входила в состав ударной группы Врангеля, созданной для прорыва на Правобережье, на соединение с поляками. Получив тайный приказ РПАУ/м, Володин развернул свою кавалерийскую дивизию с фронта и пошел громить тылы наступающей ударной группы, ставя задачей, уничтожение штаба 1-й армии ген. Кутепова⁴⁶. Эта махновская операция стала ключевой в снятии угрозы соединения белого и польского фронтов, наступление ударной группы Врангеля на Правобережье захлебнулось. В результате чего белые 16 октября окончательно ушли на Левобережье, прекратив попытки соединиться с поляками.

Но, несмотря на такие успехи, в самой махновщине появилась непримиримая к Соглашению оппозиция. Некоторые повстанческие соединения не признали договора с красными и стали покидать РПАУ/м. Начштаба указывал цифры до 8 тыс. бойцов, что для армейского кулака в 20 тыс. было весьма ощутимо. Правда, Белаш пытался выставить этот процесс в таком свете, что армия очищалась от попутчиков и даже враждебных элементов, из нее уходили донские казаки, бывшие пленные красноармейцы и григорьевцы. Но, в то же время, это дезертирство настолько обозлило Совет повстанцев, что Комиссия антимахновских дел

приговорила к расстрелу бывшего григорьевца, но все же старого махновского командира (с августа 1919 г.) Матяжа, а его полк пришлось разоружить. И даже после такого перегиба Белаш был вынужден констатировать: «К дезертирам Совет применял репрессивные меры, но остановить процесс не мог»⁴⁷.

Этот массовый исход становится более понятным, если взглянуть на коллективное письмо командиров ушедших отрядов: Каменева, Бондаренко, Пархоменко, Фомина и др. Его текст идейно выдержан и говорит о том, что перед нами не дезертирство, а политический раскол в среде комсостава, что внутри движения у Соглашения была своя идейная оппозиция. «Мы не хотели мира с большевиками, которые способны обмануть. Мы не желали проливать свою кровь на врангелевском фронте лишь потому, что нашими плодами воспользуются большевики. Мы не признаем их революционерами и боремся с ними, как с государственниками, властителями и законниками...»⁴⁸. Это позиция не кулака или белогвардейца, а непримиримого анархиста.

А главным претендентом на лидера этой оппозиции может быть набатовец и махновский командир с мая 1919 г. Артем Пархоменко, младший брат известного комдива червоных казаков. Можно предположить связь мнения данной группы командиров с оценкой набатовской группы Барона, стоявшей на позиции отрицания красно-махновского союза. Напомню, и Тепер упоминает о наличии оппозиции в РПАУ/м, считавшей, что раньше надо побить большевиков, а потом Врангеля. Но возглавляли ее Попов и Каретников⁴⁹.

А с этих позиций перед нами предстает новая, относительно августа 1920 г., политическая конфигурация внутри САГР и шире, — всего махновского движения. На левом фланге новоспасовцы Белаша с их сторонниками среди комсостава, постоянно требовавшие союза с большевиками. В центре гуляйпольцы во главе с баткой, который не хотел брать на себя ответственность за Соглашение, но и не стал категорически ему препятствовать. Наконец, на правом фланге, — группа Пархоменко, принципиально отказавшаяся от союза с красными, причем, по идейным соображениям.

Какова была политическая платформа группы Пархоменко, остается только догадываться. Вероятнее всего, они стояли на указанной Тепером позиции приоритетности изгнания большевиков с Украины белыми войсками, как это было летом 1919 г., с последующим подъемом всеобщего восстания в тылу Врангеля и возрождением Безвластной трудовой федерации. Но уже, разумеется, без повторения ошибок 1919 г. Надо отметить, что и в такой концепции был свой расчет. Хотя бы на бело-махновские

части Русской армии, которые было легче привлечь на свою сторону. Да и сами войска Врангеля содержали большой процент бывших красноармейцев, что также облегчало восстание масс.

Между тем, СРПУ/м имел большой опыт «дружбы с большевиками, поэтому, даже после показательной казни Матяжа, он не порвал связи с этой оппозицией своей новой линии, а, напротив, «упрашивал их не выступать против Советской власти. И они оставались в местах базирования, не проявляя агрессии. С другой стороны в Повстармию потянулись отряды Савонова, Сыроватского, Колесниченко, Христового⁵⁰. Так что численность РПАУ/м была до определенной степени восстановлена.

Однако, уже во время сеанса связи махновского представительства в Харькове с СРПУ/м 16 октября Куриленко сообщил штабу Повстанческой, что 4-й пункт по настоянию правительства УССР выделен из Соглашения и подлежит обсуждению по партийной линии. Поэтому Куриленко рекомендовал Белашу, чтобы армия воздержалась от наступления и поставила перед Совнаркомом вопрос ребром о подписании 4-го пункта. На что Белаш по наивности ответил, что из-за этой формальности Совет не будет удерживать части, готовые в поход⁵¹.

Для большевиков же возрожденная Повстармия была и нужна и опасна. И они вернулись к своим приемам весны 1919 г., стремились политически обыграть повстанцев, — с помощью Соглашения «убить двух зайцев, — и белых разбить и махновцев обескровить. Командование Южфронта пыталось еще до публикации Соглашения бросить РПАУ/м на участок вероятного прорыва врангелевцев. Как это диктовалось, например, приказом Фрунзе № 0150/с от 17.10.1920 г., согласно которому Повстармия срочно должна была выступить в поход для прикрытия Павлограда и Новомосковска⁵². Таким образом, командование фронта надеялось ослабить Повстармию до вступления Соглашения в силу посредством публикации. Чтобы затем возобновить переговоры с новыми условиями, урезающими вытребованные махновцами права и свободы.

Но Махно все же услышал некоторые рекомендации Куриленко. К 19 октября повстанческие войска прибыли в указанный район, но батька категорически отказался участвовать в боевых действиях, пока не будет опубликовано Соглашение. Аналогичная ситуация сложилась и с приказом Фрунзе, которым махновцы с 22 октября бросались на разгром сильнейшей Александровской группировки противника.

Тогда к батьке был направлен чрезвычайный уполномоченный Коминтерна Бела Кун, который, играя на честолюбии Махно, вручил ему памятный альбом с портретами Исполкома 3-го Интернационала. Дарственная надпись гласила: «борцу за Рабоче-Крестьянскую Революцию тов. Батько Махно⁵³. Таким образом, красные возобновили свою лицемерную практику товарищеских визитов бонз (подобно Каменеву), которая уже предвещала готовящуюся ловушку. По версии Литвинова, Бела Кун приезжал заверить батьку в публикации следующим утром текста Соглашения и тем самым подтолкнуть его к началу александровской операции⁵⁴.

Махно поверил, ринулся в бой и уже к 23 октября полностью разгромил вражескую группировку. Но все заверения красных уполномоченных были лживы изначально. Еще 29 сентября, обсуждая вопрос о переговорах с батькой, ЦК КП(б)У постановил «соглашения не оглашать, ограничиться сообщением после перехода Махно в тыл Врангеля⁵⁵. И 22 октября был опубликован лишь военный раздел Соглашения, а только через неделю — раздел политический. Как замечал Аршинов, в связи с этим весь смысл соглашения был верно понят очень немногими читателями⁵⁶.

В ходе дальнейших боев красное командование продолжило попытки использовать махновцев в качестве штрафной ударной группы. Характерный пример того, как расточительно большевики относились к махновцам — приказ Фрунзе № 0190/с от 20.10.1920 г. о захвате крымских перешейков и их удержании до подхода войск РККА. Согласно приказу, Повстармия не позднее 24 октября должна была уйти за линию фронта, в глубокий рейд в обход мариупольской укрепленной позиции для дезорганизации ее тылов. А в пик красного наступления, не позднее 30 октября, — РПАУ/м должна была захватить крымские перешейки и прорваться вглубь полуострова, ориентируясь при этом на Крымскую повстанческую армию, оперирующую в горных районах⁵⁷.

Данный приказ вызывает несколько важных рефлексий. С первого взгляда видно откровенное пренебрежение судьбой Повстармии, брошенной на самоубийственный захват Перекопа. Литвинов отмечал, что, приступи РПАУ/м к выполнению этого приказа, — она была бы окружена и уничтожена белыми еще на подходе к Крыму. Перед нами все то же отношение красных весны 1919 г., когда командование фронта бросало безоружные махновские полки на конницу

Шкуро, пытаясь тем самым покончить с Повстармией⁵⁸. С другой стороны, перспектива соединения с Крымской партизанской армией выглядела очень соблазнительной. Это сулило объединение с зелеными, и даже привлечение в свои ряды крымско-татарского населения. Ведь в составе Повстармии сражался кавалерийский Крымский полк из татар под командованием Харлампия Общего.

Тем не менее, Белаш указывал, что посчитал эту задачу, — разгромить 4-й корпус Скалона на Перекопе да еще удержать перешеек до подхода красных, — надуманной и невыполнимой. Он доложил Фрунзе свои соображения, что более целесообразно сосредоточиться на уничтожении сил противника в Северной Таврии. На что получил его согласие⁵⁹. Но это не избавило РПАУ/м от дальнейших попыток Южфронта положить повстанцев при взятии Крыма. Такой же убийственный приказ Крымская группа Повстармии получила 5 ноября для форсирования Сиваша, — по высокой воде, без артподготовки и поддержки частей РККА. В этот раз махновцы не уклонились от задания, но из-за прилива вернулись с полдороги назад.

23 октября Повстармия освободила Александровск. 25-го в боях за Гуляй-Поле она понесла значительные потери, — были разбиты два пехполка. Лишь ночью 26-го махновцы смогли освободить свою столицу. После этих потерь штаб Повстанческой отказался немедленно приступить к выполнению приказа о захвате перешейков и потребовал 4-5 дней на перегруппировку, пополнение резервами и боеприпасами⁶⁰. Там же РПАУ/м разделилась на две группы. Основная часть махновских сил была сведена в Крымскую группу войск (полевую армию), а остатки разбитых полков Савонова и Клерфмана составили тыловую группу с базой в Гуляй-Поле.

Крымская группа 29 октября взяла Мелитополь, 8 ноября форсировала Сиваш, а 11-го разгромила основной резерв белых, — кавалерийский корпус Барбовича. После чего Врангель прекратил оборону Крыма и объявил эвакуацию своей армии. Затем 13 ноября Крымская группа заняла Симферополь, а 15-го — Евпаторию, где встала на гарнизонную службу. Кроме того отряды махновцев, входившие в состав красных войск, участвовали во взятии Севастополя, Керчи и Ялты. За время боев потери Крымской группы составили до 6 тыс. убитыми и ранеными⁶¹.

- ¹ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно*. К. 1993., с.442-443
- ² Мельтюхов М.И. *Советско-польские войны*. М. 2001., с.91-93
- ³ Яковлев Я. *Русский анархизм и Великая русская революция*. Харьков. 1921., с.36
- ⁴ Коротков И.С. *Разгром Врангеля*. М. 1948., с.126
- ⁵ Какурин Н.Е., Вацетис И.И. *Гражданская война 1918-1921*. СПб. 2002., с.603
- ⁶ Коротков И.С. *Разгром Врангеля*. М. 1948., с.127
- ⁷ Коротков. с.127
- ⁸ Коротков. с.131
- ⁹ Мельтюхов М.И. *Советско-польские войны*. М. 2001., с.95
- ¹⁰ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно*. К. 1993., с.465
- ¹¹ Аналогичное мнение высказано ранее: Литвинов В. О четвертом (октябрь 1920 года) военно-политическом соглашении между Революционно-повстанческой армией (махновцев) и коммунистическим правительством РСФСР // *International Review of Social History* 32, 1987, с.355 и Чоп В.Н. *Нестор Иванович Махно*. Запорожье. 1998., с.57
- ¹² Аршинов П. *История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории*. М. 1996., с.131
- ¹³ *Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы*. М. 2006., с.200
- ¹⁴ Коротков И.С. *Разгром Врангеля*. М. 1948., с.124
- ¹⁵ Аршинов П. *История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории*. М. 1996., с.115
- ¹⁶ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно*. К. 1993., с.444
- ¹⁷ Волин В.М. *Неизвестная революция*. М. 2005., с.456
- ¹⁸ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно*. К. 1993., с.446
- ¹⁹ Комин В.В. *Анархизм в России*. Калинин. 1969., с.160-161
- ²⁰ Белаш. с.446
- ²¹ Аршинов П. *История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории*. М. 1996., с.115
- ²² Скирда А. *Нестор Махно — казак свободы, ч.2*. Париж. 2001., с.162-163 // здесь и далее страницы указаны по <http://www.makhno.ru/lit/book4.php>
- ²³ Махно Н.И. *На чужбине. Записки и статьи 1923-1934 гг.* Париж. 2004., с.100
- ²⁴ *Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы*. М. 2006., с.475, 591
- ²⁵ *Нестор Махно*. с.475
- ²⁶ *Нестор Махно*. с.476
- ²⁷ *Нестор Махно*. с.478
- ²⁸ *Нестор Махно*. с.483
- ²⁹ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно*. К. 1993., с.449
- ³⁰ Белаш. с.451-452

БЕСПРЕЦЕДЕНТНАЯ ПОБЕДА

- ³¹ Волин В.М. *Неизвестная революция*. М. 2005., с.486
- ³² Фролов М.О. *Компартійно-радянська еліта в УСРР (1917-1922 рр.): становлення і функціонування*. Запоріжжя. 2003., с.64
- ³³ Волин В.М. *Неизвестная революция*. М. 2005., с.485 и примечание переводчика
- ³⁴ Нестор Махно. *Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы*. М. 2006., с.485-486
- ³⁵ Волин В.М. *Неизвестная революция*. М. 2005., с.483
- ³⁶ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно*. К. 1993., с.203
- ³⁷ Нестор Иванович Махно. *Воспоминания, документы и материалы*. К. 1991., с.100
- ³⁸ Литвинов В. О четвертом (октябрь 1920 года) военно-политическом соглашении между Революционно-повстанческой армией (махновцев) и коммунистическим правительством РСФСР // *International Review of Social History* 32, 1987, с.364
- ³⁹ Аршинов П. *История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории*. М. 1996., с.125
- ⁴⁰ Аршинов. с.117
- ⁴¹ Нестор Махно. *Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы*. М. 2006., с.484
- ⁴² Литвинов В. О четвертом (октябрь 1920 года) военно-политическом соглашении между Революционно-повстанческой армией (махновцев) и коммунистическим правительством РСФСР // *International Review of Social History* 32, 1987, с.364
- ⁴³ Голованов В. *Тачанки с юга*. М. 1997., с.399
- ⁴⁴ Нестор Махно. *Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы*. М. 2006., с.493, 498
- ⁴⁵ Нестор Махно. с. 483-484, 494, 496
- ⁴⁶ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно*. К. 1993., с.460-461
- ⁴⁷ Белаш. с.456-457
- ⁴⁸ Белаш. с.457
- ⁴⁹ Тепер И. *Махно. От «единого анархизма к стопам румынского короля*. Харьков. 1924., с.95
- ⁵⁰ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно*. К. 1993., с.457
- ⁵¹ Белаш. с.459
- ⁵² Литвинов В. О четвертом (октябрь 1920 года) военно-политическом соглашении между Революционно-повстанческой армией (махновцев) и коммунистическим правительством РСФСР // *International Review of Social History* 32, 1987, с.373-374
- ⁵³ Махно Н.И. *На чужбине. Записки и статьи 1923-1934 гг.* Париж. 2004., с.101
- ⁵⁴ Литвинов В. О четвертом (октябрь 1920 года) военно-политическом соглашении между Революционно-повстанческой армией (махновцев) и коммунистическим правительством РСФСР // *International Review of Social History* 32, 1987, с.377
- ⁵⁵ *На защите революции. Из истории Всеукраинской ЧК 1917 — 1922. Документы и материалы*. К. 1971., с.188

⁵⁶ Аршинов П. *История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.118*

⁵⁷ Нестор Махно. *Крестьянское движение на Украине 1918 – 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.509-510*

⁵⁸ Литвинов В. *О четвертом (октябрь 1920 года) военно-политическом соглашении между Революционно-повстанческой армией (махновцев) и коммунистическим правительством РСФСР // International Review of Social History 32, 1987, с.378-379*

⁵⁹ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.465*

⁶⁰ Белаш. с.469

⁶¹ Белаш. с.481

МИРНЫЙ ЭТАП РЕВОЛЮЦИИ

Пока группа войск Каретникова штурмовала Крым, задачами тыловой группы стало формирование резервов для полевой армии и становление сетей самоуправления в занимаемых районах. Несмотря на Соглашение, красные держали махновскую вольницу в полублокаде, всячески пытались парализовать в ней самодеятельное общественное строительство. Тыловой группе приходилось развивать максимум энергии для активизации трудящихся. Тогда же СРПУ/м закончил проект «Основных положений о Вольном трудовом Совете»¹.

А представитель РПАУ/м при Южфронте Чарин указывал, что вступление в борьбу с Врангелем было для махновцев лишь средством достижения «безвластного самостоятельного строительства самими рабочими и крестьянами новых форм общественной жизни». Поэтому, очищая районы от врангелевцев, было «необходимо возможно прочнее их за собой закреплять», предоставляя трудящимся этих районов физическую возможность свободного социального строительства². В таком подходе можно видеть один из признаков новой тактики распространения Вольного советского строя без конфликта с Советской властью. Не изгоняя комиссаров и совработников, как весной 1919 г., а устанавливая вольный порядок на землях вновь отвоеванных у белых.

Махновцы понимали, что Советская власть рано или поздно захочет разорвать Соглашение. Но они надеялись, что действие его продлится хотя бы 3-4 месяца, что имело большое значение для широкой агитационной работы в Вольном районе. Как отмечает Аршинов, имелось в виду, «что на почве этого соглашения удастся резко оттенить перед трудовыми массами сущность того, в чем большевики не сходятся с махновцами и из-за чего между ними идет борьба»³.

Здесь важно учитывать и психологический настрой масс. Окончательный разгром белого движения, — это была та цель, ради которой множество сторонников советского строя, но не приемлющих произвола большевиков, терпели все притеснения поли-

тики военного коммунизма. Более терпеть было незачем, и естественной реакцией масс было желание расплатиться со всеми притеснителями «по гамбургскому счету». На это, в частности, указывал член РВС Южфронта Гусев. «Махновцы говорят — теперь можно свергать Советскую власть, красноармейцы говорят — теперь можно убрать неугодных командиров и комиссаров, рабочие говорят — теперь можно бастовать, оппозиция говорит — теперь можно свергать «верхи»⁴.

Несмотря на проташенную Бароном резолюцию 3-й конференции КАОУ против перемирия махновщины с Советской властью, часть набатовцев осталась верна союзу с РПАУ/м и начала сепаратные действия еще до заключения Соглашения. Так, Эмигрант, Алый и Сафьян считали необходимым временное перемирие повстанцев с большевиками, «чтобы махновщина смогла снова выйти на широкую арену борьбы и доказать, что она способна к анархическим экспериментам». Тепер сообщал, что они, «сговорившись с отдельными представителями сов. органов», поехали в качестве мирной делегации к Махно. В то же время, Барон и Мрачный поручили им взять у батьки финансирование подпольной работы и не приступали к реализации планов, пока ждали их возвращения⁵. Но вся эта тройка так и пропала в пути.

Однако, менее чем через месяц после 3-й конференции, неожиданно для самой КАОУ, начались переговоры Махно с Совнаркомом УССР. Сначала это известие набатовцы восприняли враждебно. Но после переосмыслили его с надеждой за время перемирия покрыть густой сетью анархических групп всю Украину⁶. Таким образом, «Набат» в итоге поддерживал Старобельское соглашение и его курс на переход анархистов к легальной политической борьбе.

Набатовцы снова стали играть ведущую роль в махновской агитации. 20 октября в Гуляй-Поле прибыло свыше 100 активистов КАОУ. Петр Рыбин (Рывкин) был кооптирован секретарем в СРПУ/м и занялся организацией курсов пропаганды, для которых было выделено около 170 способных командиров и повстанцев⁷. В руководящую тройку Культпросвета были избраны набатовцы Рыбин, Тепер, Аршинов, последний — председатель. Тепер стал редактором газеты «Путь к свободе». Часть набатовцев была послана на фронт, часть — в тыловые махновские части. Остальные работали в центре⁸. Они же стали костяком формируемых Аршиновым редколлегий анархической прессы. Редколлегии разъезжались по стране: в Киев, Екатеринослав, Елисаветград, Одессу, Полтаву, Кременчуг, Херсон, Николаев, Александровск, Мариуполь, Бердянск, Юзово, Крым, «ставя дело печати и пропа-

ганды анархических идей на должную высоту»⁹. Таким образом, используя 2-й пункт политической части Соглашения о свободе агитации, набатовцы готовили почву к анархическим преобразованиям во всей УССР.

Кроме того, 28 октября СРПУ/м утвердил директивы для уполномоченных по организации махновских отрядов. Директивы предусматривали проведение митингов во всех селах и городах района с целью добровольной мобилизации в Повстармию, формирования пополнений для Крымской группы, а также организации махновцев на местах. В то же время от уполномоченных требовалось строгое соблюдение Соглашения, в частности, не принимать в РПАУ/м бойцов и имущество РККА, дружелюбно вести себя с гражданскими и военными властями большевиков¹⁰.

Это, однако, не мешало махновцам выдавливать из района красных. Так, в м. Петропавловка Павлоградского уезда работники Культпросвета сначала распространяли программы, листовки и газеты, а затем устроили грандиозный митинг, где убеждали крестьян в правильности отказа от продразверстки. И в дальнейшем махновским уполномоченным велась агитация против власти и компартии. В связи с чем местный председатель парткома жаловался, что «работать в такой обстановке и мечтать об укреплении Советской власти на местах немислымо». К тому же, формируемые отряды повстанцев подбивали население разгонять местные власти¹¹.

В контексте агитации Культпросвета против продразверстки можно вспомнить секретную телеграмму Троцкого в адрес ЦК РКП(б), в которой он рассматривал связанный со Старобельским соглашением поворот украинского крестьянства в сторону Советской власти, как предлог к усилению «продовольственной работы»¹². Ленинский режим нуждался в хлебе Вольного района не меньше, чем в махновской кавалерии. Но, по Теперу, Гуляйпольский Совет постановил полный отказ от продразверстки¹³. Значит, в случае сохранения Соглашения и после освобождения Крыма, главным оружием махновцев стали бы не тачанки, а хлеб.

Этим вопросом в сочетании с поддержкой забастовок в промышленности и снабжением рабочих напрямую, в обход большевиков, они могли вынудить Совнарком УССР к серьезным уступкам. В том числе, — к оплате хлеба крестьянам. Чем, в свою очередь, махновцы обеспечили бы себе оглушительную победу во время местных выборов на селе. И столь благоприятная обстановка складывалась накануне выборов на Всеукраинский съезд Советов — высший орган власти в УССР.

В результате Соглашения РПАУ/м получила примерно тот же район, что контролировали махновцы весной 1919 г. От Павлограда на севере, Славянска, Юзовки (Донецка) и Волновахи на востоке, Мелитополя и Бердянска на юге до Екатеринослава и Александровска на западе. И всюду кипело социальное строительство: создавались Вольные Советы, органы народного здравоохранения, образования и самообороны. Явочным порядком вводилась в районе реализация 4-го пункта Соглашения, оставляя Совнаркомку все меньше пространства для дипломатического маневра.

Культпросвет вел усиленную работу в области свободного образования и политического ликбеза для повстанцев. Как формулировал Аршинов, решение школьного вопроса было поставлено в плоскость самоуправления трудящихся, которое взяло в свои руки воспитание молодого поколения. А курсы ликбеза готовили повстанцев к пониманию их революционных задач. В программу курсов обязательно входили теория и практика анархизма и история революционного повстанчества¹⁴. Таким образом, махновцы решали вопрос создания идейно подкованных борцов за Вольный советский строй.

Хотя Советская власть и пыталась препятствовать работе анархистов, настроения масс были для нее угрожающими. Как отмечал Волин, «Интерес и симпатии трудового народа к анархистским идеям и движению оказался выше всех ожиданий. Выйдя из московской тюрьмы и возвратившись на Украину, я был удивлен, увидев, как в нашу харьковскую штаб-квартиру на вечерние собрания приходили целые толпы народа. Каждый раз мы вынуждены были оставлять за дверью несколько сот человек, которым не хватало места. И, несмотря на наступившие холода, многие стояли снаружи, прислушиваясь к каждому слову выступавших, доносившемуся через приоткрытую дверь»¹⁵. При этом Яковлев свидетельствовал, что «руководителем и ответственным уполномоченным политической делегации армии Махно является анархист Волин»¹⁶. Другими словами, за исключением группы Барона, «Набат» в период Соглашения действовал совместно с махновским полпредством и в городах.

Секретариат КАОУ печатал газеты «Набат» и «Голос махновца». Набатовцы развили широкую пропаганду идей ВСС на лекциях, митингах и в печати. Они знакомили население с махновщиной, распространяя «Положение о Вольных Советах» и «Декларацию махновцев». Вместе с членами махновского полпредства, набатовцы выступали на заводах, углубляя забастовки. С помощью

синдикатов они агитировали рабочих против порядков Советской власти, подвергали критике должностных лиц, советские учреждения и парторганизации¹⁷.

За время Соглашения махновско-набатовские пропагандисты открыто выступали во всех промышленных центрах Украины, расшатывая и без того слабое влияние партии и правительства на пролетариат. Особо опасными для режима были открытые диспуты махновцев с коммунистами на глазах многотысячных собраний голодных рабочих. Махновские победы в этих баталиях максимально настраивали пролетариев против большевиков. К примеру, таким был митинг в харьковском цирке, где Попов дискутировал с ответственными работниками ЦК КП(б)У¹⁸.

Харьковская ячейка КАОУ приняла активное участие в ноябрьской забастовке рабочих паровозостроительного завода. По данным ЧК, организаторами забастовки были «анархо-махновцы» Цесник и Рыжик¹⁹. На совместном заседании махновского полпредства с представителями правительства 24 ноября последние потребовали от анархистов сформулировать их отношения к забастовочной борьбе против Советской власти. Также они интересовались возможностью участия махновцев и набатовцев в работе органов хозяйственного управления. Волин забастовку поддержал и от имени «Набата» отказался от участия в работе производственных властей, ссылаясь на анархический идеал самостоятельности масс²⁰. В этой связи, Литвинов указывал на важнейший для данного исследования факт, что, обратившись за помощью к махновцам в деле улаживания конфликта с рабочими и улучшении управления производством, ЦК КП(б)У тем самым признал их огромное влияние и на рабочий класс Украины²¹.

Параллельно махновское полпредство совместно с «Набатом» готовили на 1 декабря крупнейший съезд анархистов советских республик. Его целью было определение дальнейшего направления деятельности анархистов в новых условиях²². Разумеется, речь должна была идти о прекращении вооруженной борьбы и возврате к легальным политическим методам продвижения анархизма, как это практиковалось после февраля 1917 г. Попов с Волиным пригласили на съезд крупнейших анархо-синдикалистов Павлова, Максимова, Ярчука. Причем махновцы указывали, что по Соглашению все советские учреждения должны оказывать содействие их проезду в Харьков²³.

Наконец, в самом «Набате» начались серьезные организационные изменения, подготавливающие Конфедерацию к масштабной политической борьбе. По Белашу, «Набатовская организация на-

чала оживать и строиться по принципу политической партии: в каждом городе во главе группы стоял секретариат, вокруг которого объединялись местные силы»²⁴.

В то же время, одноименный печатный орган «Набата» 4 и 15 ноября, вдруг, опубликовал резолюции 3-й сентябрьской конференции КАОУ, что призывали к свержению Советской власти²⁵. Это был провокационный шаг, который большевики могли интерпретировать, как нарушение Соглашения, и использовать для его расторжения. Вероятно, он может быть объяснен лишь продолжающейся борьбой мнений в рядах самой Конфедерации — за и против Соглашения.

Между тем, Совнарком Украины со дня на день откладывал подписание 4-го пункта, мотивируя это несогласованностью с Москвой. Как ответная мера, махновцы вынесли этот пункт на обсуждение широких масс. В районе распространялись листовки, освещающие этот вопрос, махновцы и набатовцы поднимали его в докладах перед рабочими Харькова. «К середине ноября этот небольшой пункт, укладываемый в три-четыре строчки, стал всюду привлекать к себе массы и в недалеком будущем обещал быть центром их внимания»²⁶.

С другой стороны, уже после разрыва Соглашения, ЧК утверждала, что предъявление ультиматума СПРУ/м к Советскому правительству по вопросу автономии должно было стать сигналом к восстанию. И решение об этом якобы было принято 9 ноября на заседании махновского Совета²⁷. Но махновцы так дорожили Соглашением, что их заговор с целью свержения Советской власти представляется маловероятным. Напротив, Комиссия антимахновских дел прибегала к репрессиям, неадекватно расстреливая повстанцев за проступки, которые могли быть раздуты красными, как нарушение договоренностей. Белаш отмечает, что виновных преследовали, как провокаторов, желающих сорвать Соглашение в пользу Врангеля и Польши²⁸.

Такая предупредительность махновцев, а, заодно, и степень угрозы 4-го пункта для большевистского режима в Украине, станут более понятны, если разобрать перспективы легальной политической борьбы, которые открывало перед анархистами Старобельское соглашение. Как отмечал Литвинов, махновцы с легкостью подписали пункт об отказе от насильственного свержения Советской власти. Им незачем было делать это. Махновцы были уверены, что на будущих выборах в местные Советы и на Всеукраинский съезд Советов они получат абсолютное большинство²⁹.

Думаю, исходя из этой логики, ими была принята и формулировка п.1, п.1 о прекращении преследований махновцев и анархистов, «за исключением вооруженно выступающих против советского правительства». Действительно, если бы СРПУ/м стал опекать и тех из них, кто не принял новую тактику отказа от вооруженной борьбы и перехода к политическому продвижению Вольного советского строя, это было бы удобным предложением для большевиков в любой момент расторгнуть Соглашение.

В ленинской тактике продвижения большевизма период с апреля по июль 1917 г. именовался этапом «мирного развития» революции, когда большевики боролись за симпатии масс и большинство в Советах без попыток насильственного свержения правящего режима. Представляется, что махновцы и набатовцы прибегли к аналогичному приему. В таком случае, их вполне устраивала легитимность Страны Советов, только функционировать эта система должна была в соответствии с махновской концепцией ВСС. И в рамках Старобельского соглашения вырисовывается следующий механизм распространения анархического самоуправления по Украине.

По меткому замечанию В. Чопа, в результате Соглашения «Получалась картина односторонней интеграции в Советскую Украину. Махновцы собирались воздействовать на всеукраинскую политику через Всеукраинские съезды Советов, но сами не допускали к себе систему госаппарата большевиков»³⁰. В таком контексте, сразу после подписания 4-го пункта, махновский район официально стал бы свободным от большевизма генератором анархических идей и полем испытаний механизмов безвластного самоуправления. По мере совершенствования эти идеи и практики распространялись бы на смежные территории, на районы с сильными повстанческими традициями, где местные махновцы также получили бы большинство в Советах.

Напомню, что практически вся Советская Украина была сообществом потенциально махновских районов. Аршинов указывал, что махновщина, как социальное движение украинских тружеников представляла собой широчайшее явление и далеко не ограничивалась историей его главного потока, зародившегося в Гуляйпольском районе. «Дух и лозунги ее всколыхнули большинство губерний Украины... В каждой из них трудящиеся массы пытались осуществить свою независимость в махновском смысле»³¹.

К тому же, по пути летних рейдов 1920 г. РПАУ/м оставляла на местах организаторов с отрядами в 50-60 бойцов. Их целью было объединение вокруг себя местных повстанческих элементов, а

также пропаганда идей 3-й Социальной революции³². Таким образом, к моменту заключения Соглашения, у махновцев были опорные пункты по всей Левобережной Украине. И разосланные 28 октября по губерниям уполномоченные СРПУ/м для организации пополнений уже работали с подготовленным составом. При такой массовости сторонников махновщины они автоматически должны были получить большинство на Всеукраинском съезде Советов. А, значит, махновские делегаты уже в декабре 1920 г. имели возможность начать изменение конституционных основ УССР. Чтобы постепенно, но абсолютно легитимно превратить Украину из государства «диктатуры пролетариата» в Безвластную трудовую федерацию.

Как могло продвигаться это махновское разгосударствление можно видеть в замечаниях Волина касательно Временного правительства. Он указывал, что проводить репрессии и ограничивать свободу слова власть может лишь в том случае, если у нее есть силы, способные исполнять эти приказы³³. В отсутствии таких сил любая власть является фикцией. В таком контексте и видится реформирование Советской власти в Вольный советский строй. Если верховным органом управления в УССР был Съезд Советов, его махновское большинство законным образом могло отобрать у Совнаркома полицию и армию, и власть большевистского режима в Украине зависла бы в воздухе.

Вместо профессиональной армии — повстанческие соединения, вместо милиции — территориальные формирования самоохраны. И обе структуры подчинены Советам. К тому же, законодательное закрепление бюджетной автономии местных Советов лишило бы правительство каких-либо средств на содержание репрессивного аппарата. При реализации таких планов, прямо поволински, подобно Временному правительству, СНК скоро можно было бы назвать «правительство-призрак». Конечно, большевики без боя свои позиции не сдали бы. Но принципиальная схема видится примерно такой.

Возможно, сторонникам анархического романтизма этот подход покажется слишком пресным и даже казенным. Но я уверен, что за три года Гражданской войны махновцы пресытились остротой и соленостью крови. И, напротив, они искренне верили в свободный выбор трудящихся в пользу экономической самостоятельности, вольного труда, который не оставит места насилию власти в новой Стране Советов. Тем более, что с первых программных документов Гуляйпольский союз анархистов стремился применять не военный, а «критический, в партийном смысле слова, способ развития револю-

ции». А все годы кровопролитной борьбы были навязаны махновцам всевозможными армиями государственников, стремившихся насадить в Вольном районе свою власть.

Старобельское соглашение позволяло вернуться к критическому способу развития революции. К тому же, влияние махновщины на тот момент проникло даже в государственные органы УССР. Ряд исследователей движения уже обращали внимание на показательное замечание одного из видных функционеров КП(б)У М. Равича-Черкасского о том, что в 1920 г. махновщиной была заражена вся Украина: части РККА, гражданские и даже партийные организации. «Каждый украинский революционер: большевик, коммунист, левый эсер, — в той или иной мере подвержен этому заболеванию»³⁴.

Отчего и анархизм украинские большевики воспринимали спокойнее, чем их российские товарищи. Показательный пример: 15 ноября ЦК КП(б)У опубликовало разъяснения о соглашении с Махно. В частности, там отмечалось, что анархизм в смысле отрицания всякой государственной власти в период пролетарской революции есть вредная утопия. Но, «если понимать анархизм, как борьбу с бюрократическим централизмом, как развитие самостоятельности трудящихся масс, как стремление у самой массы воспитать сознательное участие в социалистическом творчестве...», в такой пропаганде анархизма Советская власть вреда не видит. При этом ЦК вменял своим ячейкам нейтрализовать работу легальных анархических групп исключительно путем пропаганды³⁵. Другими словами, украинские большевики 1920 г. приветствовали борьбу с централизмом и инициативу снизу, что также играло в пользу новой тактики продвижения ВСС.

Одной из причин проникновении махновского влияния в КП(б)У могла быть ее крайняя неоднородность. До 1920 г. КП(б)У была слаба и малочисленна, и лишь с марта, после объединения с Украинской компартией (боротьбистов), она начала набирать вес и поддержку на селе. По словам Сталина, «Боротьбисты — это такая партия, которая питается соками деревни»³⁶. Но сама УКП(б) образовалась в результате слияния летом 1919 г. украинских эсеров (боротьбистов) с левой группой украинских меньшевиков. А сами боротьбисты были участниками знакового Александровского съезда в Безвластной трудовой федерации³⁷. И еще в конце лета 1920 г. украинский большевизм составляли на 30% выходцы из других партий³⁸. В случае пролонгации Соглашения, эта неоднородность могла стать одним из решающих факторов, с помощью которого махновцы и набатовцы добивались бы демократизации КП(б)У.

А влияние махновских идей в частях РККА ясно показывает р.2.п.2 Соглашения, включенный в него по настоянию Советского правительства. По этому пункту РПАУ/м отказывалась принимать в свои ряды красные части и дезертиров из них³⁹. Понимание махновской «пандемии» в войсках УССР и позволило батьке с Каретниковым в воззвании от 1 октября требовать от повстанцев вливаться в ряды Красной армии. А тех, кто откажется, — СРПУ/м обещал считать изменниками повстанческому делу, борющимися с братьями-повстанцами в РККА.

Разумеется, как и в январе 1920 г., батька не доверял красным. А здесь можно видеть попытку махновцев установить контроль над войсками Южфронта путем насыщения их организованным повстанческим пополнением. Как указано в воззвании, «Переход повстанческих групп и отдельных отрядов в ряды Красной армии должен произойти организованно...»⁴⁰. Эта догадка косвенно подтверждается и контактами махновского Совета с ключевыми соединениями РККА, участвовавшими в крымской кампании.

Ярким примером популярности махновщины в частях фронта явились действия 30-й красной дивизии, состоявшей из бывших сибирских повстанцев. В период боев за Северную Таврию она разоружила своих командиров и политкомов и 26 октября приехала делегацию к СРПУ/м, которая заявила, что дивизия считает себя махновцами и просит разрешения влиться в Повстармию. Причем, сибиряки поставили вопрос ребром. «Мы все революционеры и сибирские повстанцы. Между нами есть много анархистов, которые присоединяются к вам. Если вы революционеры, должны принять...». Махновскому Совету и штабу с трудом удалось отговорить делегацию, чтобы не нарушать Соглашение. Но идейно эта дивизия уже стала махновской.

А после легендарного разгрома 1-м пулеметным полком РПАУ/м кавалерийского корпуса ген. Барбовича авторитет Повстармии среди красноармейцев стал таков, что занимавшая Симферополь и Севастополь кавалерия 2-й Конармии называла себя махновцами⁴¹.

Наконец, главный пример, как авторитета анархистов в войсках Южфронта, так и веры набатовцев в перспективы Соглашения, приводит Волин. В штаб-квартиру харьковской группы «Набат» ночью пришли делегаты от красных полков и предложили помощь частей столичного гарнизона в свержении Совнаркома УССР. «Мы просим анархистскую партию быть заодно с нами, поручить нам действовать от ее имени, чтобы арестовать нынешнее правительство» и провозгласить анархическое правительство Украины⁴². И хотя Волин с товарищами отклонили предложение и объяснили крас-

ноармейцам невозможность «анархического правительства», само предложение показывает настроение рядовой массы РККА и реальную возможность антибольшевистского переворота.

Между тем, сразу после взятия Крыма, 15 ноября совместное заседание СРПУ/м и местной группы «Набат» в один голос выразило уверенность, что красные не подпишут 4-й пункт Соглашения и не предоставят самоуправление Гуляйпольскому району. Как отметил Рыбин, «Большевики никогда не позволят нам самоуправляться, не допустят, чтобы в государственном организме было место, зараженное безвластием. Нам надо готовиться, чтобы силой оружия отстоять независимость района и дальнейшее развитие анархического строя». Белаш особо подчеркивал, что до этого собрания СРПУ/м вел честную игру с большевиками, соблюдая правила Соглашения. Теперь же надо было вооружаться и готовиться отстоять 4-й пункт⁴³.

Обе стороны стали готовиться к разрыву Соглашения. Только если большевики стягивали в Вольный район войска и засылали в расположение РПАУ/м агентов с целью ликвидации лидеров движения, махновцы налаживали связи с ключевыми соединениями Южфронта и усиливали формирование новых отрядов с целью отстоять завоеванный договор.

Подобно сибирякам 30-й дивизии РККА, с аналогичным требованием взять их под свое командование приезжали к махновцам и делегаты 42-й дивизии. Той, что так жестоко подавляла махновщину весной 1920 г. Остается только догадываться, какой переворот в сознании части ее бойцов произошли за это время. Вероятно, эта перемена была связана с тем, что личный состав дивизии был практически выбит в сентябрьских 1920 г. боях с врангелевцами. Наиболее тесные контакты в 42-й дивизии махновцы завязали с комполка Глазуновым, который брался в случае начала боевых действий против большевиков арестовать штаб дивизии.

Кроме того, практически омахновилась 2-я Конармия Миронова. Ее части вели с СРПУ/м тайную переписку и готовы были восстать по первому сигналу. Взаимодействие со 2-й Конной стало настолько плотным, что маршевые эскадроны, шедшие на пополнение армии с Кавказа, по приказу Миронова уходили в Гуляйпольский район и вливались в махновские части. В 20-х числах ноября в тыловую группу РПАУ/м влилось 16 эскадронов 2-й Конармии⁴⁴. Здесь же стоит учитывать, что в конце сентября Миронов просил и, скорей всего, получил пополнение армии из пленных донцов и кавказцев Врангеля⁴⁵. И у них вполне могло сохраниться прошлое отношение к большевикам.

С 11 ноября махновские агитаторы начали обработку и 1-й Конармии. В результате чего бригада Маслакова изъявила желание перейти под командование штаба Повстанческой, а сам комбриг уверял, что поднимет за собой всю армию. Вспомним, что и Конармия Буденного до 40% состояла из бывших казаков корпусов Мамонтова и Шкуро. Переход на сторону махновцев 30-й и 42-й дивизий, а также частей 2-й и 1-й Конармий, этих четырех ключевых соединений Южфронта обеспечивал СРПУ/м успех в борьбе на юге⁴⁶. А по информации члена РВС Южфронта Гусева, махновское влияние чувствовалось также в некоторых дивизиях 6-й и 4-й армий⁴⁷.

Сам махновский Совет, в дополнение к ранее направленным уполномоченным, уже после победы над Врангелем, 16 ноября разослал старых командиров с официальными мандатами на формирование пополнений и переброску их на крымский фронт. Командиры разъехались по родным районам и губерниям, где пользовались авторитетом. Вместе с официальным мандатом они получили секретное распоряжение, по которому их маршевые отряды должны были развернуться в боевые части в случае разрыва Соглашения большевиками. А сама тыловая группа РПАУ/м в результате мобилизации и пополнения мироновской кавалерией к 23 ноября выросла до 10 тыс. штыков и 3 тыс. сабель⁴⁸. Переброска махновских пополнений «на крымский фронт» после полного захвата полуострова красными выглядела явно угрожающей. И сводка Александровского губернского ревкома на 23 ноября указывала, что Махно формирует войска для разоружения Красной Армии в Крыму⁴⁹.

Эти опасения не были беспочвенными. Вспомним, что Крым рассматривался СРПУ/м в качестве одной из приоритетных территорий, — кандидатов на проведение своего социального эксперимента. А в условиях Соглашения он же становился еще одним претендентом на создание анархического федерального субъекта или запасным вариантом в случае пробуксовки автономии Гуляйпольского района.

В таком контексте первым тревожным сигналом для большевиков стало начало махновской агитации на полуострове сразу после разгрома Врангеля. По словам ветерана 15-й Сивашской дивизии А. Бурбэ, «махновская армия, забравшись вместе с нашими частями в Крым, начала свою антисоветскую пропаганду даже в центре расположения высших штабов войск в г. Симферополе»⁵⁰. И, действительно, листовка отделения махновского Культпросвета в Симферополе от 15 ноября 1920 г. разъясняла, что «советский строй не есть власть социал-демократов, коммунистов-большевиков, а есть высшая форма безвластного антигосударствен-

ного социализма, выражающего собой организацию свободного, счастливого и от властей независимого строительства общественной жизни трудящихся»⁵¹.

В борьбе за Крым махновцам благоприятствовали несколько обстоятельств. Во-первых, красный террор, развернутый сразу после захвата полуострова. В Крыму и до революции преобладало мелкобуржуазное население. За годы войны сюда же бежали «бывшие» со всей России — дворяне, чиновники, офицеры. Ленин рассматривал их как потенциальный источник спекуляции и шпионажа. Поэтому «товарищи» по очистке полуострова были наделены чрезвычайными полномочиями⁵². Массовые казни проходили по приказу Бела Куна и его секретаря Р. Самойловой (Землячки). За расстрелами офицеров и чиновников пошло уничтожение мирного населения: врачей, медсестер, учителей, инженеров, священников, крестьян. В Севастополе были казнены 500 портовых рабочих, что помогали погрузке на суда войск Врангеля. Людей стреляли, рубили, топили, вешали в огромных количествах⁵³. Понятно, чью бы сторону заняло крымское население в случае конфликта махновцев с большевиками. Тут же надо учитывать, что на полуострове оставалось огромное число не эвакуированных солдат Русской армии.

Потенциальным союзником махновцев была и Крымская повстанческая армия, состоявшая из так называемых «зеленых» повстанцев. Еще вчера сражавшиеся против Врангеля, зеленые встали на борьбу с красным террором. Позднее они даже выкрали и казнили одного из организаторов террора, — Самойлову⁵⁴. Сама Крымская армия была на тот момент достаточно серьезной боевой силой, — захватила Симферополь до подхода махновцев и частей РККА. Причем, по свидетельству Герасименко, зеленые от Крыма до Темрюка и Тамани «считали себя только махновцами и редко коммунистами»⁵⁵.

Вероятно, поэтому летом 1920 г. для руководства Крымской армией Южфронт направил анархиста Мокроусова⁵⁶. Хотя с 1919 г. Мокроусов и служил командиром РККА, он, по свидетельству Тепера, продолжал пользоваться авторитетом и в анархических кругах. Вспомним, как в конце мая 1920 г. Секретариат КАОУ направлял его к председателю СНК УССР Раковскому с целью прозондировать вопрос перемирия с Махно⁵⁷. И после войны Мокроусов не порывал связи с движением. В 1921-1924 гг. он работал в коммуне под Симферополем, состоявшей из бывших анархистов⁵⁸. И, будь у махновцев больше времени для агитации в Крыму, они имели все шансы вовлечь в свое движение Мокроусова с Крымской армией.

С другой стороны, надо помнить, что восстание против большевиков не входило в планы махновцев. Читаем дословно 4-й пункт — «организация в районе действий махновской армии» Вольных Советов. То есть речь не только о Гуляйпольском районе. Крым, где действовала группа Каретникова, также подпадал под этот пункт. Отсюда, и, ввиду ожидаемого со дня на день подписания 4-го пункта, Культпросвет полевой армии вполне логично развернул свою пропаганду в Симферополе, как центре будущего анархического федерального субъекта.

А указанные выше переговоры с частями РККА были направлены не на насильственное свержение режима, а на указанное губревкомом «разоружение» красных в Крыму. Но разоружение идеологическое, разложение ключевых соединений Южфронта, подобно тому, что проделали со старой армией большевики в 1917 г. Махновцы пытались обезоружить режим в его возможной попытке нарушить Соглашение, хотели лишить большевиков возможности напасть на РПАУ/м главными силами Южфронта. При отказе этих частей выступить против махновцев, Фрунзе не отважился бы ни на ликвидацию Крымской группы Каретникова, ни на штурм Гуляй-Поля.

Дальше — больше. Принимая во внимание, что свыше половины бойцов Южфронта не имело зимнего обмундирования и, значит, зимняя кампания в Крыму была для фронта немислима⁵⁹, можно смело предполагать, что махновский эксперимент на полуострове имел бы примерно 4 месяца в запасе. Исключая зиму-весну 1919 г., махновщина ранее не получала таких длительных передышек для мирного строительства. И можно только догадываться, каких результатов в деле становления Вольного советского строя в Крыму мог добиться за это время энергичный СРПУ/м.

Опять же, для «чистки» и восстановления дисциплины в «омахновившихся» частях РККА красному командованию надо было выводить их из состава фронта. А замена такой массы войск требовала длительного времени, что также играло на руку махновцам. Прибавим сюда возгорание зимой 1920-1921 гг. целой череды крупных крестьянских восстаний, закончившейся в марте Кронштадтским мятежом в самом сердце РСФСР, и становится ясно, что большевикам в этот период не удалось бы собрать никаких верных режиму сил для подавления махновщины.

Поэтому махновский Совет до последней возможности пытался сохранить Соглашение. Так 24 ноября его представители встретились с представителем ЦК и Южного фронта Мартыненко. Рыбин от имени СРПУ/м предложил большевикам невероятно выгодное условие: в обмен на подписание 4-го пункта об автоно-

мии Гуляйпольского района Повстармия обязалась выступить в Турцию на помощь восстанию Мустафы Кемалю. На что Мартыненко уверил, что в Москве с 4-м пунктом уже все решено и документ вот-вот будет оформлен правительством УССР⁶⁰. Обнадеживало махновцев и то, что переговоры по 4-му пункту перешли в плоскость практической детализации. Согласно последующим показаниям Попова президиуму ВЧК 25 ноября на совместном заседании махновских представителей с В. Затонским и Яковлевым была выработана редакция пункта, устраивающая обе стороны⁶¹. Но произошло это лишь за несколько часов до нападения большевиков на махновцев и анархистов.

При наличии громадной военной машины РККА Советской власти была не страшна махновщина, объявленная вне закона. Но она становилась решительным приговором ленинскому режиму в качестве легальной, находящейся в правовом поле государства политической силы. После ликвидации Советов крестьянских депутатов, а потом и Союзов трудового крестьянства, Старобельское соглашение впервые открыло крестьянам путь легальной политической борьбы за свои интересы. Большевики понимали это и боялись махновщины настолько, что пошли на грязные подтасовки и вероломное нападение, лишь бы удержать власть.

Так еще 23 ноября в Пологах и Гуляй-Поле махновцы схватили агентов контрразведки 42-й дивизии. Их заданием было установить места обитания руководителей движения. Чтобы после захвата этих пунктов красными войсками указать, где они скрываются. Возмущенный СРПУ/м послал Раковскому и РВС Южфронта требование немедленно арестовать зачинщиков заговора. На что правительство УССР ответило, мол, это недоразумение, для выяснения которого предлагалось создать смешанную комиссию⁶². А тем временем, 24 ноября на квартиру Махно, где руководители движения отмечали какой-то праздник, прибыли террористы ЧК с бомбами, но были схвачены и расстреляны⁶³.

Уже 25 ноября Волину было поручено выяснить у председателя Совнаркома УССР Раковского причину проволочек с подписанием 4-го пункта. Большевистский лидер Украины лично принял Волина и заверил, что переговоры Харькова с Москвой завершаются, и результат надо ждать со дня на день. Между тем, в столе Раковского уже лежал приказ о разгроме анархистов и махновцев⁶⁴. За считанные часы до нападения большевистские бонзы продолжали открыто лгать о чистоте своих намерений. В ночь на 26 ноября в Гуляй-Поле прибыл махновский командир Клейн, ко-

торый привез из Харькова деньги, оружие, амуницию и заверения правительства в подписании 4-го пункта⁶⁵. Наконец, еще в 9 утра 26 ноября секретарь СРПУ/м Рыбин получал по телефону из Харькова от руководства УССР заверения в дружбе и в ближайшем подписании 4-го пункта. А там уже 6 часов, как начались повальные аресты махновцев и анархистов⁶⁶.

Белаш указывал, что за время Соглашения анархо-коммунистическим активистам дали возможность проявиться, и ЧК всех их взяла на учет. Как следствие, после вероломного разрыва Соглашения, чекистами в Харькове был арестован весь Секретариат КАОУ «Набат»: Волин, Коган, Барон, Мрачный, Готман и др. Там же было арестовано и махновское полпредство: Попов, Буданов, Хохотва, а также находившиеся на излечении командиры, — всего 346 человек. Ликвидированы организации анархистов в Киеве и других городах⁶⁷. Степень страха большевиков перед перспективами Соглашения демонстрирует широта арестов. В Харькове на анархистов устраивали облавы и засады. Причем, арестовывали не только их самих, но и их знакомых. Отправляли в ЧК всякого, кто заходил купить книжку в анархическую лавку «Свободное Братство», и даже тех, кто читал развешанную на стенах легальную газету «Набат». А в Елисаветграде по обвинению в анархизме были схвачены подростки от 15 лет⁶⁸.

Но яснее всего продемонстрировал трусливую подлость режима тот позорный спектакль, которым большевики пытались маскировать свое вероломство. С 16 ноября, неожиданно оборвалась телеграфная связь Гуляй-Поля с Крымом⁶⁹. С этих пор штаб Повстанческой не имел вестей о судьбе своей полевой армии. А уже 17 ноября, аналогично сценарию января 1920 г., Крымская группа войск РПАУ/м получила приказ Фрунзе соединиться с 9-й дивизией для переброски на Кавказ⁷⁰. 20 ноября «фронтовые части Повстанческой армии» отказались его выполнить. Вероятно, по той причине, что это не входило в согласованный план союзных действий Повстармии и РККА, а подтверждения приказа из Гуляй-Поля Каретников получить не мог.

Тогда 23 ноября был издан приказ РВС Южного фронта о роспуске Повстармии и реформировании ее отрядов в регулярные части РККА⁷¹. В качестве обоснования подобной меры приводились менее десятка примеров нападений бандитов на красноармейцев, что никак не может рассматриваться в качестве серьезной причины. Мало того, примеры эти были рассчитаны на стороннюю публику, так как все они ранее разбирались Фрунзе, Раковским и махновским полпредством в Харькове. И была уста-

новлена непричастность РПАУ/м к этим инцидентам⁷². В тот же день штаб Крымской группы получил приказ Фрунзе о ее включении в состав 4-й армии РККА, которая должна была начать переформирование частей полевой армии махновцев. А после отказа штаба Каретникова, мотивированного несоответствием приказа р.2, п.1, Старобельского соглашения, он сам и начштаба Петр Гавриленко были вызваны в штаб Фрунзе в Мелитополе, схвачены и расстреляны⁷³.

Мало того, что требование роспуска Повстармии перечеркивало все пункты политической части Соглашения приказом какого-то командующего фронтом. Если в январе 1920 г. приказ о переброске под Гомель был лично передан махновскому ВРСовету, в ноябре большевики побоялись сделать это. По Аршинову, штаб Повстанческой узнал об этих приказах лишь 27 ноября, через день после нападения войск РККА на махновцев, из изъятых у пленных красноармейцев антимахновских листовок. А прочли приказы и вовсе через 3-4 недели из случайно попавшихся газет⁷⁴.

Тем не менее, командуж Фрунзе, как последний фигляр, разыграл целую комедию, мол, до 26 ноября он ждет ответа махновцев на приказы. Но вместо ответа, якобы начались выступления махновских отрядов, после чего, в 01.30 ночи он издал приказ войскам фронта ликвидировать махновщину⁷⁵. Правда, по версии Белаша, приказ по армиям Южного фронта от 24.11.1920 г. с упоминанием выше названных приказов, был передан штабу РПАУ/м вечером 25 ноября махновским контрразведчиком Мирским. А приказ Фрунзе о нападении на махновцев повстанцы перехватили по телеграфу той же ночью 26 ноября⁷⁶. Но сути вопроса это не меняет, — ни один из названных приказов не был вручен махновцам официально.

Как справедливо отмечает Литвинов, если бы приказ с перечислением инцидентов был доведен до сведения повстанцев в указанные в приказе сроки, они без труда опровергли бы эти обвинения⁷⁷. А, значит, своей контрпропагандой свели бы на нет большевистский миф о разрыве Соглашения махновцами, развеяли видимость законности нападения на них. Вспомним, какое влияние имели повстанцы на соседние части РККА во время крымской операции, как всадники Миронова называли себя махновцами. Учтем недавние переговоры штаба РПАУ/м с ключевыми соединениями Южфронта и их решимость действовать солидарно с махновцами. Причем, подтверждено это было уже в процессе операции РККА против Повстармии братанием бойцов 9-й кавдивизии с прорывавшимися повстанцами Крымской группы⁷⁸. И станет совершенно ясно, что командованию фронта не удалось бы вывести на разгром РПАУ/м

достаточное количество полков. И можно себе лишь представить, какую ложь вливали комиссары в уши тем самым красноармейцам перед нападением на махновцев.

За отказ выполнить незаконные приказы и сфабрикованное выступление махновцев против РККА уже к 11 часам 26 ноября Гуляй-Поле было блокировано красными войсками, и начат ураганный обстрел из орудий и пулеметов. Одновременно было совершено нападение на Крымскую группу под Евпаторией. Тщательно и секретно спланированная операция против махновцев и анархистов по всей республике от Харькова до Крыма также свидетельствует о том, сколь опасным считали этого врага коммунисты. На разгром Повстармии были брошены огромные силы, — части 4-й, 13-й, 6-й общевойсковых, а также 1-й и 2-й Конных армий, — 5 регулярных армий РККА с приданными им войсками внутренней службы и другими вспомогательными формированиями. Всего более 350 тыс. личного состава с бронепоездами, броневиками, артиллерией и авиацией⁷⁹. И все это против небольшой РПАУ/м, с потрепанным корпусом Каретникова, тыловой группой и формируемыми пополнениями насчитывавшей максимум 20 тыс. бойцов.

Ведомая ярким военным талантом батьки и старых махновских командиров, РПАУ/м избежала полного уничтожения, хотя на выходе из Крыма и погибла основная часть группы войск Каретникова. И после еще более полугода армиям большевиков не удавалось раздавить анархическое повстанчество, а Махно безнаказанно громил многократно превосходящие силы коммунистогосударственников. Повстанцы захватывали города, проявляли чудеса изобретательности и храбрости, пленения ими чудом удалось избежать Буденному и Фрунзе. Вот только всеми этими подвигами они уже не могли вернуть возможность становления в Украине Вольного советского строя, которая под корень была срезана в те трагические дни ноября 1920 г.

¹ Аршинов П. *История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории*. М. 1996., с.119

² Нестор Махно. *Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы*. М. 2006., с.502

³ Аршинов П. *История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории*. М. 1996., с.122

⁴ Нестор Махно. *Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы*. М. 2006., с.528

⁵ *Отдельный вопрос — этическая оценка такого поручения Барона после продавленных им решений 3-й конференции против махновщины*

- ⁶ Тепер И. Махно. От «единого анархизма» к стопам румынского короля. Харьков. 1924., с.102-104
- ⁷ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.482
- ⁸ Тепер И. Махно. От «единого анархизма» к стопам румынского короля. Харьков. 1924., с.111
- ⁹ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.483
- ¹⁰ Белаш. с.471
- ¹¹ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.507-508
- ¹² Нестор Махно. с.499
- ¹³ Тепер И. Махно. От «единого анархизма» к стопам румынского короля. Харьков. 1924., с.111
- ¹⁴ Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.119-120
- ¹⁵ Волин В.М. Неизвестная революция. М. 2005., с.489-490
- ¹⁶ Яковлев Я. Махновщина и анархизм // Красная новь № 2, 1921., с.254
- ¹⁷ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.483
- ¹⁸ Литвинов В. О четвертом (октябрь 1920 года) военно-политическом соглашении между Революционно-повстанческой армией (махновцев) и коммунистическим правительством РСФСР // International Review of Social History 32, 1987, с.394-395
- ¹⁹ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.536
- ²⁰ Яковлев Я. Махновщина и анархизм // Красная новь № 2, 1921., с.254-255
- ²¹ Литвинов В. О четвертом (октябрь 1920 года) военно-политическом соглашении между Революционно-повстанческой армией (махновцев) и коммунистическим правительством РСФСР // International Review of Social History 32, 1987, с.395-396
- ²² Волин В.М. Неизвестная революция. М. 2005., с.490
- ²³ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.528
- ²⁴ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.483
- ²⁵ Яковлев Я. Махновщина и анархизм // Красная новь № 2, 1921., с.254
- ²⁶ Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.122
- ²⁷ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.537
- ²⁸ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.484
- ²⁹ Литвинов В. О четвертом (октябрь 1920 года) военно-политическом соглашении между Революционно-повстанческой армией (махновцев) и коммунистическим правительством РСФСР // International Review of Social History 32, 1987, с.367
- ³⁰ Чоп В. Нестор Иванович Махно. Запорожье. 1998., с.59
- ³¹ Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.162

- ³² Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно*. К. 1993., с.428-429
- ³³ Волин В.М. *Неизвестная революция, 1917-1921*. М. 2005., с.99
- ³⁴ Равич-Черкасский М. *Махно и махновщина*. Екатеринбург. 1920., с.19
- ³⁵ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно*. К. 1993., с.482
- ³⁶ цит. по Фролов М.О. *Компартійно-радянська еліта в УСРР (1917-1922 рр.): становлення і функціонування*. Запоріжжя. 2003., с.62
- ³⁷ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно*. К. 1993., с.321
- ³⁸ Фролов М.О. *Компартійно-радянська еліта в УСРР (1917-1922 рр.): становлення і функціонування*. Запоріжжя. 2003., с.100
- ³⁹ Аршинов П. *История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории*. М. 1996., с.117
- ⁴⁰ Нестор Махно. *Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921*. Документы и материалы. М. 2006., с.484
- ⁴¹ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно*. К. 1993., с.469, 485
- ⁴² Волин В.М. *Неизвестная революция, 1917-1921*. М. 2005., с.152. Вслед за А. Гореликом и комментатором книги А. Дубовиком, я склонен относить это событие к осени 1920, а не к 1919 г. Весной 1919 г. большевики только утверждались в Украине, а осенью того же года она вообще была территорией деникинцев и махновцев. Так что данные события могли иметь место только осенью 1920 г.
- ⁴³ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно*. К. 1993., с.483-484
- ⁴⁴ Белаш. с.485-487
- ⁴⁵ Филипп Миронов. *Тихий Дон в 1917 — 1921 гг. Документы*. М. 1997., с.503
- ⁴⁶ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно*. К. 1993., с.485-486
- ⁴⁷ Нестор Махно. *Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921*. Документы и материалы. М. 2006., с.528
- ⁴⁸ Белаш. с.485-486
- ⁴⁹ Нестор Махно. *Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921*. Документы и материалы. М. 2006., с.537
- ⁵⁰ 15-я Сивашская дивизия. Николаев. 1923., с.121
- ⁵¹ Нестор Махно. *Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921*. Документы и материалы. М. 2006., с.527
- ⁵² Омельчук Д.В. и др. *Политические репрессии в Крыму (1920-1940 годы)*. Симферополь. 2003., с.9-15
- ⁵³ Мельгунов С.П. *Красный террор в России 1918 — 1923*. м. 1990., с.66-68
- ⁵⁴ Мельгунов. прим.119, с.66
- ⁵⁵ Герасименко Н.В. *Батько Махно. Мемуары белогвардейца*. М. 1990., с.86-87
- ⁵⁶ Мокроусов А. *Красные партизаны Крыма // Перекоп. Сборник воспоминаний*. М. 1941., с.65
- ⁵⁷ Тепер И. *Махно. От «единого анархизма» к стопам румынского короля*. Харьков. 1924., с.74-75
- ⁵⁸ Дубовик А. *Именной указатель // Волин В.М. Неизвестная революция, 1917-1921*. М. 2005., с.581-582
- ⁵⁹ Чоп В. *Нестор Иванович Махно*. Запорожье. 1998., с.61
- ⁶⁰ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно*. К. 1993., с.487

- ⁶¹ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.591-592
- ⁶² Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.123
- ⁶³ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.487
- ⁶⁴ Волин В.М. Неизвестная революция. М. 2005., с.492-493
- ⁶⁵ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.489
- ⁶⁶ Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.123
- ⁶⁷ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.492
- ⁶⁸ Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.127-128
- ⁶⁹ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.501
- ⁷⁰ Литвинов В. О четвертом (октябрь 1920 года) военно-политическом соглашении между Революционно-повстанческой армией (махновцев) и коммунистическим правительством РСФСР // *International Review of Social History* 32, 1987, с.381
- ⁷¹ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.532-533
- ⁷² Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.125
- ⁷³ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.502
- ⁷⁴ Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.124, 127
- ⁷⁵ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.535
- ⁷⁶ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.487, 489
- ⁷⁷ Литвинов В. О четвертом (октябрь 1920 года) военно-политическом соглашении между Революционно-повстанческой армией (махновцев) и коммунистическим правительством РСФСР // *International Review of Social History* 32, 1987, с.391
- ⁷⁸ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.503
- ⁷⁹ Белаш. с.491

ПОЛЕ СХОЖДЕНИЙ

Ради самосохранения власть всегда шла и будет идти на самые страшные преступления в истории человечества. На это указывал уже Бакунин: «Государство именно и значит насилие, господство посредством насилия, замаскированного, если можно, *а, в крайнем случае, бесцеремонного и откровенного*»¹ (курсив мой — В.А.). Это понимали и махновцы осенью 1920 г., поэтому и стремились разложить агитацией РККА, как орудие преступления в руках государства.

Почему этого сделать не удалось? Сказался лишь фактор времени или, чтобы предупредить коварные планы власти, анархист должен поставить себя на ее подлую циничную позицию, чего махновцы сделать не могли чисто в силу мировоззрения? Определить это теперь невозможно. Но можно очертить упущенные возможности Соглашения, просчитать потенциальных союзников и попытаться понять причину поражения. Без этого рассказ о проекте Вольного советского строя и его потенции изменить историю Украины, советских республик, а, возможно, и мировой цивилизации будет далеко не полным. И, напротив, подобное моделирование позволит лучше усвоить уроки анархизма времен Гражданской войны и ответить анархистам на многие вызовы современности.

Пример Крыма ясно показывает, что в очагах сопротивления большевистскому режиму махновцы имели потенциальную возможность обрести союзников и, в случае сохранения Соглашения, уже в конце 1920 — первой половине 1921 гг. создать единый политический фронт, широкую антибольшевистскую коалицию. По окончании Гражданской войны и ввиду отсутствия перспектив смягчения ленинской политики на селе с осени 1920 г. советские республики накрыла новая волна повстанческих выступлений, совокупность которых современные исследователи характеризуют, как величайшее крестьянское восстание со времен Пугачева².

Повстанчество этого периода, выдвигало лозунги близкие идеям ВСС, в частности, наиболее распространенное требование «Советов без коммунистов». Эта тема широко освещена в работах историков³. И я ограничусь лишь констатацией

массовых народных восстаний, вынудивших Советскую власть перейти от ПВК к новой экономической политике (НЭП). После официального завершения Гражданской войны за пределами махновщины крупнейшими очагами сопротивления большевизму стали Тамбовское восстание (антоновщина), Кронштадтский мятеж и Западно-Сибирское восстание с множеством очагов между ними.

Здесь надо учитывать, что анархисты рассматривали русскую революцию, как широчайшее движение трудящихся масс, для которого ленинский режим был не естественным продуктом, а наиболее гибкой и упорной формой реакции. Сама же эта революция виделась Аршинову в разнообразном спектре проявлений на просторах России. Она «захватила каждую деревню и фабрику, достигла высшего своего проявления в революционном повстанчестве, перекинулась вновь в ряд губерний Восточной России и в феврале-марте 1921 г. вспыхнула кронштадтским движением»⁴.

Причем, низовые повстанческие движения, поднимавшиеся в разных уголках советских республик, анархисты считали потенциальной базой развития самоуправления трудящихся, близкого махновской идее Вольных Советов. А легализация по Старобельскому соглашению анархических организаций во всех республиках открывала путь к выходу этих локальных движений на легальную политическую арену под знаменем анархизма. Отсюда вполне логично моделировать сближение махновщины с этими движениями, под какими бы флагами и партийными вывесками они не выступали.

Это предположение подтверждает сам батька, который летом 1921 г., в поисках новых союзников для борьбы с красными, изменил свои взгляды настолько, что в Декларации независимости Украины поставил задачей объединение махновщины в вольное соглашение с эсерами, меньшевиками и Петлюрой. Он хотел использовать низы этих партий для своей новой политики⁵. Да и ранее махновский Совет демонстрировал гибкость подходов, когда дело касалось целей текущего момента, гибкость, позволявшую ему заключать союзы даже с идеологически отдаленными силами.

Например, неоднократные соглашения с ленинским режимом, который в период ПВК был наиболее безжалостным врагом трудового самоуправления, продвигаемого махновцами. Или союз с Петлюрой ради отпора денкинской, который, однако, не мешал махновцам оставаться верными своим идеалам, а Культпросвету вести анархическую пропаганду в рядовой массе армии УНР. Наконец, перед самым разрывом Старобельского соглашения,

СРПУ/м обсуждал с представителями Совнаркома УССР уход Повстармии в Турцию, на помощь восстанию Мустафы Кемаля (Ататюрка)⁶. Притом, что сам Ататюрк был турецким генералом и председателем Временного правительства.

Открытость махновцев к тактическим союзам обещала широкую перспективу их объединения с оставшимися антибольшевистскими силами. Так, по поводу коалиции анархистов и левых эсеров в махновском ВРСовете осени 1919 г. Тепер указывал, что фракция левых эсеров существовала только на бланках. По выступлениям и печатным текстам ее было трудно отличить от анархистов⁷. Это говорит в пользу того, что неонародническое эсеровское движение было способно к идейному драйву в сторону анархизма. Что, вероятно, обусловлено их генетическим родством, общим происхождением из революционного народничества.

На этой основе союзные отношения у махновцев могли сложиться и с другими эсеровскими объединениями. В первую очередь, с ближайшим к Вольному району крупным очагом крестьянского повстанчества — антоновщиной, охватившей уезды Тамбовской и Воронежской губерний. Вероятность чего увеличивали уже состоявшиеся практические контакты.

Так, лидер последней антибольшевистской оппозиции в махновщине Пархоменко, после ухода из РПАУ/м, двинул со своим соединением в центр антоновщины — Кирсановский уезд. Правда, политические переговоры анархистов с эсерами потерпели фиаско. По рассказу Пархоменко, Антонов «со своей партией выдвигал лозунги учредилки и союза трудового крестьянства, не желая принять наши». Но они заключили военный союз, по которому Антонов остался на Тамбовщине, а Пархоменко ушел в Воронежскую губернию. К 20 января соединение Пархоменко превратилось в целую армию — 30 тыс. бойцов. Но вскоре началось крупное наступление красных, армия не выдержала двухнедельных боев и стала таять. С ее остатками Пархоменко и вышел на соединение с махновцами в начале февраля 1921 г. Но еще в конце января с согласия СРПУ/м из Повстармии выбыли Аршинов и Рыбин. Одной из целей их ухода было налаживание контактов с Антоновым⁸.

Правда, судя по хронологии «колесниковщины», приводимой В. Самошкиным, указанный рост повстанческого войска в Воронежской губернии скорее можно отнести к концу ноября 1920 г. и связать с именем Ивана Колесникова, руководившего восстанием на юге губернии. Позднее, в конце февраля 1921 г. он возглавил в антоновщине 1-ю Партизанскую армию Тамбовского края. А в начале декабря 1920 г. повстанческая дивизия Колесникова была разгромлена красными войсками, сам он ушел в Украину, в

Харьковскую губернию и вернулся в родные места лишь в начале февраля. На это время приходится и появление отряда Махно в юго-западной части Воронежской губернии. И командование РККА всерьез предполагало, что батька идет на соединение с Антоновым или, по крайней мере, с Колесниковым⁹.

Отряд Пархоменко вполне мог входить в дивизию Колесникова в ноябре-декабре 1920 г. и отходить с ее остатками в Украину, где он и встретился с махновцами. Наконец, в апреле 1921 г. Пархоменко получил приказ СРПУ/м снова идти искать военный союз с тамбовскими повстанцами¹⁰. И даже после гибели Пархоменко под Воронежем его отряд продолжил борьбу под началом некоего анархиста из Чугуева¹¹.

Этот пример указывает на характерные свойства коалиционной политики махновцев в данный период. Такие авторитетные набатовцы, как Аршинов и Рыбин, допускали возможность и даже желательность союза с эсеровским повстанчеством. А махновцы в лице Пархоменко подтвердили свою склонность к военным союзам и без политических договоренностей. Причем, подобная политическая гибкость после полного разгрома белого движения стала свойственна и другим анархистам. Как отметил А. Шубин, на юге Алтая один из повстанческих лидеров анархист Иван Новоселов поддержал программу эсеровского Крестьянского союза по принципу, сначала общий фронт против большевиков, а потом будем бороться за анархию. В рамках массового антикоммунистического восстания Новоселов был готов вступать в союзы даже с остатками белогвардейцев¹². Или в Кронштадском ревкоме анархисты работали вместе с меньшевиками и эсерами.

Конечно, эсеровские Союзы трудового крестьянства (далее, — СТК) по своим задачам и организационной структуре были далеки от махновских Вольных Советов. Но и здесь можно было найти точки сближения. Как указано выше, фракция левых эсеров ВРСовета Безвластной трудовой федерации уже предлагала создание СТК взамен буксававших Вольных Советов¹³. В самой Тамбовской губернии к созданию подпольных комитетов СТК в 1920 г. приложили руку и правые и левые эсеры¹⁴. Но, в итоге, сами СТК, ставшие административной основой антоновского самоуправления, были беспартийными организациями. Что находит параллели и в призывах махновцев строить свою жизнь без политических партий, и в широком круге организаций повстанческого самоуправления, в частности, в Западно-Сибирском восстании 1921 г. с его Сибирским крестьянским союзом. К тому же, махновские теоретики видели крестьянские союзы экономическими организациями, снизу создающими Вольный Совет.

И в программе Тамбовского губернского СТК можно найти достаточно моментов, сближающих эсеровскую позицию с махновской. Например, провозглашение всеобщего политического равенства и отрицание разделения граждан на классы. Хотя пункт о созыве Учредительного собрания продолжал раздражать махновцев (на примере Пархоменко), в нем есть примечательная фраза «не предрешая его (Учредительного Собрания — В.А.) воли в выборе установления политического строя». Другими словами, выбор Собрания не отрицал даже анархии, если за нее проголосуют народные представители.

Как параллель, в газете МФАГ «Анархия» от 12 марта 1918 г. один из ее секретарей Лев Черный опубликовал свой план анархической федерации, где высшим координирующим органом является «Учредительное собрание анархизма»¹⁵. Тут же можно вспомнить и поддержку Кропоткиным идеи Учредительного собрания с целью создания федеративной республики, как промежуточного этапа на пути к анархии. Таким образом, эта позиция могла временно устраивать и махновцев. К тому же, пункт 5 программы СТК об установлении до созыва Собрания временной власти на выборных началах из организаций, участвовавших в борьбе с коммунистами, фактически выдвигал требование, аналогичное идее «Советов без коммунистов». Свобода слова, печати, совести, союзов и собраний¹⁶ также не отрицалась махновцами.

Есть и другие схождения эсеровской и махновской программ. Например, крупнейший эсеровский теоретик В. Чернов считал, что трудовая демократия должна создаваться без исключения буржуазии из числа полноправных граждан, но путем постепенного включения «нетрудящихся» в новую общественную систему¹⁷. И проект Декларации РПАУ/м близко по смыслу указывал, что «Отсталые и нетрудовые слои населения, со временем, будут естественно втянуты в этот трудовой аппарат»¹⁸.

В поддержку анархической идеи социализации промышленности в начале 1920 г. высказывался подпольный ЦК ПСР¹⁹. А эсеровская концепция социализации земли, полностью оформившаяся к 1925 г., вводила уравнительное землепользование и индивидуальное трудовое право на землю. Она практически удаляла государство из сферы земельного регулирования, отдавая его органам местного крестьянского самоуправления. В развертывании такой аграрной свободы, местного самоуправления и кооперативной автономии Чернов видел «мирное внедрение в нашу общественность высшего глубоко анархического принципа». Также эсеры предлагали ввести выборные начала и широкий демократический контроль в сферу экономического управления²⁰. Что находит параллели в идее махновских экономических Советов.

В контексте указанных сближений махновской и эсеровской программ легко смоделировать присоединение антоновского повстанчества к махновской легализации в случае пролонгации Старобельского соглашения. Группа Пархоменко, действовавшая в Воронежской губернии, могла официально воссоединиться с РПАУ/м, таким образом, легализоваться и войти в правовое поле Соглашения. Согласно р.1, п.1, Соглашение действовало на территории всех советских республик, а р.1, п.3 обещал всем анархистам и махновцам свободное участие в выборах Советов. Притом, что махновцами были не только анархисты, но и левые эсеры. Прекратив вооруженную борьбу и легализовавшись в рамках Соглашения, воронежские повстанцы, включенные в РПАУ/м (те есть, ставшие махновцами), смогли бы одержать политические победы в своей губернии. Что, несомненно, повлекло бы за собой и легализацию основного ядра антоновщины.

Кроме того, когда эсеровское повстанчество пыталось оформить себя и втянуть крестьян в сферу регулярных обязательных повинностей, это вызывало недовольство в деревне, аналогичное действиям красных и белых властей. Подобные случаи известны в антоновщине²¹. И, напротив, махновская система выгодно отличалась от этих квазигосударственных образований тем, что предлагала автономную единицу Вольного Совета, как основу, при которой введение повинностей сверху было невозможно, — только добровольные пожертвования снизу. Такая система, безусловно, была предпочтительнее для хозяйственно автономного крестьянства. А, значит, в тех же Тамбовской и Воронежской губерниях повстанцы могли легко перетекать из СТК во вновь создаваемые Вольные Советы, распространяя махновщину на смежные области.

Таким образом, автономия крестьянского хозяйства в период Гражданской войны давала уникальный шанс распространения анархического принципа самоуправления в Центральную Россию и далее, — в Западную Сибирь, где уже закипал котел будущего одноименного восстания. Так могла начаться цепная реакция повстанческой легализации по всем губерниям УССР и РСФСР, которая одновременно сдвигала бы требования повстанцев в либертарном направлении. На том основании, что Соглашение, в рамках которого становилась возможна такая легальная крестьянская оппозиция, было заключено именно с анархистами махновщины.

Итак, к концу 1920 г. сложилось широкое поле схожих повстанческих движений, именовавшееся советскими историками «эсеровщиной», а в реальности выдвигавшее блок требований народного социализма. Другими словами, «эсеровщина» не в смысле руководства всеми этими движениями партии социалистов-ре-

волюционеров, а в смысле обобщения в идеологии ПСР идущих снизу крестьянских требований. Грациози выделяет общие пункты этих программ, в частности, черный передел (социализация земли — В.А.), конец продразверстки и возвращение к свободному рынку, свободные Советы без коммунистов²². Для сравнения, тюменские повстанцы февраля-марта 1921 г. выступали за Советскую власть без коммунистов, свободную торговлю, отмену продразверстки. И отчет Тюменского губкома РКП/б также называл это «эсеровщиной»²³.

В смысле нарицательного понимания «эсеровщины», показательны и причины возникновения Западно-Сибирского восстания. Сибирский крестьянский союз (далее, — СКС), проходивший в советской литературе, как эсеровский центр восстания, в реальности не возглавлял борьбу в Тюменской губернии, — центре противостояния повстанцев с красными²⁴. СКС начал создаваться с весны 1920 г. в Алтайской губернии, где находился его ЦК. К концу года СКС располагал разветвленной сетью подпольных ячеек в Омской, Томской, Енисейской и Тюменской губерниях. Но уже в конце декабря 1920 г. Алтайская губЧК арестовала лидеров Союза и его активистов в Омске, Ново-Николаевске и Красноярске. СКС был обезглавлен и прекратил существование. Таким образом, к организации восстания в феврале 1921 г. он не имеет отношения. Как докладывал Ленину председатель Сибревкома Смирнов, восстание в Тюменской губернии носит стихийный характер, вызвано тяжестью продразверстки и гужевой повинности²⁵.

Главной же связью махновцев с повстанческим пространством Сибири была так называемая «сибирская махновщина». Этим термином с конца 1919 г. политорганы РККА называли череду восстаний и движений, прокатившихся Сибирью в 1918-1923 гг., которые проходили под стихийно-анархическими лозунгами, возглавлялись анархистами или повстанческими вождями, сочувствовавшими идеям анархии. Российский историк А. Штырбул опубликовал недавно небольшое исследование о связях махновщины с сибирским повстанчеством²⁶. Следует добавить, что в интересующий нас период, повстанческую борьбу с большевиками в Сибири начали именно анархисты. В мае 1920 г. в Причерном крае Алтайской губернии поднялась «роговщина» — восстание под руководством Григория Рогова, ядро которого составляли анархисты во главе с его помощником Новоселовым. Причем, движение это имело глубокие корни. Как докладывал в декабре 1919 г. член Сибревкома В. Косарев в ЦК РКП/б о массе анархистов и эсеров среди сибирских партизан, «Дело пахло Украиной»²⁷.

Штырбул ставит вопрос конкретнее: знали ли сибирские анархисты и анархо-партизаны о настоящей махновщине, а сам Махно о них и о, в чем-то похожей на его движение, роговщине на Алтае? Сам исследователь утверждает, что о махновщине в Сибири стали узнавать лишь с конца 1919 — начала 1920 гг.²⁸ Данная точка отсчета не учитывает так называемую сибирскую группу Черняка-Громова из спецотряда Никифоровой. Основу отряда составляли махновские контрразведчики, главным заданием отряда было уничтожение белогвардейских правительств. В частности, сибирская группа должна была взорвать ставку Колчака. Отбыла группа из махновского района после 15 июня 1919 г.²⁹ Однако доподлинно неизвестно, смогла ли она достичь Сибири.

Более точные данные о связях украинских анархистов с сибирскими, действительно, приходятся на конец 1919 г. С тех пор и по июнь 1920 г. в Сибири находился один из членов Секретариата КАОУ «Набат» Мрачный. Официально он работал в аппарате Наркомата образования, реально, — выполнял задание по налаживанию связей с сибирскими анархистами, установке им типографии и инициации их объединения в Сибирскую федерацию анархистов «Набат». И, как минимум, формально это начинание было реализовано, — 2 апреля 1920 г. за подписью Федерации анархистов Сибири «Набат» была выпущена листовка «Встань, проснись, брат рабочий!». По мнению Штырбула, Мрачный пропагандировал сибирским анархистам последний опыт махновщины³⁰, то есть опыт строительства Безвластной трудовой федерации осени 1919 г.

Но и после отъезда Мрачного сибирские анархисты сохранили связи с украинскими единомышленниками. В частности, во время обыска у одного из членов Омской федерации анархистов был найден экземпляр харьковской газеты «Набат» от 04.11.1920 г.³¹ Судя по дате издания, есть основания говорить о поддержании связей набатовцев с сибирскими анархистами в период действия Старобельского соглашения. Набатовцы дословно понимали пункт Соглашения о легализации анархических организаций на территории всех советских республик и предпринимали конкретные шаги к их объединению. В частности, можно предположить, что связи эти налаживались в процессе подготовки крупнейшего съезда анархистов советских республик, который КАОУ готовил совместно с махновским полпредством в Харькове на 1 декабря 1920 г.³²

Кроме того, в конце 1920 г. сибирские партизаны больше познакомились с махновщиной через своих бывших соратников, сражавшихся в частях РККА на врангелевском фронте. В то время многие повстанцы Сибири сдавались под амнистию с условием отправки на фронт. В частности, среди них был активный участ-

ник роговщины анархист Сизиков, который после вернулся в Сибирь. Часть повстанцев воевала на Южном фронте в составе Сибирской добровольческой бригады, около 70 бойцов которой перебежали к Махно³³.

Эти сведения можно дополнить выше названной попыткой более массового перехода сибиряков в состав РПАУ/м. Напомню, 26 октября 1920 г. к махновцам прибыла делегация соседней 30-й дивизии РККА, состоявшей из сибирских повстанцев. Делегаты объявили, что в дивизии есть много анархистов и потребовали принять ее в состав Повстармии. Соблюдая Соглашение с красными, махновский Совет с трудом отговорил их от этой затеи³⁴. Учитывая такую решимость повстанцев дивизии, после демобилизации они легко могли стать участниками Западно-Сибирского восстания.

В заключительный период махновщины РПАУ/м прибегла к выделению из своего состава экспедиционных групп для распространения своего движения на другие районы. По Штырбулу (со ссылкой на Махно), в Сибирь тогда был направлен отряд во главе с Глазуновым³⁵. По справке Белаша, последний был уроженцем Мелитопольского уезда, участником повстанческого движения против Колчака, даже награжден орденом Красного знамени. Осенью 1920 г. Глазунов был комполка 42-й дивизии. Махновский контрразведчик Мирский возлагал на Глазунова надежды, что, в случае нападения красных на Повстармию, тот арестует штаб дивизии и перейдет на сторону повстанцев. Со штабом у Глазунова не вышло, но в РПАУ/м он перешел с батальоном красноармейцев. В начале марта 1921 г. Глазунов был оставлен с отрядом в 100 бойцов в Таврии для сбора «распылившихся повстанцев». А к концу апреля его отряд уже насчитывал до 1 тыс. штыков и сабель. Потом отряд «растаял», а сам он с небольшой группой поспешил на соединение со штабом Повстанческой, куда прибыл к 10 мая³⁶.

Только 6 июля 1921 г. Глазунов по собственной инициативе (а не был направлен) объединил в отдельный отряд до 400 сибиряков из состава РПАУ/м и заявил, что уходит в Сибирь. «Совет должен был его отпустить, ибо, не делай этого, он ушел бы сам»³⁷. Согласно письму батьки к Аршинову, большевики отмечали появление этого отряда в начале августа в Самарской губернии. Больше о нем не слышали³⁸. Однако из этого не следует, что Глазунов был разгромлен. Как минимум, пока не опубликованы данные о разгроме красными подобного повстанческого соединения, явно сражавшегося под черными знаменами. Так что допустимо предположить, что сибиряки Глазунова все же достигли зоны Западно-Сибирского восстания.

Наконец, непосредственно в рамках этого восстания в Ишимском уезде сражался 1-й Повстанческий полк Народной армии, который с августа 1921 г. возглавлял Н.С. Григорьев по прозвищу «Махно». По версии Штырбула, влияние махновцев на это восстание также могло распространяться через связи украинских поселенцев в Сибири, прибывших сюда по столыпинскому аграрному переселению³⁹.

Другой вопрос, что повстанческая активность концентрировалась в сельской местности, а большевизм гнезвился в городах и для подрыва его основных позиций махновцам нужны были союзники в пролетарской среде. С чем, как известно, набатовцы в 1919-1920 гг. не справились. Но и в этой среде можно обнаружить контактное поле для объединения усилий махновско-набатовского союза с рабочей оппозицией, как вне, так и внутри большевизма. Тяжело найти точки соприкосновения крестьянской махновщины с городской оппозицией меньшевизма. Зато легче сочетаются некоторые позиции эсдеков РСДРП с анархизмом «Набата», особенно, его анархо-синдикалистской фракции.

Так, после поражения в первой русской революции 1905 г. в РСДРП особо сильно проявились анархо-синдикалистские тенденции. В частности, речь идет об идее так называемого «рабочего съезда», которая вела к замене партии в руководстве пролетарским движением беспартийными рабочими организациями⁴⁰. Меньшевики выдвинули концепцию «рабочего съезда» на V съезде РСДРП 1907 г. в Лондоне. Как указывалось в проекте резолюции, мысль о созыве «общерусского рабочего съезда» для начала политического объединения пролетариата встретила сочувствие в рабочих кругах. И съезд этот даст сильный толчок к самоорганизации социально-активных масс пролетариата. Но станет он действительным выразителем коллективной воли рабочих, если созыв его будет подготовлен их собственной организованной самодеятельностью. А РСДРП может только содействовать этому и сопротивляться попыткам сохранить устарелый партийный режим в русской социал-демократии⁴¹.

По сути, меньшевики 1907 г. предлагали то же, что осенью 1919 г. Культпросвет и Волин предложили рабочим Безвластной трудовой федерации, — стать инициаторами съезда (совещания), который со временем превратится в деловой экономический Совет⁴². И тут совсем по-другому звучит замечание Махно от июня 1918 г., что синдикализм по традиции считают «меньшевистским» средством в революции⁴³.

Но под давлением большевиков V съезд РСДРП принял резолюцию, которая указывала, что данная агитация меньшевиков П. Аксельрода и Ю. Ларина аналогична лозунгам анархо-синдика-

листов о беспартийном рабочем съезде и беспартийных организациях. Она ведет к уничтожению РСДРП и замене ее беспартийной политической организацией пролетариата, вроде Советов рабочих депутатов. Резолюция настаивала, что, при правильной постановке социал-демократической работы, даже Советы могут оказаться излишними. Необходима решительная борьба с анархо-синдикалистским движением в пролетариате и аксельродовскими и ларинскими идеями в социал-демократии⁴⁴.

Ленин считал даже мысли о неклассовой политике и неклассовом социализме опасными и в корне ошибочными. А того, кто так думает, он предлагал посадить в клетку и показывать рядом с кенгуру. И, напротив, считал большевистскую партию становым хребтом классовой борьбы пролетариата⁴⁵. Вождь большевизма разразился на эту тему отдельной статьей «Социалистическая партия и беспартийная революционность», обосновывал политическую монополию РСДРП/б в борьбе за интересы пролетариата, объяснял, что «партия сознательного пролетариата, социал-демократия, вполне законно воюет всегда с беспартийностью»⁴⁶.

Здесь следует заметить, что идея беспартийных организаций трудящихся впоследствии нашла свое выражение в махновских экономических Советах и в более распространенной идее «Советов без коммунистов». А идея ненужности Советов была реализована «правильной постановкой» работы большевиков к середине 1919 г., когда Советы стали декорацией для партийной диктатуры.

Можно возразить, что анархо-синдикалистский уклон РСДРП 1907 г. далек от интересующего нас периода и установки меньшевиков поменялись. Тем более, что в декабре 1919 г. их ЦК осудил «анархистско-синдикалистский хаос», который является подлинным смыслом лозунга «Вся власть Советам!». И весной 1920 г. Ю. Мартов критиковал синдикалистско-прудоновское понимание «советской системы»⁴⁷. Но немногим раньше изгнание эсдеков из Советов, вернуло их к идее беспартийных рабочих конференций и параллельных Советам структур пролетарской демократии, — «Собраний уполномоченных фабрик и заводов». Движение за Собрания уполномоченных в мае-июне 1918 г. достигло больших размеров. А предложение их всероссийского съезда напомнило эсдекам старую идею Аксельрода о «рабочем съезде»⁴⁸.

Вспомним и свидетельство Кубанина, что на конференции рабочих организаций Екатеринослава 14 ноября 1919 г. меньшевики «протащили» резолюцию о создании рабочего центра из представителей профсоюзов, кооперативов и партий. По мнению Кубанина, это была почти анархо-синдикалистская ре-

золюция⁴⁹. Так что идея более широкого, чем партия, пролетарского центра была еще в конце 1919 г. жива, как минимум, у меньшевиков Украины.

В послеоктябрьский период политика ЦК РСДРП склонялась влево. Сразу после переворота эсдеки выдвигали идею «однородного советского правительства» с участием всех социалистических партий, представленных в Советах. В новых условиях 1919-1920 гг. в центре внимания РСДРП стояла идея «единого фронта» революционных социалистов от эсеров до большевиков⁵⁰.

Но этот период отмечен также множеством расколов и течений в РСДРП. Правое крыло социал-демократии, особенно на юге России, склонялось к сотрудничеству с белым движением. В Украине гетмана Скоропадского меньшевики руководили объединением профсоюзов Уцентропроф, а в период денкинского режима, — Бюро профсоюзов Юга России (Югпроф)⁵¹. В то же время, левое крыло, — меньшевики-интернационалисты, — в декабре 1919 г. влилось в ленинскую РКП/б. А политика ЦК партии сводилась к занятию ниши легальной оппозиции в рамках Советского государства. Официальный меньшевизм стоял на позиции защиты Страны Советов от «колчако-деникинской контрреволюции». РСДРП даже проводил партийные мобилизации в Красную армию⁵². Общеизвестна роль социал-демократов из иркутского Политического центра в свержении режима Колчака.

В экономическом плане меньшевики стали выразителями рыночных потребностей рабочего класса. Главный протест рабочих был направлен против полуголодной продовольственной диктатуры, и осуществлялся путем обмена промтоваров на теневом рынке⁵³. Таким образом, оппозицией ПВК было не только сопротивление крестьянства продразверстке, но и массовый выбор голодного пролетариата в пользу свободного обмена. Такая форма социального протеста приводило рабочих в лагерь пролетарской партии, выдвигавшей лозунги в его поддержку. В частности, киевские меньшевики в феврале 1920 г. требовали свободы торговли продуктами питания и упразднения заградительных отрядов, блокирующих их подвоз в города. А в вопросе села, эсдеки настаивали на проведении такой земельной и продовольственной политики, что считается с мелкособственническими интересами трудящихся масс крестьянства⁵⁴.

Весь период Гражданской войны меньшевики в РСФСР оставались второй по влиянию на пролетариат партией, уступая лишь правительственному большевизму. Они отстаивали независимость профсоюзов, установление зарплат путем коллективных договоров, противодействовали уничтожению самостоятельных органи-

заций взаимопомощи пролетариата⁵⁵ и имели прочные позиции в профсоюзном и кооперативном движениях. Так в марте 1920 г. Сталин считал одно из трех крупнейших кооперативных объединений Украины — Союздонбассейн — очагом меньшевизма⁵⁶. Декретом ВЦИК от 28.11.1918 г. меньшевикам снова было разрешено участие в Советах. И в 1919-1920 гг. они имели стойкое большинство в Советах ряда промышленных центров. Большевики боялись их конкуренции настолько, что произволом своего большинства исключали фракции РСДРП из Советов Ташкента, Гомеля, Одессы, Николаева и др.⁵⁷

И, как союзник в борьбе с ленинской диктатурой, меньшевики были важны для набатовцев и махновцев, в первую очередь, требованием демократизации Советов. Еще в июле 1919 г. ЦК РСДРП предложил всем социалистическим силам от коммунистов до правых эсеров объединиться на платформе «Что делать?». Платформа требовала свободу печати, собраний, союзов, равного избирательного права для всех трудящихся и свободных выборов в Советы⁵⁸. Речь шла о тех же базовых демократических свободах, что объявлялись махновцами в городах Безвластной трудовой федерации⁵⁹. Платформа была поддержана на апрельском 1920 г. совещании РСДРП в тезисах ЦК. Последние требовали равноправия крестьянства с пролетариатом, свободы экономических организаций крестьян и свободных выборов крестьянских Советов⁶⁰.

Лозунг «Учредительного Собрания» меньшевики временно заменили на лозунг «Демократизации Советов», так как в начале считали необходимым восстановление гражданских прав и свобод, завоеванных Февральской революцией. Резолюция ЦК от 13.07.1920 г. указывала, что тактика РСДРП в Советской России «принципиально направлена на эволюционное преобразование данного режима»⁶¹.

А тот же Аксельрод, что выдвинул идею «рабочего съезда», в сентябре 1920 г. из эмиграции предлагал даже организовать «интернациональную социалистическую интервенцию» против большевистской диктатуры. В смысле солидарного давления социалистических масс Запада (посредством своих партий и синдикатов). Ее целью ставилось добиться серьезных уступок социалистической оппозиции, которые дали бы возможность ей свободно и легально отстаивать интересы революции и трудящихся масс. Что, по мнению Аксельрода, позволило бы «вызвать к жизни самостоятельное народно-революционное движение». Он считал, что именно на сопротивлении демократизации Советов большевики сломают себе шею⁶².

И анархистам не было другого пути. После Октябрьского переворота, в котором они приняли непосредственное участие, у масс были отобраны даже те свободы, что дала им Февральс-

кая революция, — автономные и демократические Советы, самостоятельные профессиональные организации. С другой стороны, и масштабные попытки безвластного самоуправления постигла неудача из-за отсутствия подобного опыта у трудящихся и недостаточного количества их независимых организаций. В таком контексте, и путь возвращения свобод должен был идти от обратного — через реставрацию политических завоеваний Февраля — децентрализованной власти, свободно избираемых Советов, независимых профсоюзов.

Только такой переходный период мог обещать рост числа самостоятельных организаций, преобладание их представителей, в том числе анархистов, в Советах и через него, — либертарные изменения социальной системы. Тактика анархического наскока, одномоментного разрушения государства лишь расчистила площадку для развития невиданной в своем абсолютизме власти. Идея немедленной анархии привела к большевистской тирании и дала анархистам грядущих поколений тот, пока не заученный урок, что анархию надо растить, питать ее соками самостоятельности, выводить селекцией эту культуру самодеятельности, а не ждать мгновенного урожая.

В таком контексте, Старобельское соглашение — есть признание вынужденной необходимости государства на переходный период. Но не большевистского захвата центральной власти анархистами, а постепенного ее разъедания, растворения изнутри посредством работы в Советах. Изменения правил социальной системы, ее либертаризации до уровня анархической федерации и далее, — насколько позволит организационная самостоятельность граждан.

И некоторые свидетельства говорят в пользу того, что под занавес Гражданской войны анархисты начали воспринимать переходную модель «единого фронта». Начиная от участия меньшевика-интернационалиста в агитационной работе Московской организации анархистов подполья. Через нелегкий приход к сотрудничеству махновского Культпросвета с умеренными социалистами екатеринославского Совпрофа в деле созыва рабоче-крестьянского съезда 25 декабря 1919 г. Через военное сотрудничество маховцев Пархоменко с эсерами Антонова и поддержку анархистом Новоселовым эсеровской платформы Алтайского Крестьянского союза.

Так, и накануне кронштадтских событий в Петрограде было воссоздано «Собрание уполномоченных фабрик и заводов», ставшее блоком социалистических партий, куда вошли представители эсеров, меньшевиков и анархистов⁶³. Воззвание этого Собрания в поддержку Кронштадта призывало к всеобщей забастовке и вы-

ступлению армии вместе с народом. Оно требовало всеобщего равного избирательного права и тайного голосования, которое неизбежно должно было свергнуть иго большевизма⁶⁴ и привести к демократизации Советов. Наконец, ревком самого Кронштадта в политическом отношении стал воплощением того самого «единого фронта» сил трудовой демократии, где вместе работали эсеры, меньшевики и анархисты.

Больше того, легальная анархическая оппозиция образца Старобельского соглашения имела реальные перспективы объединения усилий и со своей, образно говоря, «пятой колонной» внутри самого большевизма. В период Гражданской войны идеи анархо-синдикализма проникали не только в меньшевизм. И в правящей РКП/б в 1920 г. появилось мощное течение «рабочей оппозиции» (далее, — РО), которое советские историки именovali анархо-синдикалистским уклоном. Как заявлял Бухарин на X съезде РКП/б, тезиса о том, что хозяйство должно находиться в руках производителей, никогда в марксистской теории не было, это терминология прудоновско-анархистская и взята РО у французских синдикалистов⁶⁵.

Хотя, строго говоря, подобные обвинения были скорее средством внутрипартийной борьбы. Одна из лидеров «рабочей оппозиции» А. Коллонтай констатировала, что ее группировка родилась в результате противостояния «верхов» и «низов» в РКП/б, явившегося первым серьезным кризисом партии, и надо не отмахиваться от РО дешевыми словечками вроде «синдикализма», а задуматься, чем вызван кризис?⁶⁶ Тем не менее, в подходах РО обнаруживается масса точек схождения с взглядами анархистов.

Уже после IX съезда РКП/б (март-апрель 1920 г.) глубоко по низам партии пошла работа накопления критической мысли, недовольства привилегиями партийной верхушки. Впервые она нашла свое проявление на партконференции в сентябре 1920 г., а на VIII съезде Советов (декабрь 1920 г.) РО проявила себя уже, как сплоченная группа. Рабочая оппозиция начала действовать не только в Москве и Петрограде, но и в Донбассе, на Урале и в Сибири⁶⁷. Широкое движение коммунистов-рабочих подхватили и стали представлять в столице председатели ЦК отраслевых профсоюзов: А. Шляпников, А. Киселев, Н. Кубяк, И. Кутузов, а также Коллонтай⁶⁸. Как заявляла последняя, на профсоюзной работе остались те, «кого бессильна была развратить «власть», мелкое тщеславие, погоня за «советской карьерой» или советский бюрократизм, — остались внутренне связанными с массами, с рабочими, с теми самыми «низами»⁶⁹.

Внутрипартийная «дискуссия о профсоюзах» в начале 1921 г. стала временем взлета РО. В 1920-1921 гг. она смогла получить власть в Туле, Самаре и других провинциальных центрах. В декабре 1920 г. самарские оппозиционеры даже пытались сколотить блок из нескольких губернских делегаций к VIII съезду Советов и X съезду РКП/б.⁷⁰

Главным объектом критики РО стало бюрократическое вырождение компартии и советского государства. По словам Коллонтай, «в советской государственной политике приходится считать еще с влиянием представителей крупной буржуазии в лице спецов-техников, инженеров, бывших воротил финансово-промышленного мира... эта социальная группа крупных воротил капиталистического производства, послушных, наемных, великолепно оплачиваемых слуг капитала, с каждым днем приобретает все большее влияние и значение в политике». Причем, чем больше «фронт военный отступает перед фронтом хозяйственным», тем устойчивее становится влияние этой группы⁷¹. Чтобы избежать этого вырождения диктатуры пролетариата, РО предлагала передать управление экономикой его классовым организациям, — профсоюзам.

Как отмечал один из делегатов РО Тихонравов, развертывание и углубление революции исключительно воздействием «сверху силой государственного аппарата не могут достичь цели и поведут к отрыву от революции и ее тормозу». Организация экономических органов в РСФСР характеризуется крайней централизацией и является тормозом развертывания революции в социалистическую. Эта консервативная сила превращает советское государство из переходной гибкой организации в самодовлеющую организацию, ставшую над всем обществом. Консервативный курс, берущийся государственным путем вывести страну из экономической разрухи, толкает рабочих к активным протестам⁷². Согласно концепции РО, хозяйственное строительство должно осуществляться классовыми органами пролетариата, непосредственно связанными с производством, то есть профсоюзами, а не советским аппаратом, оторванным от живой хозяйственной деятельности⁷³.

Шляпников так формулировал концепцию РО к X съезду РКП/б. «Организация управления народным хозяйством принадлежит Всероссийскому съезду производителей, объединенных в профессиональные и производственные союзы, которые избирают центральный орган, управляющий всем народным хозяйством республики». Соответственно, съезды производственных союзов избирают органы, управляющие отраслями. И так далее, — областные губернские, уездные и районные съезды профессиональных и производственных союзов избирают соответствующие хозяй-

ственные органы. «Переход от бюрократического хозяйства, оторванного от самостоятельности рабочих масс» надо начать с укрепления низших ячеек профессиональных и производственных союзов. Подбор работников должен идти снизу и под контролем союзов. И, о, крамола для ленинской бюрократии, «ни одно лицо не должно быть назначено на руководящий хозяйственный пост помимо союза»⁷⁴.

Поэтапный процесс перехода экономики под руководство трудящихся масс «рабочая оппозиция» видела возможным в результате следующих действий:

1) Создание органа управления хозяйством из самих производителей-рабочих.

2) Переход союзов от пассивного содействия хозяйственным органам к проявлению творческой инициативы рабочих возможен через ряд предварительных мер, постепенность и порядок перехода.

3) Передача управления отдельной отрасли в руки союзов происходит только после того, как ВЦСПС признает данный союз достаточно подготовленным.

4) Назначение на административно-хозяйственные посты не допускается без согласия союза.

5) Реализация общего плана начинается с укрепления низших ячеек союза, подготовки фабзавкомов к управлению хозяйством.

6) Упразднение двойственности ВСНХ и ВЦСПС, сосредоточение всего хозяйства республики в едином управлении, облегчающем создание единого плана коммунистического производства⁷⁵.

Кроме того, РО пыталась бороться с казенщиной и бюрократизмом в самой РКП/б, для чего выдвигались такие принципы:

1) Выборность всей партийной иерархии, упразднение «назначенства», усиление ответственности перед низами.

2) Установление гласности в партии с широким обсуждением ее проблем в партийных низах и лишь суммирования их мнения верхами, свобода мнений и критики.

3) «Орабочивание» всей партии и сокращение персонального совместительства в партийных и советских органах.

И, больше того, РО выдвигала дерзкое требование «орабочить» ЦК РКП/б, то есть создать такой высший орган партии, «где представители низов, спаянные с массами, перестали бы играть роль «свадебных генералов» на купеческой свадьбе, а в самом деле будут неразрывно связаны с широкими беспартийными рабочими массами в профсоюзах и сумеют учесть, суммировать лозунги момента, нужды, стремления класса и направляли бы политику партии по классово-линии»⁷⁶.

Конечно, у профсоюзных боссов в этой политической игре были свои интересы. Как указывал Тихонравов, экономическая борьба с напором мелкобуржуазных сил внутри Советов будет превращаться в борьбу политическую (при этом Советы официально являются главными органами советского государства, — В.А.). Следовательно, чтобы пролетариат не проиграл эту борьбу, профсоюзы должны стоять не рядом с государством, не сливаться с ним, а стоять над государственными органами⁷⁷. Но и для анархистов в такой концепции были свои выгоды, — в случае победы РО, она стала бы окончательным приговором централизованной государственной бюрократии, на которой и держался ленинский режим. В случае свободных выборов профсоюзных органов снизу, большевики оказались бы в них серьезно разбавлены эсдеками и синдикалистами.

Наиболее перспективной площадкой для взаимодействия анархистов «Набата» с «рабочей оппозицией» был второй пункт разногласия последней с «верхами» РКП/б. Речь идет о противопоставлении бюрократизму партии самодеятельности масс. РО искала такую систему управления трудовым государством, которая обеспечила бы наибольший простор для «классового творчества». «Вопрос о системе управления — спор двух взаимно исключающих друг друга начал: бюрократизм или самодеятельность?». Коллонтай называла это подменой предмета спора, аналогичной дискуссии о профсоюзах. «Вместо бюрократизма, как системы — систему самодеятельности трудовых масс». Коллонтай бичевала компартию за то, что та боится самостоятельности масс, простора их классового творчества⁷⁸. И Аршинов предлагал «опереться на самодеятельность рабочих и крестьянских организаций, дать им свободный ход»⁷⁹.

Кроме того, взгляды РО на организацию сельскохозяйственного производства могли послужить еще одной площадкой для ее сотрудничества с анархистами и эсерами. По взглядам «рабочей оппозиции» в селах и деревнях надо было создавать свои профессиональные и производственные союзы, которые объединяли бы всех производителей. Но, так как господствующее положение в сельском хозяйстве занимало единоличное крестьянское производство, опыт создания таких союзов в 1920 г. видится в «эсеровских» Союзах трудового крестьянства. И советский историк Канев указывал, что проведение в жизнь идей РО означало бы узаконивание СТК в Стране Советов⁸⁰.

Такой подход мог стать главным полем компромисса анархической и эсеровской концепций самоуправления с подключением РО, тем самым, создав мощный противовес ленинскому центру власти. Перспектива подобного объединения была настолько

ясна большевистским лидерам, что в жарких спорах на X съезде партии Ленин сравнивал РО Шляпникова и Коллонтай с анархо-махновскими и кронштадтскими элементами⁸¹.

Сюда же можно добавить, что сама идея управления экономикой посредством профсоюзов, как наиболее массовых организаций пролетариата, через некий «съезд производителей» есть продуманная версия того самого «рабочего съезда», которую предлагал меньшевикам Аксельрод. И здесь примечательна биографическая справка к протоколам X съезда РКП/б, которая указывала, что Шляпников в 1924-1926 гг. пытался возродить свою фракцию на крайне правой меньшевистской платформе («Бакинская платформа»)⁸². Понятно с какой целью в 1933 г. издатели материалов съезда давали Шляпникову такую характеристику. Но также налицо существенные параллели между взглядами Шляпникова и меньшевиков, причем, в интересующей нас области. Наконец, о движении анархистов в этом же направлении говорят показания Белаша в НКВД, по которым возрожденная на позициях «Набата» небольшая группа анархистов в 1924 г. пыталась выпустить листовку в поддержку РО Шляпникова⁸³.

Наконец, здесь следует отметить и перспективные контакты махновцев с частью «советских анархистов». Так, перед нападением большевиков на Гуляй-Поле в ноябре 1920 г. в РПАУ/м прибыл кавдивизион во главе с неким анархо-универсалистом⁸⁴. Возникшая в 1920 г. новая организация Гордина (одного из основателей МФАГ) — «Всероссийская секция анархистов-универсалистов» в своем главном документе объявляла себя сторонником коммунистов-государственников в их борьбе с буржуями и допускала работу анархистов во всех советских учреждениях, кроме репрессивных⁸⁵. Однако, несмотря на такое «рenegатство», переход махновцев к новой тактике продвижения ВСС делал из универсалистов потенциальных союзников в органах Советской власти. Тем более что стремление универсалистов к участию даже в большевистских Советах для улучшения связи с рабочими, идентично махновскому стремлению к «советской трибуне», которое было закреплено Старобельским соглашением.

Кроме того, по свидетельству Горелика, на 1922 г. «Многие «анархисты» из вошедших в «партию», или стоявших на точке зрения «диктатуры» и «переходного периода» («анархо-большевики»), теперь бегут с своих позиций «анархо-большевизма» и резко выступают против большевиков-коммунистов»⁸⁶. Нельзя исключать, что эта тенденция проявилась ранее 1922 г. Причем, «советские анархисты» достаточно трезво оценивали перспективы станов-

ления анархического общества. И, несмотря на обвинение Горелика, что «они признают необходимость «переходного периода» со всеми атрибутами В л а с т и, но называют его периодом «синдикально-коммунальным» и т. д. и т. п.», поздние взгляды Кропоткина, как и последующие выводы анархической эмиграции (см. ниже) говорят о правоте универсалистов в данном вопросе.

Примечательно в этой связи, что один из соавторов платформы анархизма-универсализма, — Владимир Бармаш в период Безвластной трудовой федерации осени 1919 г. был в числе лучших ораторов махновского Культпросвета. А сам Гордин работал в махновщине весной 1919 г., в частности, был делегатом войскового съезда 12 мая⁸⁷. Ввиду этих контактов параллели между Соглашением и тактикой универсалистов могут быть неслучайными. О приятии махновцами этих новых союзников говорит и тот факт, что именно под видом универсалистов в Гуляй-Поле в ноябре 1920 г. прибыла группа террористов ЧК с целью ликвидации ответственных работников СРПУ/М⁸⁸. А во время Кронштадтского восстания универсалисты участвовали в создании «Анархистского совета действия», как органа развития 3-й революции⁸⁹.

Итак, в конце 1920 г. возникло широкое поле для сотрудничества махновцев с эсерами, меньшевиками, «рабочей оппозицией» в РКП/б и «советскими анархистами». Приведенный обзор показывает, что с окончанием Гражданской войны наиболее перспективным полем схождения этих сил была совокупность подходов, близких анархизму. Как справедливо заметил Шубин, «Весь заключительный этап Великой Российской революции был объективно анархичен... И полевевшие эсеры, и анархисты, и «беспартийные большевики», как и в Октябре 1917 г., вместе шли в объективно анархическом движении»⁹⁰.

И, в случае пролонгации Старобельского соглашения, у махновцев появлялась реальная возможность объединить эти силы на основе стремления к демократизации советской системы и производственному самоуправлению. Как следствие, их победа исключила бы монополию компартии, наступление сталинизма и решающим образом сказалась бы на политических процессах в Европе, вплоть до недопущения германского фашизма и Второй мировой войны. А последнее, в свою очередь, кардинальным образом отразилось бы на мировом историческом процессе.

¹ Бакунин М.А. *Избранные сочинения. т.1. Петербург. 1919., с.84*

² Грациози А. *Великая крестьянская война в СССР. М. 2008., с.31*

³ Например, В. Данилова, В. Шишкина, А. Штырбула, А. Шубина, М. Магида и др.

- ⁴ Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.165
- ⁵ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.568
- ⁶ Белаш. с.489
- ⁷ Тепер И. Махно. От «единого анархизма» к стопам румынского короля. Харьков. 1924., с.39
- ⁸ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.537-538
- ⁹ Самошкин В.В. Антоновское восстание. М. 2005., с.88, 79
- ¹⁰ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.556
- ¹¹ Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.132
- ¹² Шубин А.В. Анархия — мать порядка. М. 2005., с.357
- ¹³ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.353
- ¹⁴ Самошкин В.В. Антоновское восстание. М. 2005., с.17
- ¹⁵ Канев С.Н. Октябрьская революция и крах анархизма. М. 1974., с.130
- ¹⁶ «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 гг. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов. 2007., с.223-224
- ¹⁷ Был ли у России выбор? М. 1996., с.153
- ¹⁸ Нестор Иванович Махно. Воспоминания, документы и материалы. К. 1991., с.161
- ¹⁹ Канев С.Н. Октябрьская революция и крах анархизма. М. 1974., с.232
- ²⁰ Был ли у России выбор? М. 1996., с.126, 156
- ²¹ Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М. 1997., с.121
- ²² Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. М. 2008., с.27-28
- ²³ За советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии 1921. Сборник документов. Новосибирск. 2000., с.603
- ²⁴ Шишкин В.И. Западно-Сибирский мятеж 1921 года: обстоятельства и причины возникновения // Бахрушинские чтения 1996. Новосибирск. 1998 // цит. по <http://gf.nsu.ru/bakhrushin/shishkin1996.shtml>
- ²⁵ Сибирская Вандея. 1920-1921. Документы. т.2. М. 2001., с.128
- ²⁶ Штирбул А.О. Н.І. Махно, махновщина і Сибир // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2009. вип. XXVII., с.133-139
- ²⁷ Сибирская Вандея. 1920-1921. Документы. т.1. М. 2000., с.64
- ²⁸ Штирбул А.О. Н.І. Махно, махновщина і Сибир // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2009. вип. XXVII., с.134
- ²⁹ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.255
- ³⁰ Штирбул А.О. Н.І. Махно, махновщина і Сибир // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2009. вип. XXVII., с.135
- ³¹ Штирбул. с.136
- ³² Волин В.М. Неизвестная революция. М. 2005., с.490
- ³³ Штирбул А.О. Н.І. Махно, махновщина і Сибир // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2009. вип. XXVII., с.136-137

- ³⁴ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно*. К. 1993., с.469
- ³⁵ Штирбул А.О. Н.І. Махно, махновщина і Сибир // *Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету*. 2009. вип. XXVII., с.137
- ³⁶ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно*. К. 1993., с.592, 487, 494, 545, 555-556
- ³⁷ Белаш. с.567
- ³⁸ Аршинов П. *История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории*. М. 1996., с.135
- ³⁹ Штирбул А.О. Н.І. Махно, махновщина і Сибир // *Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету*. 2009. вип. XXVII., с.138
- ⁴⁰ Канев С.Н. *Борьба партии против анархо-синдикалистского уклона*. М. 1979., с.5
- ⁴¹ *Пятый съезд РСДРП. Май-июнь 1907 г. Протоколы*. М. 1935., с.717-718
- ⁴² *Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы*. М. 2006., с.289
- ⁴³ *Махно Н.И. Воспоминания. кн.2. Париж*. 1936., с.100
- ⁴⁴ *Пятый съезд РСДРП. Май-июнь 1907 г. Протоколы*. М. 1935., с.731-732
- ⁴⁵ *Розин Э. Ленинская мифология государства*. М. 1996., с.52
- ⁴⁶ *Ленин. ПСС. т.12.*, с.133
- ⁴⁷ *Меньшевики в 1919 — 1920 гг. Документальное наследие*. М. 2000., с.297, 396
- ⁴⁸ *Долин Д. Меньшевизм в период Советской власти // <http://socialist.memo.ru/books/stat.htm>*
- ⁴⁹ *Кубанин М. Махновщина*. Л. 1927., с.102-103
- ⁵⁰ *Меньшевики в 1919 — 1920 гг. Документальное наследие*. М. 2000., с.36
- ⁵¹ *Реент О.П. Крах кірстовщини (провал контрреволюції у профспілковому русі України в пеіод денікінської окупації) // До питання про розстановку політичних сил на Україні в 1917-1920 рр.* К. 1988
- ⁵² *Меньшевики в 1919 — 1920 гг. Документальное наследие*. М. 2000., с.268
- ⁵³ *Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы*. М. 1997., с.153
- ⁵⁴ *Меньшевики в 1919 — 1920 гг. Документальное наследие*. М. 2000., с.223, 436
- ⁵⁵ *Меньшевики в 1919 — 1920 гг.* с.223
- ⁵⁶ *Терещенко Ю.И. Великий Октябрь и становление социалистической экономики на Украине*. К. 1986., с.192
- ⁵⁷ *Меньшевики в 1919 — 1920 гг. Документальное наследие*. М. 2000., с.584
- ⁵⁸ *Меньшевики в 1919 — 1920 гг.* с.236
- ⁵⁹ *напр. Волин В.М. Неизвестная революция*. М. 2005., с.459
- ⁶⁰ *Меньшевики в 1919 — 1920 гг. Документальное наследие*. М. 2000., с.436
- ⁶¹ *Меньшевики в 1919 — 1920 гг.* с.600, 893
- ⁶² *Меньшевики в 1919 — 1920 гг.* с.663-664
- ⁶³ *Канев С.Н. Октябрьская революция и крах анархизма*. М. 1974., с.353
- ⁶⁴ *Кронштадт 1921. Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г.* М. 1997., с.139

- ⁶⁵ Десятый съезд РКП(б). М. 1933., с.223
- ⁶⁶ Коллонтай А. Рабочая оппозиция // *Левые коммунисты в России. 1918-1930 гг.* М. 2008., с.171
- ⁶⁷ Коллонтай. с.169-170
- ⁶⁸ Павлюченков С.А. *Военный коммунизм в России: власть и массы.* М. 1997., с.191
- ⁶⁹ Коллонтай А. Рабочая оппозиция // *Левые коммунисты в России. 1918-1930 гг.* М. 2008., с.166
- ⁷⁰ Павлюченков С.А. *Военный коммунизм в России: власть и массы.* М. 1997., с.193
- ⁷¹ Коллонтай А. Рабочая оппозиция // *Левые коммунисты в России. 1918-1930 гг.* М. 2008., с.173-174
- ⁷² Десятый съезд РКП(б). М. 1933., с.793-794
- ⁷³ Коллонтай А. Рабочая оппозиция // *Левые коммунисты в России. 1918-1930 гг.* М. 2008., с.170
- ⁷⁴ Десятый съезд РКП(б). М. 1933., с.790-791
- ⁷⁵ Коллонтай А. Рабочая оппозиция // *Левые коммунисты в России. 1918-1930 гг.* М. 2008., с.194-195
- ⁷⁶ Коллонтай. с.202-203
- ⁷⁷ Десятый съезд РКП(б). М. 1933., с.794-795
- ⁷⁸ Коллонтай А. Рабочая оппозиция // *Левые коммунисты в России. 1918-1930 гг.* М. 2008., с.195, 204, 198
- ⁷⁹ Аршинов П. *История махновского движения (1918-1921)* // *Тайны истории.* М. 1996., с.168
- ⁸⁰ Канев С.Н. *Борьба партии против анархо-синдикалистского уклона.* М. 1979., с.21
- ⁸¹ Десятый съезд РКП(б). М. 1933., с.127
- ⁸² Десятый съезд РКП(б). с.940
- ⁸³ Собственноручные показания обвиняемого Белаша Виктора Федоровича // <http://www.makhno.ru/lit/Belash/Belash.php>
- ⁸⁴ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно.* К. 1993., с.489
- ⁸⁵ Анархисты. *Документы и материалы.* т.2. 1917-1935 гг. М. 1999., с.381
- ⁸⁶ Горелик А. Анархисты в российской Революции. Аргентина. 1922 // *цит. по* <http://socialist.memo.ru/books/html/gorelik.html>
- ⁸⁷ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно.* К. 1993., с.180, 350
- ⁸⁸ Белаш А.В., Белаш В.Ф. *Дороги Нестора Махно.* К. 1993., с.487
- ⁸⁹ Канев С.Н. *Октябрьская революция и крах анархизма.* М. 1974., с.363
- ⁹⁰ Шубин А.В. *Анархия — мать порядка.* М. 2005., с.370

БЕЗ КАПЛИ КРОВИ

Увы, не махновщине, физически выбитой в борьбе с большевизмом, а сибирским крестьянам, зачастую выступавшим под стихийно-анархическими лозунгами, удалось осадить надменных ленинцев и пресечь политику военного коммунизма. С января 1921 г. бывшие сибирские партизаны, сломившие некогда армию Колчака, стали объединяться в столь мощное повстанческое движение, что превысило числом все войска РККА в Сибири¹. Западно-Сибирское восстание было самым крупным в истории Гражданской войны и по количеству участников, и по охвату территории. В феврале-апреле 1921 г. оно распространилось на обширные земли Западной Сибири, Зауралья и нынешнего Казахстана. В рядах повстанцев сражалось не менее 100 тыс. человек². А боевые действия в зоне восстания по своим масштабам, результатам и военно-политическим последствиям можно приравнять к крупной армейской операции периода Гражданской войны³.

Предтечей восстания стала та самая «роговщина» — анархо-партизанское движение, вспыхнувшее в мае 1920 г. в Причерном крае Алтайской губернии. На Первомай в партизанской столице края д. Жуланиха состоялся митинг посвященный захоронению павших повстанцев. Трибуна митинга была украшена черными флагами с надписью «Да здравствует анархия — мать порядка!». Звучала пропаганда против коммунистов, призывы к установлению анархии. А уже 3 мая начались выступления роговских отрядов. Тогда же Боевая комиссия Алтайской федерации анархистов выступила с воззванием к крестьянам и рабочим губернии. Анархисты призывали к уничтожению всех государственных учреждений: ревкомов, Советов, комиссариатов, даже лесничеств, а взамен предлагали такой уровень автономии, что никто кроме сельчан не имел права вмешиваться в дела деревни. Аналогичный уровень автономии они предлагали для фабрик и заводов⁴.

Само Западно-Сибирское восстание имело стихийный характер сопротивления военному коммунизму и без участия партий черпало свои организационные силы в крестьянских массах.

Низовой характер восстания подтверждает воззвание Главного штаба Народной повстанческой армии (далее, — НПА), которое заявляет, что слухи о руководстве им бывших генералов колчаковской армии распространяют коммунисты. Сибирские повстанцы действовали намного жестче махновцев. Уже «роговщина» объявила черный террор. А приказ по НПА Ишимского уезда от 22.02.1921 г. именуется коммунистов «кроважидными зверьми» и распоряжается о следующих мерах к их пресечению. «Лица, замеченных в противодействии Народной армии, уничтожать на месте, а имущество отбирать, а семьи забирать в заложники и в случае измены уничтожать»⁵.

Об ужасе войск РККА, противостоявших повстанцам, говорят телеграммы командования Табольского боевого участка: «Движение огромной волной перекачивается все дальше и дальше. Банды усиливаются и увеличиваются... Категорически настаиваем дать наивозможно скорейшую помощь, иначе мы погибли»⁶. Или «Противник вооружен и опасен, т.к. большинство [повстанцев] — охотники-лыжники... Противник дает четырех и пятичасовые бои. Точно регулярная армия. Во имя спасения советской власти в губернии и на всем севере необходимо дать помощь». «Мы — народ и мы победим», — словно отвечало командование Северного отряда НПА⁷. Накал борьбы был таков, что партизаны за Уралом истребили около 30 тыс. партийных и советских работников⁸.

Как и махновцы, сибирские повстанцы пытались привлечь на свою сторону рядовой состав РККА. К примеру, воззвание штаба НПА Голышмановского района Ишимского уезда так изображало ложь ленинского режима. «Коммунисты идут на уловки. Они одурачивают красноармейцев, наших братьев, сыновей и отцов, говоря, что это восстали не крестьяне с мозолистыми руками, а остатки колчаковских банд, и послали их проливать свою родную, братскую кровь, в то время как они сами, развалившись в мягких креслах, набивают свое чрево изысканными кушаньями из продуктов, выбитых из крестьянина кровью и потом, и гнусно издеваются над красноармейцами, обманывая и затемняя их сознание подлыми, гнусными обещаниями и наветами»⁹.

Крестьянская по составу Красная армия услышала эти призывы к началу весны 1921 г., когда по всей стране разлилось сплошное море восстаний. Жирную точку в политике военного коммунизма поставило фактическое выступление РККА на стороне повстанчества. В первую очередь, речь идет о кронштадтском движении. Но его настроения в корне отличались от озлобленной ярости сибирских партизан и, по сути, повторяли общественно-политические выводы поздней махновщины. Как показано ниже, это не было случайным совпадением.

Началось кронштадтское движение, как акция солидарности с голодными бунтами питерских рабочих. Суровой зимой 1920-1921 гг. Петроград скатывался к социальному взрыву. Разруха, холод, голод. Нормы продовольствия постоянно сокращались. Всюду разбирались на дрова деревянные строения. Все зло политики военного коммунизма обрушилось на город, ее породивший. Частное письмо свидетеля событий от 1 марта 1921 г. емко характеризует положение народа перед началом мятежа. «Новости у нас в Кронштадте и Петрограде каждый день бунты, потому что городским жителям дают по полфунта хлеба в сутки на душу и им не хватает, а за деньги купить нельзя, а милиция разгоняет, чтобы не было вольной торговли; так городские жители убили 4-х милиционеров, а теперь идут такие бунты, что и небу жарко, не знаю, что будет дальше. Матросы бунтуют. Хотят, чтобы была вольная торговля и так что весной начнутся бои против коммунистов, потому что здесь все матросы и красноармейцы не хотят коммуны и кричат «дойлой коммуны и дайте нам вольную жизнь»¹⁰.

Резолюция решающего для начала восстания собрания команд 1-й и 2-й бригад кораблей Балтфлота, принятая 1 марта на Якорной площади Кронштадта, требовала свободы слова и печати для анархистов и всех социалистических партий. Кронштадтцы также требовали свободы для профсоюзов и крестьянских объединений, настаивали на перевыборах Советов тайным голосованием и свободной предвыборной агитации¹¹. Что преследовало уже знакомые нам цели «единого фронта» — демократизацию политической системы и производственное самоуправление. А требования полноправия крестьян на их земле и ликвидации заградотрядов означали все тот же черный передел (социализацию земли) и свободную торговлю. Кронштадтцы просили все воинские части и даже красных курсантов присоединиться к этой резолюции, то есть призывали к неповиновению всю РККА. Ленинцам было от чего испытать смертельный испуг.

В то же время, Волин указывал, что «движение моряков носило исключительно мирный и лояльный характер»¹². Это подтверждали и Известия Кронштадтского ревкома (далее, — ВРК): «Без единого выстрела, без капли крови совершен первый шаг. Трудящимся не нужна кровь. Они прольют ее только в момент самозащиты. У нас хватит выдержки, несмотря на все возмутительные действия коммунистов, чтобы ограничиться лишь изоляцией их от общественной жизни, дабы они злостной фальшивой агитацией

не мешали революционной работе». И безымянный автор «Правды о Кронштадте», изданной в Праге по горячим следам событий, уверенно заявлял: «Кронштадт великодушен. Он горд тем, что в нем не производится расстрелов, нет насилия, что он опирается на свободно выраженную волю всего трудового населения»¹³. Все это необычное «восстание» покоилось на глубокой вере матросов в то, что их поддержит вся Россия и в первую очередь Петроград. Восстания в привычном понимании не было, было вспыхнувшее стихийно движение мирного характера.

В полном соответствии этому, кронштадтцы ставили и реформистские цели движения. Резолюции выносились не против советской системы, а за ее реформирование путем свободных перевыборов, причем в рамках существующего законодательства. Как заявил один из членов ревкома, «Если советы будут перевыбраны на основах конституции (советской), т.е. тайным голосованием, то, думали мы, коммунисты не пройдут и завоевания октябрьской революции восторжествуют»¹⁴. Что соответствовало прогнозу Аксельрода: на сопротивлении демократизации Советов большевики сломают себе шею¹⁵.

Этот курс освящали лозунги: «Да здравствует красный Кронштадт с властью Свободных Советов», «Власть Советов освободит трудовое крестьянство от ига коммунистов» и т.д. Как указывали Известия ВРК, Кронштадт восстал «против правительства коммунистов для установления подлинной власти советов»¹⁶. А самый известный лозунг Кронштадта «Вся власть Советам, а не партиям!» следует рассматривать, как продолжение спора двух концепций организации трудящихся: беспартийной рабочей самоорганизации и партийного руководства пролетариатом.

Причем, чисто в контексте эволюционной тактики анархистов, Воллин заключал по этому поводу: «Не столь важно, что в сложившихся обстоятельствах восставшие говорили о власти (Советов), вместо того, чтобы навсегда избавиться от самой идеи «власти», заменив ее координацией, организацией, управлением. Тем самым они отдали последнюю дань прошлому. Завоевав полную свободу дискуссии, организации и деятельности, встав на истинный путь независимой активности, народные массы обязательно последовали бы по нему до конца»¹⁷. Логическое же развитие советской системы анархисты видели в Вольных Советах — органах экономического самоуправления трудящихся. И Канев прямо указывал, что «Мятежники держались анархистского требования «вольных Советов», и эти идеи были положены в основу переработанной резолюции... Многие ее положения проводили анархистские идеи»¹⁸.

Как и в мае 1917 г., кронштадтцы снова объявили свой остров автономной территорией. Они также стремились «пересоздать казенные профессиональные союзы в вольные объединения рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции»¹⁹. Что находит свои параллели в концепции КАОУ «Набат», проекте Декларации РПАУ/м и идеях «рабочей оппозиции». Так № 7 Известий ВРК от 9 марта прогнозирует, что после свержения диктатуры РКП/б, управление Советской социалистической республикой «будет принадлежать трудящимся классам в лице обновленных профсоюзов»²⁰.

Наконец, чисто в анархическом смысле, кронштадцы определяли свою борьбу с коммунистами, как борьбу за 3-ю революцию. Как указывали Известия ВРК, «Зоркий часовой социальной революции — Кронштадт, не проспал. Он был в первых рядах февраля и октября. Он первый поднял знамя восстания за третью революцию трудящихся». Или в другом номере Известий: «Здесь, в Кронштадте, положен первый камень третьей революции, сбивающей последние окопы с трудовых масс и открывающей новый широкий путь для социалистического творчества»²¹.

Родство кронштадтского и махновского движений простиралось дальше требования 3-й революции. И в Кронштадте махновцы успели сказать свое слово. К примеру, Канев утверждал следующее. «Среди 25 тыс. кронштадтских матросов свыше 10 тыс. были призывники с Украины, и в основном из районов, в которых действовали банды Махно. Они принесли в матросскую среду дух недовольства середняка продовольственной разверсткой. Эти крестьянские парни, многие из которых побывали в анархистствующих отрядах, были соответствующим образом настроены, заражены махновскими идеями»²².

То же подтверждает и участник штурма Кронштадта С. Урицкий: перед восстанием гарнизон крепости и корабли флота пополняли «пленные махновцы»²³. А еще в июле 1919 г. сводка Политуправления Балтийского флота сообщала: «на корабль («Андрей Первозванный» — В.А.) было прислано через штаб до 150 тов. моряков, среди которых имеются с григорьевского отряда и Махно»²⁴. К началу восстания этот линкор стоял у кронштадтских причалов, готовясь к консервации²⁵. Таким образом, налицо долгий процесс проникновения махновцев на базу Кронштадт.

Еще первый историк мятежа А. Пухов указывал, что в конце 1920 г. Балтфлот получил крупное пополнение, на 80% состоявшее из крестьян. Но, в отличие от предыдущих наборов, рекрутировавшихся в северо-западных губерниях РСФСР, этот состоял из жителей юга России (то есть, Украины — В.А.) и частично Кубанской области. Военно-морская «учебка» — Отряд молодых моряков —

в подавляющем большинстве состоял из украинцев. «Изрядный процент в общей массе прибывших составляли дезертиры и активные участники партизанских и бандитских движений на юге в 1918-1920 гг.», — указывал Пухов. И ранее, — «Прибыв во флот преимущественно из районов пораженных в гражданскую войну бандитизмом, из районов, где орудовали банды различных батек: Махно, Струка, Маруси, Ангела, Григорьева... молодые моряки принесли с собой те анархо-бандитские настроения». Причем, старослужащие красноармейцы прямо называли этих новобранцев «махновцами»²⁶.

Наконец, сам глава Кронштадтского ревкома Степан Петриченко с 1894 г. жил в Александровске, в сердце махновского района, откуда и был в 1914 г. призван на флот²⁷. Правда, Пухов указывает другой год призыва, — 1918²⁸, что косвенно может говорить в пользу участия Петриченко в событиях ранней махновщины. С апреля по октябрь 1920 г. он находился в отпуске на Украине, вероятно, в родных местах. При этом отпуск он получил кратковременный, но задержался и в течение 3-4 месяцев жил в Украине дезертиром²⁹. Конец отпуска приходился на заключение Старобельского соглашения и переход махновцев к легальной политической борьбе. А заявление Чопа: «Петриченко в своё время числился членом Гуляйпольского Союза Анархистов»³⁰, может говорить о его причастности к этим событиям. По возвращении на свой линкор, Петриченко отзывался о Махно, как вожде украинского крестьянства. Причем, Пухов указывал, что «Петриченко имел связь с анархистскими группами»³¹.

Примечателен в этом плане и «конспект показаний» Петриченко, заранее заготовленный чекистами, чтобы приписать ему при аресте. Согласно конспекту, «потерпев поражение в открытых боях с Советской властью на Украине, Махновская организация сочла нужным делегировать своих работников [в] подпольные организации на Север». Кронштадт был избран потому, что его матросская масса «более восприимчива к Махновским идеям»³². Даже если информация этой заготовки носит гипертрофированный характер, приведенные выше факты проникновения махновцев в крепость говорят о ее реальной подоснове. А судьбу Петриченко в ее контексте можно интерпретировать так, что дезертировавший с Балтфлота, он был отправлен назад махновцами для создания опорного пункта реализации Соглашения на Балтике, в глубоком тылу ленинского режима.

При этом, кронштадтская идея «мирного переустройства Советского строя» полностью отвечает концепции Старобельского соглашения, согласно которому махновцы собирались посред-

ством свободных выборов постепенно видоизменить Советскую власть до уровня Вольного советского строя. Известия ВРК заявляли также, что «Настоящий переворот дает трудящимся возможность иметь, наконец, свои свободно-избранные Советы, работающие без всякого насильственного партийного давления»³³. И это сродни стремлению к «Советскому Свободному безнасилованному строю», на которое указывал Белаш, как на цель махновского движения³⁴.

Сам состав мятежного ревкома в политическом плане уже представлял собой некий «единый фронт» с преобладанием анархизма. Последние из доступных мне данных на эту тему сведены в именном указателе А. Дубовика к «Неизвестной революции» Волина. Николай Архипов — экс-коммунист (есть данные, что присоединился к анархистам). Василий Байков, Александр Куполов, Иван Орешин — эсеры. Владислав Вальк — меньшевик. Сергей Вершинин, Герасим Ососов, Филипп Патрушев, Василий Яковенко, Петр Перепелкин — анархисты³⁵. Причем, последний отвечал в ВРК за пропаганду.

Сюда следует прибавить и махновскую принадлежность Петриченко, и широкую социальную базу мятежа в лице новобранцев-махновцев. К тому же восставшие ожидали выступлений в свою поддержку Махно и Антонова³⁶. Свидетельством влияния анархизма на движение в Кронштадте можно считать и поручение ревкома одной из своих делегаций. Она должна была переправить в крепость двух авторитетных анархистов Ярчука и Волина для помощи в работе³⁷. Но, повторюсь, влияния мирной, легальной тактики анархизма, впервые сформулированной в Старобельском соглашении.

И какая спокойная уверенность в своей правоте! Подобно махновщине, Кронштадт воплощал политические свободы немедленно и для всех. Ярчук так объяснял данный пункт требований: «этим совсем не хотели сказать, что в отношении правого и даже реакционного лагеря будет проводиться система репрессий. Система репрессий всегда влечет за собой существование узаконенного аппарата насилия, вроде большевистских чрезвычайок. Свобода же слова и печати держит врага на виду, дает возможность широким трудовым массам быстро изучить его, а интенсивная революционная пропаганда обезоруживает его»³⁸. Смысл этого отрывка переключается с мнением набатовки Келлер периода Безвластной трудовой федерации. Чем больше партии будут трубить о своей власти, конкурируя друг с другом, тем скорее широким массам станет ясно, насколько политическая власть несправедлива. Таким образом, партии сами изживут себя³⁹.

Как следствие, в крепости даже коммунисты пользовались свободой слова наравне с другими политическими силами. А в тюрьме, где сидели наиболее опасные из коммунистов, порядки были таковы, что заключенный журналист газеты «Красный Балтийский флот» Л. Филиппов смог организовать выпуск сатирической стенгазеты. По свидетельству его сокамерника А. Титова, «Стенновка остро высмеивала контрреволюционные лозунги и действия ревкомовцев»⁴⁰. Наконец, Известия ВРК публиковали всю клевету большевиков в отношении восставших⁴¹.

Также обращает на себя внимание организационное сходство маховского и кронштадтского движений. Со 2 марта в крепости работало постоянно действующее делегатское собрание⁴², повторявшее модель становления Вольных Советов в изложении маховского Культпросвета⁴³.

В то же время будет явным преувеличением говорить о некоем генетическом родстве между маховщиной и Кронштадтом. Хотя бы потому, что ревком крепости состоял из старослужащих, набранных на флот до революции. Можно согласиться с П. Эвричем, что терминология и понятийная база Кронштадта указывает на анархо-народническую направленность восстания⁴⁴. Скорее, перед нами результат восприятия идей анархических преобразований маховской рядовой массой, то настроение, что было принесено новобранцами в крепость из южно-украинских степей. При этом нельзя не отметить, что анархо-народнический характер движения ближе к самородной маховщине, чем к теориям «ученых» анархистов.

И все же впечатляющий круговорот анархистов в революции. В июле 1917 г. будущая соратница батьки Никифорова на Якорной площади призывала кронштадтских матросов идти на ЦИК Советов и свергать власть. После разгрома Черной гвардии в апреле 1918 г. столичные анархисты перебрались к Махно в Гуляйполе. Осенью 1920 г. множество маховской молодежи было рекрутировано на Балтфлот. И в марте 1921 г. на той же Якорной площади она уже призывала к 3-й революции. Этот круговорот лишний раз показывает, что, в отличие от разного рода политических путчистов, стихийная народная революция носила явный либертарный характер.

Общие мотивы находим также в приемах влияния маховцев и кронштадтцев на правительственные войска. Вспомним, как после разгрома Врангеля маховцы вели агитацию среди соседних частей Южфронта с целью их разложения и отказа выполнять приказ о подавлении РПАУ/м. Аналогично и мятежный ревком делал главный упор на силу агитации, а не оружия. На заседании ВРК 3 мар-

та руководители восстания отклонили предложения военспецов использовать растерянность большевиков и перейти в наступление⁴⁵. Восставшие пытались склонить на свою сторону береговые части укрепрайона. В результате, 2 марта была поддержана резолюция мятежников и созданы ревкомы в Рабоче-конвойном отряде и 1-м дивизионе гидроавиации Ораниенбаума. Однако движение там было быстро подавлено большевиками.

Еще раньше, делегация из 30 матросов была направлена в Петроград, где сообщила рабочим о целях движения, раздала выпущенные ревкомом приказы и листовки⁴⁶. С помощью радиостанции линкора «Петропавловск» ВРК предлагал рабочим, красноармейцам и матросам требовать от властей пропуска в крепость для своих представителей. Чтобы они на месте узнали всю правду, убедились в истинных целях кронштадтского движения⁴⁷.

Рабочие забастовки и кронштадтские события стали катализатором последнего подъема анархистов Центральной России. В Москве они пытались создать «Анархистский совет действия», в чем приняла активное участие Всероссийская секция анархистов-универсалистов. Этот Совет должен был сыграть решающую роль в развитии 3-й революции. В Петрограде группа «Голос труда» распространяла воззвания кронштадтцев. Анархисты раздавали по предприятиям города листовки, призывавшие рабочих посылать свои делегации в Кронштадт. Была назначена даже дата восстания в Петрограде — 12 марта⁴⁸. И, к примеру, на заводе Арсенал 8 марта была принята резолюция о присоединении к Кронштадтскому восстанию. А для связи с крепостью была избрана делегация в составе меньшевика, эсера и анархиста. Но, согласно докладу в Президиум ВЧК, движение в Петрограде не стало организованным и всеобщим благодаря быстрой ликвидации местных организаций эсеров, меньшевиков и анархистов⁴⁹.

Кронштадтцы прилагали все усилия, чтобы лишить режим возможности столкнуть их с красноармейцами в очередном братоубийстве. Так, они пытались увести из Петрограда ледокол «Ермак», чтобы взломать лед вокруг крепости и фортов. Но команда ледокола была арестована, топки погашены, а на борту поставлены караулы. Даже во время обороны крепости мятежники до последней возможности пытались избежать жертв. На подходах к фортам и крепости они взорвали лед, чтобы не дать пройти штурмовым колоннам. Во время неудачного штурма 7 марта корабельная артиллерия мятежников не расстреливала наступавших, а своим огнем отрезала резервы от передовых войск, в ре-

зультате чего наступление захлебнулось. Даже 17 марта, когда красные войска ворвались в крепость, встретившие их группы матросов начали братание⁵⁰.

Сильным ударом по имиджу компартии был массовый выход из ее рядов членов кронштадтской ячейки. В каждом номере Известия ВРК печатали индивидуальные и коллективные заявления о выходе из РКП/б, как сильный пропагандистский материал. Но потом они потеряли эту возможность, когда исход коммунистов стал массовым. В одном лишь № 8 опубликовано 168 фамилий «бывших коммунистов»⁵¹.

Наконец, в № 11 Известий была помещена резолюция красных курсантов и комсостава, которые попали в плен при неудавшемся штурме крепости 8 марта. Резолюция удостоверяла, что в Кронштадте нет никакого белогвардейского заговора. А курсанты и красные командиры добровольно переходят на сторону ревкома, так как последний «действительно встал на истинный путь в деле освобождения трудящихся». Пленная элита РККА просила зачислить ее в части защитников крепости⁵². Подобные резолюции, получи они широкое распространение за пределами Кронштадта, могли сильно дискредитировать ленинский режим.

Поэтому Троцкий требовал от командующего 7-й армии М. Тухачевского ввести контроль радиостанций на судах, что стоят на Неве, и блокировать пропаганду радио ВРК⁵³. Большевики настолько боялись агитаторов из Кронштадта, что создали против них на побережье барьер береговой охраны из чекистов и коммунистов. Но агитаторы все равно просачивались через караулы. И наибольшей удачи их пропаганда достигла в частях 27-й Омской дивизии. По свидетельству начдива 27 В. Путна, агитация, начавшаяся еще на станциях прохождения эшелонов дивизии, особенно усилилась на побережье Финского залива. Она подогревала настроения ледобоязни — страха перед штурмом крепости по непрочному льду, критиковала коммунистов и продрозверстку. В результате, в ночь на 14 марта 235-й Невельский полк попробовал увлечь за собой 236-й Минский и 237-й Оршанский полки в походе на Петроград, «на помощь рабочим»⁵⁴. Но мятежные части были разоружены, а 17 марта брошены на штурм фортов Кронштадта в качестве штрафников. В результате, из тысячи бойцов 235-го полка после отступления собралось под знаменами лишь 250⁵⁵.

Итак, требования Кронштадта не выходили за рамки советской конституции. Резолюция митинга на Якорной площади не призывала к восстанию и насильственному свержению ленинского режима.

Мало того, кронштадцы всячески пытались подтолкнуть ленинцев к переговорам и добровольной демократизации. Подобно Старобельскому соглашению, резолюция крепости призывала лишь к свободным прозрачным выборам, которые неизбежно должны были сменить лицо политического режима в Стране Советов. Стоит ли полагать, что мы имеем дело с усталостью трудящихся, решивших склониться перед террором и просить у режима уступок?

Нет, здесь другое. Как и махновцам времен Соглашения, военморам Кронштадта опостылело насилие, применяя его, они уподоблялись большевикам. Они более не желали проливать кровь в братоубийственной войне. Но, главное, восставшими двигала вера в свободный выбор трудящихся, которые еще не потеряли надежду на освобождение, озарившую их в 1917 г. «Рабочие и крестьяне неудержимо идут вперед, оставляя за собою и учредилку с ее буржуазным строем и диктатуру партии коммунистов с ее чрезвычайками и государственным капитализмом, мертвой петлей охватившей шею трудовых масс», — указывали 8 марта Известия ВРК⁵⁶.

И для правящего режима несомненность и опасность данного выбора была такова, что Ленин сделал главным объектом критики именно эти незначительные уступки, раздув их до угрозы возрождения белогвардейщины. «Переход политической власти от большевиков к какому-то неопределенному конгломерату или союзу разношерстных элементов, как будто бы даже немножко только правее большевиков, а, может быть, даже и «левее» большевиков, — настолько неопределенна та сумма политических группировок, которая в Кронштадте попыталась взять власть в свои руки...

Как бы ни была вначале мала или невелика, как бы это сказать... передвижка власти, которую кронштадтские матросы и рабочие выдвинули, — они хотели поправить большевиков по части свободы торговли, — казалось бы, передвижка небольшая, как будто бы лозунги те же самые: «Советская власть», с небольшим изменением или только исправленная, — а на самом деле беспартийные элементы служили здесь только подножкой, ступенькой, мостиком, по которому явились белогвардейцы»⁵⁷. Эта часть речи вождя на X съезде РКП/б довольно запутана, но сквозь ее словесную эквилибристику отчетливо проступает неподдельный испуг Ленина и всего режима.

И, действительно, притом, что в 1921 г. белое движение в советских республиках было практически подавлено, ничем, кроме страха власть предержащих подобные заявления объяснить нельзя. Ставшая классической оценка Лениным Кронш-

тадтского восстания лишний раз подтверждает такой вывод. «Эта мелкобуржуазная контрреволюция, несомненно, более опасна, чем Деникин, Юденич и Колчак, вместе взятые, потому что мы имеем дело со страной, где пролетариат составляет меньшинство, мы имеем дело со страной, в которой разорение обнаружилось на крестьянской собственности, а кроме того, мы имеем еще такую вещь, как демобилизация армии, давшая повстанческий элемент в невероятном количестве»⁵⁸. Заключение прекрасно понимал силу повстанческих настроений в РККА и угрозу, ожидавшую его режим в случае, если кронштадтское движение выльется на материк.

Тем больше усилий приложили большевики, чтобы опорочить восстание. И главным приемом здесь стало притягивание к заговору военспецов, в первую очередь, бывшего ген. Козловского, в качестве реальных руководителей мятежа. Ленинцы подло умолчали, что бывшие офицеры не могли попасть в крепость другим способом, кроме как быть до восстания спецами на службе в РККА. Как указывал сам А. Козловский, «Коммунисты использовали мою фамилию, чтобы представить восстание в Кронштадте в свете фелогвардейского заговора». Между тем, к военспецам краснофлотцы обратились лишь когда встал вопрос об обороне крепости⁵⁹. Ни в выработке резолюции, ни в создании ревкома спецы не участвовали.

Кроме того, ленинская пропаганда всячески очерняла Кронштадт мнимыми связями с западными капиталистами и Антантой. В то время как представители большевиков в столицах Европы шли на любые унижения, чтобы при помощи правительств самой Антанты блокировать восставшую крепость⁶⁰.

Тем не менее, Кронштадт исполнил роль отрезвляющего душа для лидеров большевизма, которые, наконец, поняли, что на одном терроре им больше не удержаться у власти. В своей речи на X съезде РКП/б Ленин, виртуозно обходя вопрос о чудовищных преступлениях красного режима, в очередной раз заявил, что крестьянин должен оказать кредит Советской власти своим трудом и продуктом.

Уже нет презрительных ярлыков вроде «мелкий хозяйчик», вождь называет крестьянина «мелкий производитель». И, вот, в условиях восстановления экономики и нужды власти в кредите от крестьянства, режим больше не может игнорировать лозунг свободной торговли. Ленин был вынужден признать, что до победы крупного производства, этот лозунг будет получать распространение, как экономическое условие существования мелкого производства. «Исходя

из этого рода соображений, ЦК и принял решение и открыл дискуссию по вопросу о замене разверстки налогом, а сегодня прямо поставил этот вопрос на съезде, что вы и одобрили сегодняшним вашим решением». Параллельно с этим, вождь указал на необходимость введения концессий для западных капиталистов, которые будут участвовать в восстановлении промышленности⁶¹.

Так закончилась политика военного коммунизма, один из самых чудовищных социально-экономических экспериментов в истории человечества, который советский исследователь С. Никольский охарактеризовал страшной в своей кажущейся невинности формулой «немедленная материализация утопий»⁶². Большевистский прорыв в светлое будущее на деле оказался апологией террора для достижения умозрительных целей. Что привело к наиболее ожесточенному сопротивлению не со стороны старых правящих элит, быстро нашедших свое место в новой системе эксплуатации, а широких слоев трудящихся, искренне поверивших в возможность социального и экономического освобождения, начертанного на знаменах революции.

В первую очередь, это касалось многомиллионного крестьянства, споры об изменении политики к которому шли в верхушке РКП/б в течение всего 1920 г. Но были они вызваны не приступом гуманизма у идеологов ПВК, а давлением народных масс: жали махновцы, дожимали антоновцы и сибирские повстанцы, Кронштадт стал последним усилием. Причем, в начале этих споров именно Ленин был главным противником новой экономической политики⁶³. И, значит, именно Ленина с его лживым ЦК крестьянское повстанчество, поддержанное мятежами в Красной армии, принудило к человечности, заставило отказаться от ПВК.

РКП/б признала свое поражение в попытке прямого и жесткого перехода к коммунистическому производству и распределению. Конец ПВК стал и концом классического большевизма. Переход к НЭПу явился частичным возвратом к рыночным отношениям, частному производству, свободе торговли. В социально-экономической сфере НЭП стал победой той самой «эсеровщины». Одним из основных положений Земельного кодекса РСФСР 1922 г. стал «черный передел», — крестьянская община стала контролировать 95% земли⁶⁴. Ленинцы были вынуждены пойти на экономические уступки, истребованные повстанчеством.

Дотяни легальная махновщина до этого времени, да еще укрепись победами на местных выборах и съезде Советов, низвержение ПВК в Украине неизменно было бы дополнено падением политической монополии КП(б)У. За чем последовала бы цепная

реакция политической демократизации и в РСФСР. Угроза потери власти ленинским ЦК была более чем реальна. Но ирония истории в том, что именно на примере Старобельского соглашения большевики могли наглядно убедиться, что ждет их в случае демократизации политической системы, как станут перетекать массы к их оппонентам и к какой катастрофе покатится их режим.

Поэтому экономические уступки трудящимся подавались «в пакете» с жесткими репрессиями в отношении политических оппонентов, тем более повстанцев. Историки отмечают решающее значение политических мер для прекращения Западно-Сибирского восстания. В первую очередь, решения X съезда РКП/б о замене продрозверстки продналогом⁶⁵. И делегаты съезда, направленные под Кронштадт, в части 7-й армии, одним из главных средств агитации избрали разъяснение речи Ленина о переходе от разверстки к продналогу⁶⁶.

Вместе с тем, приказ по ВЧК требовал «изъятия» анархистов, эсеров и меньшевиков из распределительных, продовольственных и земельных органов. А также их удаления с заводов, чтобы исключить призывы к забастовкам⁶⁷. Кронштадт был залит кровью восставших, а антоновщину травили боевыми газами. Внутри РКП/б резолюцией «О единстве партии» были запрещены любые фракции (в том числе, «рабочая оппозиция»), тем самым, усилена монополия ленинского ЦК. Больше того, Ленин в который раз показал себя непревзойденным политиком и разгромил альтернативный центр власти в партии во главе с Троцким. И все это он проделал в рамках одного X съезда.

С окончанием Гражданской войны курс режима на полное огосударствление экономики и милитаризацию труда сделал Троцкого и союзное ему Оргбюро опасными конкурентами для власти Ленина. И когда Троцкий в ноябре 1920 г. предложил политику «закручивания гаек», ведущую к окончательной замене выборного начала в профсоюзах на управление назначенцев, Ленин воспользовался сопротивлением профсоюзных боссов, чтобы поднять знамя борьбы с бюрократизмом в компартии. Что нашло свое отражение в общепартийной «дискуссии о профсоюзах», прочно связанной с конфликтом «верхов» и «низов» партии.

Но в оболочке этой дискуссии шла борьба ленинского Политбюро против Оргбюро, как центра партийно-государственных назначений, поддерживавшего Троцкого. Группировка Ленина и Зиновьева искусно воспользовалась антипатией партийных масс к бюрократической прослойке партии, откуда Троцкий и Оргбюро черпали свои силы. И на этой волне, в рамках X съезда РКП/б

вождь провел кардинальную чистку состава ЦК, в который не были переизбраны Крестинский и другие сторонники Троцкого. Кстати, следственная комиссия ВЧК по Кронштадтскому мятежу назвала падение авторитета компартии вследствие разгрома троцкистов в командовании Балтфлота среди главных причин восстания⁶⁸. И эта политическая битва в верхах большевизма также обошлась «без капли крови», но эффективность ее была много выше, чем у Кронштадтского мятежа.

В реальности Ленин боролся не против назначенчества и бюрократизации, а за монополию руководства этим процессом, монополию власти. Но эта борьба окончательно подорвала силы самого вождя. Ленин начал терять работоспособность, постепенно уступая свои позиции Сталину. Выказав себя в ходе «дискуссии о профсоюзах» непримиримым врагом Троцкого, Сталин получил из рук вождя пост генерального секретаря партии. На деле же и Сталин оказался верным продолжателем линии Троцкого на бюрократизацию и огосударствление, но повел ее более хитро, в обход сопротивления вождя.

Болеющий Ленин прозрел слишком поздно. Его знаменитое письмо к XIII съезду РКП/б (1922 г.) указывало, что на посту генсека Сталин сосредоточил в своих руках необъятную власть, которой вряд ли сумеет пользоваться осторожно. Вождь выражал беспокойство, что «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места...»⁶⁹. Ленин пытался сделать теперь ставку на Троцкого, как противовес Сталину, но тот уже перевалил свой пик и не мог оказать реального сопротивления нарастающему могуществу «кремлевского горца».

Итак, Сталин не осваивал ничего принципиально нового, его курс не стал неким сбоем ленинской политической системы, а та «необъятная власть», на которую указывал дряхлеющий вождь, была прямым следствием государственного абсолютизма, задуманного и продвигавшегося Лениным в виде политики военного коммунизма. Сталин лишь закрепил за собой тот массив полномочий, что в 1918 г. получил глава большевистского «отдела кадров» Свердлов. Он был последовательным ленинцем в своей крестьянофобии и классовой нетерпимости, апологетике террора и идеализации концлагерей, борьбе с инакомыслием и политическом цинизме.

Но, главное, Сталин стал эталоном ленинской модели «железного большевика», — сильного лидера с манией идейной непогрешимости, крестоносца социализма, методами инквизиции выжигающего поли-

тическую ересь. Что же могло оттолкнуть уходящего Ленина от своего логического продолжения? Отбросив мысль о тривиальной ревности к сменщику, можно допустить, что вождь просто увидел себя без грима. Чтобы понять это, надо обнажить суть ленинского проекта. А именно, — какие цели он преследовал, какие средства использовал для их достижения, что за люди его обеспечивали.

Сразу после Октябрьского переворота Ленин взял за руководство к действию постулат марксизма о непримиримой классовой борьбе, но проигнорировал прогноз своих учителей об отмирании классов в будущем, на высшей стадии коммунизма. Вождь большевизма объявил обострение классовой борьбы еще на стадии строительства социализма (первой ступени к коммунизму) и уничтожение (!) классовой структуры общества. Последнее в реалиях государства большевиков свелось к физической ликвидации представителей иных, «непролетарских» классов, в том числе, крестьянства. По замечанию профессора Э. Розина, важнейшими рефренами государствоведческой позиции Ленина были «беспощадно» и «расстрелять»⁷⁰. В результате, понимание государства, как машины для насилия, было реализовано большевиками в буквальном смысле: массовое истребление и изощренные изуверства, во многом предвосхитившие режим Третьего Рейха. Недаром Волин именовал большевизм «красным фашизмом».

Больше того, когда основным способом построения социализма признается насилие государства, логичным воплощением такого подхода является разрастание государства до размеров общества. Как следствие, марксистская идея об отмирании государства, в ленинизме трансформировалась в свою противоположность — всеобщее огосударствление. Тут показателен комментарий к первой Конституции РСФСР представителя Наркомата юстиции М. Рейснера, который бичевал идею разделения властей, как буржуазный пережиток и заявлял, что для героической борьбы за социализм требуется единство и сосредоточение власти. «Российская социалистическая республика не заинтересована в каком-либо делении или балансировании политических сил по той простой причине, что она основывается на превосходстве одной всеохватывающей политической силы»⁷¹.

Прямым следствием такой политической монополии явилась узурпация права судить об общественном благе. Как отмечал Аршинов, «Основной чертой психологии большевизма является утверждение своей воли путем насильственного устранения воли всех остальных, абсолютное подавление личности, низведение ее до неодушевленного предмета»⁷². Свободно выраженной воле

широких масс в становлении будущего общества, большевики противопоставили догму кучки теоретиков, самопровозглашенной элиты, претендующей на истину в последней инстанции. Причем, элиты настолько фанатичной, что была готова на любые уловки и преступления ради достижения поставленной цели.

В первую очередь, допускалось обманывать сопротивляющиеся «в своей костности» массы, и с помощью лжи добиваться их участия в своем проекте. Ложь была одним из главных орудий большевизма. Еще в бытность свою меньшевиком, в 1913 г. Троцкий указывал, что «Все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации»⁷³. А в 1923 г. Ярчук применял к большевикам слова Бакунина, — «лгут всегда, это их сила, их жизнь, весь секрет их существования; они возвели ложь в систему, и нет на свете такого правительства, которое бы могло оспаривать у них пальму первенства в фальсификации истины»⁷⁴. И Волин указывал, что «советская» власть побила все рекорды лжи, обмана и блефа. Тут большевики были непревзойденными мастерами, в сравнении с которыми нацисты — скромные ученики и подражатели. Большевики использовали все средства «для развития и поддержания удивительно мощной системы одурачивания, трюкачества, показухи и мистификации»⁷⁵.

В ход шли любые возможности для строительства государства. Где нужен был опыт — не стеснялись привлечь специалистов из вражеского лагеря, с последующей расправой над отработанным материалом. А в свете идеализации насилия, ленинцы делали ставку на жестокость, использование аморальных элементов, переходящих в патологии. Как отмечает Розин, большевики «апеллировали к тем социальным слоям, которые находились в тотальном отчуждении от общества, порвали все духовные связи и, будучи духовно опустошенными и озлобленными, готовы были идти на беспредел»⁷⁶. Для мобилизации таких кадров ленинцы использовали низменные факторы: зависть, жажду власти, долю при разделе имущества. И моральное разложение красной бюрократии особенно быстро шло на селе, где власть имела оккупационный характер, а в комбеды вступали криминальные элементы, не обремененные идеологией, но готовые на все ради права повелевать⁷⁷.

В результате такой кадровой политики, по свидетельству Аршинова, большевизм выдвинул «многочисленную группу лиц — цепких, властных, чуждых какой бы то ни было общественной и моральной сентиментальщины и не останавливающихся ни перед какими средствами в борьбе за свое торжество»⁷⁸. Стоит ли уточ-

нять, что подобная селекция руководителей и вела к сталинизму, где «кадры решают все»? Причем, будущий диктатор участвовал в ней с самого начала. Как отмечает Грациози, будучи наиболее авторитетным членом РВС Южфронта, Сталин руководил процессом отбора специфических кадров, осуществлявших свирепую политику большевиков в районах действия фронта. По мнению исследователя, именно здесь создавалась матрица «для штамповки палачей эпохи Большого Террора»⁷⁹.

Мало террора, для своего проекта ленинцы всерьез планировали создание идеальных людей. Так один из ведущих экономистов партии Е. Преображенский заявлял, что «чистый» коммунизм возможен только с «чистыми» людьми, а все зараженное капитализмом, — негодный материал для этого. В целях создания таких людей государство хотело отбирать детей у родителей для правильного воспитания. А, кроме того, индивидуальную любовь планировалось заменить «половым коммунизмом», при котором партнеров должны были подбирать ученые. Индивид вообще признавался лишь точкой перехода от прошлого к будущему и должен был подчиняться долгосрочному производственному плану⁸⁰.

И все это людоедство, и моральное разложение стали прямым результатом ленинской политики военного коммунизма — антигуманной, механистически-бездушной схемы достижения политического идеала. Воистину, преступность властителя-вора, стремящегося к собственному обогащению, не идет ни в какое сравнение с преступностью властителя-фанатика, бесчеловечного в стремлении к идеалу. Но отсюда и отрицание анархистами методов исторического и экономического материализма, которые заковывают многообразную жизнь в схему отвлеченных построений⁸¹.

Поэтому, несмотря на кажущуюся общность конечных целей, в отношении анархистов марксисты всегда вели грязную борьбу, начиная с изгнания бакунистов из 1-го Интернационала путем фальсификаций и подставных делегатов. Что в очередной раз подтвердил и предательский разгром махновцев. Здесь показателен эпизод из Волина. Уже после ареста, в московской тюрьме ВЧК у него произошла дискуссия с начальником секретно-политического отдела Т. Самсоновым, в которой он без обиняков высказал чекисту все, что думает о подломе нападения большевиков на махновцев. Самсонов ответил так: «Ах! Вы неисправимо наивны. Это лишь говорит о том, что мы, большевики, многому научились с начала революции и стали настоящими умелыми государ-

ственными деятелями». И далее чекист цинично резюмировал извлеченную из союза с Махно выгоду и необходимость убрать его, когда он стал мешать⁸². Причем, Самсонов этот — бывший анархист, перешедший в ряды РКП/б и, по свидетельству Горелика, ставший одним из «главных и самых страшных преследователей и душителей анархистов»⁸³.

Большевизм в своем стремлении к необъятной власти был абсолютным антиподом анархизма. Это окончательно выяснилось, как только повстанчество и краснофлотцы в 1921 г. оказали непреодолимое сопротивление ПВК. Тогда большевики спокойно оставили планы реализации беспощадной утопии. Как отмечал автор «Правды о Кронштадте», ради сохранения власти коммунисты пошли на отказ от коммунизма, предпочли отменить разверстку, восстановить торговлю, дать концессии иностранному капиталу. Восстание выявило, что «большевикам не дороги те завоевания октябрьской «революции» и коммунизм, из-за которых начата была ими та страшная гражданская война, и от которых они так легко отказались, а дорога была лишь власть, только власть, власть помимо рабочих и крестьян, власть над пролетариатом, власть против воли всего народа»⁸⁴.

И Аршинов указывал на то же: «Крестьяне и рабочие, имя которых миллионы раз произносится всуе на протяжении всей русской революции, являются лишь мостом, по которому пробирается к власти новая каста — четвертое господское сословие»⁸⁵. Но и он лишь подтвердил гениальность прозрений Махайского о грядущем господстве социалистической интеллигенции.

Здесь мы и подходим к опасениям Ленина, высказанным в известном завещании вождя. Наши знания о последующем сталинизме дают заключить, что его основатель просто отбросил, как отслуживший инструментарий, ленинскую ложь, демагогию и притворство, всю наносную мишуру немедленного коммунизма и романтику добровольных лишений ради всеобщего блага. Его режим стал честнее в нескрываемой тирании большевизма, переходящего в «красный фашизм», и показал реальное лицо неограниченной и самоценной власти, как сознательного изуверского механизма. Повстанцы и анархисты не смогли победить большевизм, но они обнажили его суть, смысл этого явления, расчетливо спрятанный под пролетарскими лозунгами.

Одновременно, мученичество Кронштадта стало и окончательным поражением мифа об эффективности стихийной самоорганизации, которая стала слабым местом практически всех народных движений, в том числе, анархического.

- ¹ Павлюченков С.А. *Военный коммунизм в России: власть и массы*. М. 1997., с.139
- ² *Сибирская Вандея. 1920-1921. Документы*. т.1. М. 2000., с.6-7
- ³ *За советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии 1921. Сборник документов*. Новосибирск. 2000., с.7
- ⁴ *Сибирская Вандея. 1920-1921. Документы*. т.1. М. 2000., с.71-72, 76-77
- ⁵ *За советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии 1921. Сборник документов*. Новосибирск. 2000., с.353, 258
- ⁶ *За советы без коммунистов*. с.269-270
- ⁷ *Сибирская Вандея. 1920-1921. Документы*. т.2. М. 2001., с.239, 260
- ⁸ Павлюченков С.А. *Военный коммунизм в России: власть и массы*. М. 1997., с.139
- ⁹ *Сибирская Вандея. 1920-1921. Документы*. т.2. М. 2001., с.196
- ¹⁰ Семанов С.Н. *Кронштадтский мятеж*. М. 2003., с.113
- ¹¹ *Кронштадт 1921. Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г.* М. 1997., с.50
- ¹² Волин В.М. *Неизвестная революция*. М. 2005., с.324
- ¹³ *Правда о Кронштадте*. Прага. 1921., с.84, 22
- ¹⁴ *Правда о Кронштадте*. с.8
- ¹⁵ *Меньшевики в 1919 – 1920 гг. Документальное наследие*. М. 2000., с.663-664
- ¹⁶ *Правда о Кронштадте*. Прага. 1921., с.20
- ¹⁷ Волин В.М. *Неизвестная революция*. М. 2005., с.385
- ¹⁸ Канев С.Н. *Октябрьская революция и крах анархизма*. М. 1974., с.375
- ¹⁹ *Правда о Кронштадте*. Прага. 1921., с.84
- ²⁰ *Правда о Кронштадте*. с.92
- ²¹ *Правда о Кронштадте*. с.34, 83-84
- ²² Канев С.Н. *Октябрьская революция и крах анархизма*. М. 1974., с.354-355
- ²³ *Крах контрреволюционной авантюры. Воспоминания участников подавления кронштадтского мятежа*. Ленинград. 1978., с.47
- ²⁴ Кузьмин М.В. *Кронштадтский мятеж*. Л. 1931., с.19
- ²⁵ Семанов С.Н. *Кронштадтский мятеж*. М. 2003., с.70
- ²⁶ Пухов А.С. *Кронштадт и Балтийский флот перед мятежом 1921 г. // Красная летопись № 6, 1930 г.*, с.158-161
- ²⁷ *Кронштадт 1921. Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г.* М. 1997., с.402
- ²⁸ Пухов А.С. *Кронштадт и Балтийский флот перед мятежом 1921 г. // Красная летопись № 6, 1930 г.*, с.155
- ²⁹ Пухов А.С. *Кронштадт во власти контрреволюции // Красная летопись № 1, 1931 г.*, с.41
- ³⁰ Чоп В.Н. *Нестор Махно. Запорожье*. 1998., с. 60
- ³¹ Пухов А.С. *Кронштадт во власти контрреволюции // Красная летопись № 1, 1931 г.*, с.41-42
- ³² *Кронштадт 1921. Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г.* М. 1997., с.363-364

- ³³ Правда о Кронштадте. Прага. 1921., с.84
- ³⁴ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.444
- ³⁵ Дубовик А. Именной указатель // Волин В.М. Неизвестная революция. М. 2005., с.553-603
- ³⁶ Кронштадт 1921. Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г. М. 1997., с.77
- ³⁷ Волин В.М. Неизвестная революция. М. 2005., с.353
- ³⁸ Ярчук Е. Кронштадт в русской революции. Нью-Йорк. 1923., с.55
- ³⁹ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.212
- ⁴⁰ Крах контрреволюционной авантюры. Воспоминания участников подавления кронштадтского мятежа. Ленинград. 1978., с.84
- ⁴¹ Правда о Кронштадте. Прага. 1921., с. 18
- ⁴² Эврич П. Восстание в Кронштадте. М. 2007., с.158
- ⁴³ сравните: Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине 1918 — 1921. Документы и материалы. М. 2006., с.289
- ⁴⁴ Эврич П. Восстание в Кронштадте. М. 2007., с.170
- ⁴⁵ Правда о Кронштадте. Прага. 1921., с.14-15
- ⁴⁶ Правда о Кронштадте. с.65-66
- ⁴⁷ Правда о Кронштадте. с.18-19, 67
- ⁴⁸ Канев С.Н. Октябрьская революция и крах анархизма. М. 1974., с.363-364
- ⁴⁹ Кронштадт 1921. Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г. М. 1997., с.82, 231
- ⁵⁰ Крах контрреволюционной авантюры. Воспоминания участников подавления кронштадтского мятежа. Ленинград. 1978., с.49, 252, 277
- ⁵¹ Правда о Кронштадте. Прага. 1921., с.28
- ⁵² Волин В.М. Неизвестная революция. М. 2005., с.351-352
- ⁵³ Кронштадт 1921. Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г. М. 1997., с.71
- ⁵⁴ Крах контрреволюционной авантюры. Воспоминания участников подавления кронштадтского мятежа. Ленинград. 1978., с.62, 187, 232
- ⁵⁵ Крах контрреволюционной авантюры. с.190, 192, 240
- ⁵⁶ Правда о Кронштадте. Прага. 1921., с.84
- ⁵⁷ Десятый съезд РКП(б). М. 1933., с.35-36
- ⁵⁸ Десятый съезд РКП(б). с.35
- ⁵⁹ Правда о Кронштадте. Прага. 1921., с.14-15
- ⁶⁰ Правда о Кронштадте. с.35
- ⁶¹ Десятый съезд РКП(б). М. 1933., с.38-39
- ⁶² Никольский С.А. Власть и земля. Хроника утверждения бюрократии в деревне после Октября. М. 1990. с.156
- ⁶³ Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М. 1997., с.37
- ⁶⁴ Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. М. 2008., с.41
- ⁶⁵ Сибирская Вандея. 1920-1921. Документы. т.1. М. 2000., с.8
- ⁶⁶ Крах контрреволюционной авантюры. Воспоминания участников подавления кронштадтского мятежа. Ленинград. 1978., с.30

- ⁶⁷ Кронштадт 1921. Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г. М. 1997., с.37
- ⁶⁸ Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М. 1997., с.177, 181, 195-196
- ⁶⁹ Ленин. ПСС. т.45., с.345-346
- ⁷⁰ Розин Э. Ленинская мифология государства. М. 1996., с.10, 53
- ⁷¹ Розин. с.131
- ⁷² Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.46
- ⁷³ Розин Э. Ленинская мифология государства. М. 1996., с.33
- ⁷⁴ Ярчук Е. Кронштадт в русской революции. Нью-Йорк. 1923., с.56
- ⁷⁵ Волин В.М. Неизвестная революция. М. 2005., с.268
- ⁷⁶ Розин Э. Ленинская мифология государства. М. 1996., с.140
- ⁷⁷ Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. М. 2008., с.21, 30
- ⁷⁸ Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.46
- ⁷⁹ Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. М. 2008., с.30
- ⁸⁰ Никольский С.А. Власть и земля. Хроника утверждения бюрократии в деревне после Октября. М. 1990. с.41
- ⁸¹ Тепер И. Махно. От «единого анархизма» к стопам румынского короля. Харьков. 1924., с.6
- ⁸² Волин В.М. Неизвестная революция. М. 2005., с.497-498
- ⁸³ Горелик А. Анархисты в российской Революции. Аргентина 1922., прим.15 // цит. по <http://socialist.memo.ru/books/html/gorelik.html>
- ⁸⁴ Правда о Кронштадте. Прага. 1921., с.40
- ⁸⁵ Аршинов П. История махновского движения (1918-1921) // Тайны истории. М. 1996., с.44-45

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Впечатляющие успехи анархизма и шире, — сил трудовой демократии, опиравшихся на решимость трудящихся достичь социального освобождения, все же не привели к победе. Почему так? Ведь симпатии широких масс были на их стороне, повстанческое движение в ряде губерний превышало численность РККА, армия и флот морально были с ними, а демобилизации давали крупный прирост повстанчества военными кадрами. Даже красные курсанты, плененные под Кронштадтом, поддержали его требования демократизации. У анархистов сложилась эффективная система агитации. Они налаживали сотрудничество с умеренными социалистами (Пархоменко и Антонов, Новоселов и Крестьянский союз, ВРК Кронштадта). Наконец, они имели опыт склонения правящего режима к заключению договора о мирном сосуществовании (Старобельское соглашение). В сумме напрашивается главный вопрос: чего же им не хватило для победы над большевизмом?

Волин указывал на такие причины поражения анархизма. Первым делом, это менталитет народных масс, в котором прочно укоренился предрассудок государства, врожденный и поддерживаемый силой печатного слова. Даже социализм они воспринимали не более чем новый справедливый вид государственного строя. В то же время анархической литературы практически не было. Второй важной причиной было незначительное число анархистов в начале революции, к тому же неорганизованность делала их федерации слабее политических партий. Наконец, сказалось отсутствие самостоятельных организаций трудящихся, которые смогли бы взять на себя всю полноту экономического самоуправления в стране¹.

Однако эти замечания справедливы лишь до заключительной фазы Гражданской войны. Новые условия, открытые Старобельским соглашением, впечатления самого Волина от настроения масс в тот период, отклик не то что села, но даже промышленных центров Украины на махновско-набатовскую агитацию, наконец, махновские настроения в войсках и даже госаппарате УССР говорят о том, что выше названные проблемы были преодолимы. Поэтому, не

оспаривая выводов Волина, в контексте перехода махновцев к новой тактике реализации ВСС, следует указать еще одно важное условие: анархисты должны были искусно владеть новыми средствами продвижения своего проекта. В частности, Литвинов справедливо назвал Старобельское соглашение крупнейшим *политическим* поражением большевиков в борьбе с анархистами. Но ленинцы тут проиграли лишь сражение, для полной же победы над ними анархистам не доставало *политического искусства*.

Уже в 1918 г. М. Вебер соглашался со словами Троцкого о насильнической сути государства, но был вынужден признать, что при появлении социальных образований, не применяющих насилие, как средство, на смену государству придет анархия². Действительно, насилию власти анархизм не может противопоставлять большее насилие. Если последнее является сутью государства, эскалация насилия анархистами приведет только к жесткой государственности под черными знаменами. Кроме того, в нашем конкретном случае, махновцы имели дело с фанатичным обожествлением власти в образе большевизма, готового на любые преступления ради сохранения своего режима. Аналогичной преступной готовностью анархизм не обладал, и обладать не может.

Следовательно, последним оставшимся способом продвижения Вольного советского строя было разложение режима изнутри. В сравнении с братоубийственной мясорубкой Гражданской войны, переход махновцев к политической борьбе был не проявлением их слабости, а решительным шагом к постепенным ненасильственным методам преобразования общества. Предтечей чего можно считать предложение Кропоткина о создании федеративной республики на Государственном совещании августа 1917 г. Шубин видит в этом предложении эволюционный подход к политической децентрализации России³.

Здесь также следует учитывать, что самостоятельность, как необходимое условие социального освобождения, — это то качество в человеке и обществе, которое не дается от рождения, его надо воспитывать. Причем, процесс такого воспитания нуждается в благоприятных условиях. Их можно ждать до окончания времен, а можно создавать путем целенаправленных действий. Чем махновцы и занимались: то пытались оградить свой эксперимент договором об автономии района, то штыками Повстармии во вражеском тылу, пока не поняли, что село не может стать созидательной анархической силой в обстановке постоянной войны. Это понимание и привело к Старобельскому соглашению. А более чем вероятная победа махновцев на выборах в Советы Екатери-

нославской, части Херсонской и Полтавской губерний, а, возможно, и Крыма, давала легальные механизмы создания благоприятных условий для опытов самоуправления и вызревания анархической самодеятельности трудящихся.

Только и эта возможность перехода от государства к вольному строю могла быть реализована лишь при умении махновцев ею воспользоваться, при их политической искушенности. При их способности создать деятельное объединение анархических сил, о котором, вспомним, батька мечтал еще в марте 1917 г. Но и при наличии идейной выдержанности такого объединения, чтобы в процессе легальной политической борьбы оно не скатилось к авторитарному вырождению анархизма. Реальность подобной угрозы показала «дискуссия по платформе» 1926-1931 гг. в среде русской анархической эмиграции, ставшая, по сути, осмысленным организационного опыта анархистов Гражданской войны.

В ноябре 1925 г. Махно все же пришел к идее, о которой пророчествовал Барон в сентябре 1920 г., и что пыталась реализовать КАОУ «Набат» в период Старобельского соглашения. К созданию Союза анархистов на принципах общей дисциплины, возможно, даже партии анархистов⁴. Эту идею поддержал и развил Аршинов в своем проекте «Организационной платформы Всеобщего союза анархистов».

Но, бичуя хроническую неорганизованность анархического движения, авторы Платформы, в то же время, отвергали набатовскую идею синтеза «единого анархизма», как теории и практики, устраивавшей представителей всех течений. Будущую Платформу Аршинов и Махно видели объединенной вокруг анархо-коммунистической программы⁵. Что вызвало решительное сопротивление анархистов других направлений, и фактически вернуло движение к склокам фракций ВРСовета времен Вольного Екатеринослава. Теоретические противоречия, столкновения которых в махновщине сдерживала совместная борьба с государственниками, неизбежно обострились в условиях отсутствия анархической практики.

В частности, группы синдикалистов Волина и Григория Максимова обвиняли Махно в отходе от своей же концепции времен Гражданской войны о максимальном распылении власти по низовым органам самоуправления. Батька и Аршинов предлагали теперь большую централизацию управления, что грозило авторитарным вырождением будущего Союза анархистов.

Кроме того, анархо-коммунистическая программа Платформы отрицала «переходный период» к анархии и объявляла начало строительства чистого либертарного общества с «первого дня социальной революции». Такое давление на социум имело сильное сходство с политикой военного коммунизма, что давало основание опасаться

насильственной реализации анархического идеала. К примеру, соратница Кропоткина Мария Корн выражала озабоченность, каково будет отношение к другим партиям на территориях, занятых анархистами, будет ли применяться к безоружному врагу насилие или сохранится свобода организации, слова и печати для всех?⁶

По сути, на эти вопросы уже ответила политика махновцев в отношении партий периода Безвластной трудовой федерации. Платформа же была явным отступлением от этой политики, что, в общем, стало свойственно батьке еще в заключительный период махновщины. Загнанный в подполье красной блокадой, Махно склонился к более авторитарной модели. В конце марта 1921 г. батька зачитал СРПУ/м свой новый проект «декларации махновцев», которая утверждала переход к социализму посредством диктатуры труда и «Вольных Советов», близких по политической организации к Советской власти. За что товарищи обозвали его бонапартом, банкротом и капитулянтом и полностью отвергли декларацию⁷.

Кроме того в проекте Платформы Аршинов с Махно явно пытались совместить свой практический опыт Гражданской войны с анархо-коммунистическими воззрениями о социальной революции, как немедленном переходе от государства к анархии. Что, напомню, было отвергнуто уже и самим основателем либертарного коммунизма. Верность авторов Платформы этому заблуждению и обусловила чрезмерную, почти большевистскую жесткость такого перехода.

Но в итоге «дискуссии по платформе» победило эволюционно-антиавторитарное течение Максимова, опиравшееся на теорию Бакунина и подъем анархо-синдикализма. Максимов полагал, что за социальной революцией наступит длительный эволюционный переходный период, во время которого остатки власти будут все более демократизироваться и расплываться до их полного уничтожения⁸. Таким образом, осмысление теоретиками опыта Гражданской войны косвенно подтвердило перспективность Старобельского соглашения, как свода условий для реформирования Советской власти в Вольный советский строй.

И, главное, поражение Платформы, как и предыдущая критика декларации Махно образца 1921 г., и коллегиальный контроль над батькой со стороны САГР летом 1920 г. свидетельствуют в пользу того, что идейная выдержанность и целеустремленность анархистов способны исполнять роль сдерживающего фактора от авторитарного вырождения движения в переходный период.

Причем, на примере махновщины можно утверждать, что основой такого сдерживания является не столько критика коллег по политической организации, сколько общий настрой масс, проник-

шихся духом социального освобождения. Вспомним Волина: «Самым важным была общая атмосфера движения. В конечном счете, главную роль играла масса, а не Махно и командиры. Масса действовала независимо, была полностью свободна во взглядах и поведении. Можно не сомневаться, что в такой атмосфере свободного движения деятельность массы выправила бы недостатки «вождей»⁹. Что и в дальнейшем явилось бы гарантией создания единой, но свободной политической организации анархистов, читавшейся в перспективах Соглашения.

Ключевым здесь является указание договаривающихся сторон, — это правительство УССР и махновская армия¹⁰. В Соглашении не оговаривались сроки его действия. Значит, оно было действительным, пока существовала РПАУ/м, а после войны — ее гражданский правопреемник. Наиболее вероятно таким преемником могла стать партия или профсоюз, подобный испанской Национальной конфедерации труда. Причем, во Франции такая конфедерация уже имела тенденцию к превращению из профсоюза в Анархистскую рабочую партию¹¹. Схожий путь для РПАУ/м прогнозирует свидетельство Белаша о начавшемся в ноябре 1920 г. преобразовании самого «Набата» в партию. Видимо, это и имел в виду Барон, когда указывал, что рано или поздно махновцы сами придут к организации чуть ли не анархической партии¹². Можно предположить и создание некоей общей структуры, возникшей из слияния преобразованных КАОУ и махновской армии.

Вспомним и другое замечание Волина, что «политическая власть» сама по себе, без опоры на капитал, госаппарат, полицию и армию является фикцией, бессильным фантомом. В пример он приводил Временное правительство, получившее власть после февраля 1917 г. Но без централизованного госаппарата и покорной армии его падение было неизбежно¹³. Этот принцип распространяется на любую власть, не обладающую централизованной системой принуждения. Децентрализация убивает власть, и это вторая гарантия от ее гипотетического захвата единой анархической организацией. Без централизованного аппарата власть по всей стране невозможно установить реально, разве что, объявить.

Поэтому, когда в Платформе речь шла о централизованной схеме перехода к анархии, такой проект нес в себе реальную угрозу превращения победившей анархической организации в новое правительство. Поэтому он вполне логично был отвергнут мировым анархическим сообществом. И, напротив, в концепции преобразований, вытекавшей из Старобельского соглашения, анархические организации (их объединение) через своих депутатов в Советах проводят идеи ВСС, то есть максимальной децентрализации и автономии Советов на местах. Такое объединение может

называться как угодно, но реальной угрозы захвата политической власти его деятельность не содержит. Поэтому, как справедливо указывал батька, будет ли эта организация называться партией или как-нибудь иначе, — неважно¹⁴.

Итак, программа-минимум анархизма оказалась зажата меж двух угроз — авторитарным уклоном (позднее вылившимся в платформизм), злоупотребляющим политической составляющей анархических преобразований, и анархо-коммунистическим заблуждением о скачке в анархию, результатом которого стало пренебрежение анархистами искусством политической борьбы. Именно последнее заблуждение явилось роковым для Старобельского соглашения, да и всего анархического движения в Стране Советов. Отрицание переходного периода к свободному обществу, где исключена политика в этактическом смысле слова, естественно, делало искушенность в данной науке ненужным для анархистов рудиментом государственного строя. Но, в итоге, на стадии совершенно обоснованного перехода анархистов к легальной политической борьбе, их поражение было обусловлено абсолютной неготовностью к такой борьбе.

Аналогично тому, как сотни стихийных крестьянских восстаний, невооруженных и неопытных в военном деле, легко подавлялись малочисленными красными карателями, как спонтанный мятеж кронштадтских матросов не повременил до весеннего ледохода и тем самым обрек себя на поражение, махновцы времен Старобельского соглашения оказались совершенно неподготовлены к политическому соревнованию с большевиками. Образно говоря, на то поле боя, где большевики были много сильнее, чем их вооруженные силы в борьбе с повстанцами, анархисты вышли с голыми руками.

Вспомним хотя бы эпизод времен Соглашения — отказ Волина и КАОУ «Набат» от предложения большевиков работать в органах производственного управления УССР. Литвинов охарактеризовал этот отказ, как не совсем умный и дипломатичный¹⁵. Действительно, легализовавшись в УССР и вступив на путь политической борьбы, то есть, — изменения системы управления изнутри, какой смысл было отказываться от участия в этом? Официальный доступ влияния на пролетариат серьезно подорвал бы позиции большевиков в Украине.

Или уже сам Волин возмущался поведением группы питерских и зарубежных анархистов во время кронштадтских событий. Речь идет о «протесте», направленном 5 марта в Комитет Труда и Обороны Петрограда. Как замечал Волин, документ составлен в примирительных, неопределенных и двусмысленных выражениях.

«Авторы питали наивные и тщетные надежды урезонить большевиков, побудить их действовать «по-товарищески»»¹⁶. Ну, прямо попытка устыдить громилу! Если даже под занавес анархизма в Стране Советов его лидеры не выработали адекватных методов в отношении узурпаторов, шансов победить в борьбе с прожженным большевистским политиканством у них практически не было.

Тем не менее, в анархизме до сих пор существует явное пренебрежение искусством политической борьбы, и даже ее отрицание в целом. А современное анархическое движение практически самоустранилось из политической сферы. Такое отношение берет начало из противоречивых взглядов Бакунина — основателя революционного анархизма. С одной стороны, он справедливо критиковал институт представительской демократии и проповедовал неучастие в политической жизни. С другой, — именно Бакунину принадлежит фраза «Воздержание от политики — это глупость, придуманная мошенниками, чтобы одурачить идиотов»¹⁷.

Так и один из последних теоретиков анархизма Алексей Боровой указывал, что анархисты ведут борьбу с государством, которое является политическим учреждением. Значит, анархисты единственные и ведут настоящую политическую борьбу¹⁸. Его дополнял Волин, который в декабре 1917 г. отвечал на обвинения социал-демократов в отрицании анархистами «политической борьбы» вообще. Он указывал, что анархисты отрицают «политическую борьбу» лишь в виде борьбы для захвата власти или организации политической партии с целью захвата власти. «Но анархисты признают политическую борьбу, как защиту революционных благ от насилий и покушений. Эту борьбу они вели и ведут всегда и везде»¹⁹.

Наряду с этатизмом философия видит анархизм одним из двух основных типов политического сознания²⁰. Анархическое сознание так же отражает и осваивает политическую действительность, творчески содействует формированию и развитию процессов политической жизни²¹. Анархический тип политического сознания — это свод взглядов, норм и рефлексий, формирующих представление о свободном и справедливом обществе без власти и государства, а также путях его достижения.

Между тем, Волин верно отметил, что на момент Октябрьского переворота, Россия не имела практически никакого политического опыта. И трудящиеся массы не понимали всей опасности, которую таят политические методы²². Действительно, при монархии политическая система находилась в младенческом состоянии, вялые партии Государственной Думы не могли противостоять энергичному напору большевистского политиканства, замешанного на демагогии, манипуляциях, грязных приемах. До появления большевиков не было прецедентов столь мощной и массовой промывки мозгов. Они привнесли в политику множество новых

технологий, мгновенно сделавших старорежимные интриги допотопной архаикой. Поэтому предостережение трудящихся Волиным и сегодня является для анархистов руководством к действию.

Уже в начале переходного периода анархисты, как идеологи и советчики либертарного освобождения, должны досконально знать политику, уметь противостоять ее методам и ограждать от них массы. Ни в коем случае не отказываясь от приоритета прямого действия, но и не противопоставляя его, как панацею, политическим навыкам государственников. И, значит, анархист, как сталкер, выводящий общество из мира политического принуждения, является также политиком.

«Дискуссия по платформе» дала анархистам запоздалое осознание того, что эволюционный переход к либертарному обществу предполагает взаимодействие разных политических сил, и искусство политики в арсенале анархистов для продвижения своих идеалов. Ведь анархический тип сознания — это и учет политических реалий общества на данном этапе развития, в том числе, готовности масс к самоуправлению без власти. В этом смысле признание Белашом неспособности крестьянства быть созидательной анархической силой²³ является оценкой политической реальности, из которой махновцы делали организационные выводы о необходимости Соглашения и перехода к политической борьбе.

В этактическом социуме политика воспринимается узко, — как способ получения власти. В противостоянии этактического и анархического типов сознания политика должна быть переосмыслена, как способ обращения с властью. Как ее получения, так и избавления от нее, как ее укрепления, так и нейтрализации ее, выделения властью и обезвластвования. В межсистемном понимании политика — есть оказание влияния на распределение власти. А значит, старо-анархическая идея «распыления власти», как децентрализации системы управления, ведущей к низовому самоуправлению коллективов и их автономным экономическим Советам, находится в контексте политических преобразований и требует от анархистов их искусной реализации.

Мало того, «аполитичное» общество анархии также является политическим идеалом. В частности, политическое сознание либертарного общества подразумевает совокупность оценок и знаний о взаимодействии субъектов данного общественного строя, а также умение использовать эти знания. Только если при этактическом строе обществом управляет государство и «политика» в прямом смысле слова ограничивается субъектами влияния, так или иначе связанными с этим институтом, анархия подразумева-

ет самоуправление общества, следовательно, политическая функция не исчезает, а распространяется на весь социум, как систему управления самим собой.

Здесь к месту вспомнить махаевцев: в основе интеллигенции, как общественного класса, лежит владение особой производственной силой — знаниями²⁴. Действительно, знания, как средство производства, были собственностью социалистической интеллигенции и распространялись, в первую очередь, на политическую сферу. Именно политические знания и навыки стали основным капиталом и орудием большевиков. Обобществление же этого капитала при помощи анархистов и есть одна из главных задач социализации, ведущая к либертарному обществу. И анархисты-универсалисты сходным образом говорили о политике без политиков, без специальных правителей, с преобразованием институтов правления в институты самоуправления²⁵.

Таким образом, анархия подразумевает не ликвидацию политиков, а присвоение этого звания всем гражданам. Либертарное общество подразумевает специфическую политику автономных организаций, заключающуюся в их взаимодействии с себе подобными и ненасильственном продвижении своих интересов.

На VII съезде РКП/б в марте 1918 г. злой гений Русской революции Владимир Ленин произнес знаковую для данного исследования фразу: «Наш лозунг должен быть один — учиться военному делу настоящим образом»²⁶. Политическое искусство — это оружие, вероятно, мощнейшее из придуманных человечеством. Именно с его помощью большевики разгромили многочисленные силы разноцветной оппозиции. Учиться политическому делу настоящим образом — вот главный урок поражения анархистов в Гражданской войне.

Стремление к власти — мощнейший стимул, тем более, патологическое властолюбие большевизма. Стремление к безвластию обладает не меньшей мощностью. Его лишь надо соответственно вооружить. И пока анархисты не вооружатся мощнейшим «политическим оружием», главный урок Старобельского соглашения остается ими не выученным. А значит, некому будет вывести человечество из мира политического принуждения.

Но само Соглашение — это больше, чем урок. Это символ веры в свободный выбор людей, в их желание самостоятельно строить свою жизнь, во всеобщность этого желания. А заодно и символ анархического гуманизма, понимания бессмысленности навязывать силой добровольное общество без принуждения.

**Одесса,
ноябрь 2008 — июль 2010 гг.**

- ¹ Волин В.М. *Неизвестная революция*. М. 2005., с.118-123
- ² Вебер М. *Избранные произведения*. М. 1990., с.645
- ³ Шубин А.В. Два этапа творчества П.А. Кропоткина и идейная борьба в российской анархистской эмиграции 20-х — 30-х гг. // Труды комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина. М. 1992. вып.2 // цит. по <http://oldcancer.narod.ru/150PAK/02-09Shubin.htm>
- ⁴ Махно Н.И. На чужбине 1923-1934 гг. Записки и статьи. Париж. 2004., с.57-58
- ⁵ Анархисты. Документы и материалы. т.2. 1917-1935 гг. М. 1999., с.471, 476
- ⁶ Шубин А.В. Анархия — мать порядка. М. 2005., с.396
- ⁷ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.554
- ⁸ Шубин А.В. Проблема «переходного периода» в российской эмигрантской анархической мысли // Анархия и власть. М. 1992., с.100-101
- ⁹ Волин В.М. *Неизвестная революция*. М. 2005., с.525
- ¹⁰ Нестор Иванович Махно. Воспоминания, документы и материалы. К. 1991., с.175
- ¹¹ Скирда А. Индивидуальная автономия и коллективная сила. Париж. 2002., с.84 // страницы указаны по <http://piter.anarhist.org/biblio.htm>
- ¹² Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.430
- ¹³ Волин В.М. *Неизвестная революция*. М. 2005., с.106
- ¹⁴ Махно Н.И. На чужбине. Записки и статьи 1923-1934 гг. Париж. 2004., с.58
- ¹⁵ Литвинов В. О четвертом (октябрь 1920 года) военно-политическом соглашении между Революционно-повстанческой армией (махновцев) и коммунистическим правительством РСФСР // *International Review of Social History* 32, 1987, с.396
- ¹⁶ Волин В.М. *Неизвестная революция*. М. 2005., с.373
- ¹⁷ цит. по Ударцев С.Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России. М. 1994., с.137
- ¹⁸ Боровой А.А. Анархизм. М. 2007., с.81
- ¹⁹ Волин. Революция и анархизм. Набат. 1919., с.86
- ²⁰ Мамут Л.С. Этатизм и анархизм как типы политического сознания. М. 1989., с.6
- ²¹ Ударцев С.Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России. М. 1994., с.39
- ²² Волин В.М. *Неизвестная революция*. М. 2005., с.149-150
- ²³ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. К. 1993., с.446
- ²⁴ Сыркин Л. Махаевщина. М. 1931., с.13
- ²⁵ Анархисты. Документы и материалы. т.2. 1917-1935 гг. М. 1999., с.382
- ²⁶ Ленин ПСС., т.36, с.26

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ.....	3
Старобельское соглашение — капитуляция или победа анархистов в борьбе с большевизмом? Стремление к «свободной трибуне», — положения договора, легализующие махновцев и анархистов в советских республиках.	
БОРЬБА ЗА СОВЕТЫ.....	9
Природа и функции Советов в теории анархистов и большевиков. Анархисты в Советах периода двоевластия 1917 г., в июльском кризисе и Октябрьском перевороте, борьба за безвластные Советы. «Антисоветский» характер ленинского режима, узурпация Советов, суть политики военного коммунизма. Идея 3-й анархической революции, создание Черной гвардии и ее разгром большевиками.	
НЕЗАВИСИМОСТЬ РАЙОНА.....	33
Создание Конфедерации «Набат», крестьянский антиэтатизм и самородный анархизм Гуляй-Поля. Государственный капитализм и большевистский поход на село. Союз махновцев с РККА весной 1919 г. Гуляйпольский союз анархистов: «критический способ развития революции» — легальная политическая борьба и мирное построение анархии. Идея автономии анархического района в составе Советской Украины. Репрессии против махновцев. Развал Южного фронта и попытка провозглашения «Махновской республики».	
УРОКИ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	57
Безвластная федерация махновцев осени 1919 г. Запрет власти, политические свободы и самоорганизация трудящихся. Социальный проект махновцев и механизмы работы Вольных Советов. Конфликт с умеренными социалистами и провал создания махновских Советов в городах федерации. Структура власти большевистского государства, жесткая централизация, Советы — декорация партийной диктатуры. Махновцы — могильщики деникинщины и спасители ленинского режима. Предательские удары красных, гибель Повстармии.	
СОПРОТИВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛА.....	90
Военный коммунизм в области мирного строительства: всеобщая милитаризация труда, ужесточение продразверстки, красный террор в махновском районе. Сопrotивление села весной 1920 г., возрождение Повстармии, черный террор махновцев. Аграрная политика Врангеля — угроза социальной базе махновщины. Бело-махновские отряды и их нейтрализация.	

В ПОИСКАХ ТЕРРИТОРИИ.....109

Идея завоевания территории для анархических экспериментов. Набатовское представительство в махновщине, рейды Повстармии в поисках нового района. Политические процессы внутри махновщины, борьба групп влияния в Союзе анархистов. Разрыв с «Набатом». Архитекторы и строители анархического общества. Трудовая собственность и экономический идеал махновцев.

БЕСПРЕЦЕДЕНТНАЯ ПОБЕДА.....130

Наступление Врангеля и нужда большевиков в махновской коннице. Условия заключения Старобельского соглашения. Смена махновской тактики: реформирование Советской власти в Вольный советский строй, возврат к легальной политической борьбе. Перспективы анархизма в контексте Соглашения. Оппозиция к Соглашению внутри махновщины. Махновцы на врангелевском фронте, попытки красных обескровить движение.

МИРНЫЙ ЭТАП РЕВОЛЮЦИИ.....150

Тыловая группа Повстармии: социальное строительство в рамках Соглашения. Возвращение набатовцев — агитаторы Культпросвета. Вокруг 4-го пункта Соглашения — автономии махновского района, степень его угрозы для ленинского режима. Планы распространения анархического самоуправления, всеукраинская зараженность махновщиной. Махновская агитация в войсках Южного фронта — не дать большевикам нарушить Соглашение. Предательское нападение красных.

ПОЛЕ СХОЖДЕНИЙ.....171

Упущенные возможности Соглашения — «единый фронт» антибольшевистских сил. Общие цели и контакты махновцев с эсерами, меньшевиками, «рабочей оппозицией» в РКП/б и «советскими анархистами». Анархические идеи в программах умеренных социалистов. Демократизация Советов и производственное самоуправление — общие требования оппозиции. Контуры переходного периода к анархическому обществу в советских республиках.

БЕЗ КАПЛИ КРОВИ.....194

Западно-Сибирское восстание и призыв к Красной армии. Кронштадтский мятеж, как ненасильственное движение, реформистские цели восставших. Сходство кронштадтских планов «мирного переустройства Советской власти» с концепцией Старобельского соглашения. Махновцы в Кронштадте. Ревком, как реализация идеи «единого фронта». Повстанцы — могилщики военного коммунизма. Ленинский монополизм и подавление оппозиции, истоки сталинизма. Природа большевизма: все ради власти — фальсификации и государственный абсолютизм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 216

Выводы из опыта социального строительства анархистов Гражданской войны. «Дискуссия по платформе», перспективы и угрозы единой анархической организации. Эволюция, ненасильственное преобразование общества: переход к легальной политике, децентрализация и создание условий для самоуправления трудящихся. «Политическое оружие» в арсенале анархистов.

Спецвыпуск. Газета «Набат» №№ 16 — 18 за 2011г.
Свидетельство о регистрации КВ № 4304 выданное 13.06.2000г.

Вячеслав Валентинович Азаров
Старобельское соглашение —
Одесса: ДП «Набат». 2011. —228 с.

Допечатная подготовка — И.Цабиенко.
Дизайн обложки — А.Азаров.

Сдано в работу 19.11.2011г.
Подписано в печать 23.12.2011г.
Формат А-5. Усл. п. л. 11,1
Бумага офсетная. Гарнитура Pragmatika.
Тираж 500 экз. Зак. № _____.

Отпечатано в типографии ЧП «Офсетик»

